Н. ВЕРЕВКИНЪ
(АРТУРСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ)

СТРАНИЧКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ОСАЖДЕННАГО АРТУРА

ИЗДАНІЕ
П. А. АРТЕМЬЕВА
С-ПЕТЕРБУРГЪ
1905.

Странички изъ Дневника.

Очерки изъ жизни осажденнаго Артура.

bDK263

Н. Веревкинъ.
(«Артурскій обыватель»)

Странички изъ Дневника.

192193

ОЧЕРКИ
изъ жизни осажденнаго Артура.

Изданіе П. А. Артемьева.

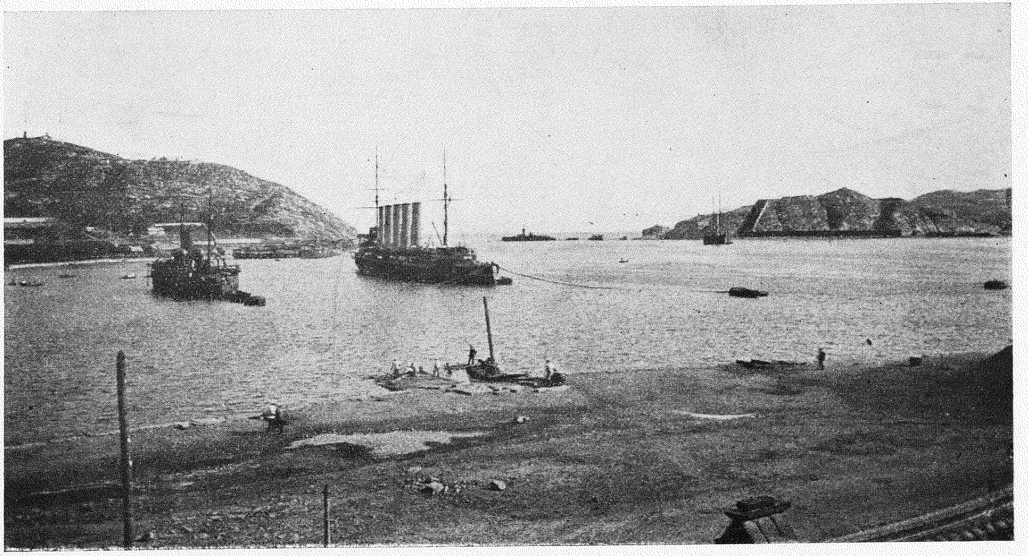
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

«Труды 38»

(2)

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
Гороховая 49

[illegible]



Входъ въ Портъ-Артуръ.

Предисловіе издателя.

«Одно могу вамъ сказать, — говорилъ П. А. Артемьевъ,—былъ бы живъ Кондратенко, Портъ-Артуръ былъ бы взятъ, но никогда не былъ бы сданъ. Но это всѣ знаютъ, въ этомъ всѣ такъ увѣрены и здѣсь. Это показали и сегодняшнія похороны».

(Памяти героя. Арн. Гессенъ: «Разсвѣтъ», 27 сент. 1905 г. № 183).

Предлагаемые вниманію читающей публики очерки изъ жизни осажденнаго Артура являются воспроизведеніемъ статей Артурскаго обывателя (Н. Н. Веревкина), помѣщенныхъ на страницахъ «Новаго Края» въ 1904 году и дополненныхъ тѣми, которыя не были пропущены мѣстною военною цензурою, а также написанными уже послѣ сдачи П.-Артура и прекращенія тамъ дѣятельности «Новаго Края» *).

Имя Н. Н. Веревкина тѣсно связано съ «Новымъ Краемъ» въ злополучный періодъ осады Артура — рѣдкій номеръ газеты проходилъ безъ какой-либо его статьи.

Исключительность юмористическаго таланта Артурскаго обывателя заключалась въ томъ, между прочимъ, что онъ особыми оборотами эзоповскаго языка нашелъ возможность вѣщать Артурскимъ читателямъ то, что подъ гнетомъ самоуправ-

*) Не были пропущены цензурою странички отъ: 7 и 14 іюня, 20 іюля, 26 августа, 22 сентября, 6 октября и 7 декабря. Сказаніе о священномъ городѣ Рутрѣ предназначалось для перваго номера по возстановленіи сообщенія, но не было помѣщено т. к. сообщеніе не возстановилось. Всѣ странички, начиная съ 28 декабря написаны уже по прекращеніи газеты въ П.-Артурѣ.

наго режима бывшаго начальника укрѣпленнаго раіона, какъ вопль душевный, просилось наружу.

Будучи свидѣтелемъ той бездѣятельности, которая царила благодаря этому режиму, «Новый Край», въ своемъ безсиліи говорить правду, могъ только на своихъ столбцахъ замалчивать имя начальника укрѣпленнаго раіона и долженъ былъ прибѣгнуть къ эзоповскому языку, понятному однако каждому артурцу.

Выпуская въ свѣтъ эту книгу, я бы хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать русскому обществу возможность хотя отчасти уяснить себѣ тѣ условія, при которыхъ малочисленнымъ работникамъ печатнаго слова въ осажденномъ Артурѣ пришлось искать особыхъ способовъ служить своему дѣлу, въ особенности, когда Артуръ оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ всего міра.

Въ силу этого еще въ іюнѣ мѣсяцѣ выѣхалъ изъ Артура на джонкѣ постоянный сотрудникъ «Новаго Края» М. Ф. Черниховскій, который впослѣдствіи своими телеграфными корреспонденціями въ «Русскомъ Словѣ» положилъ начало къ разоблаченію дутыхъ героевъ П.-Артура.

По тѣмъ же причинамъ, а также вслѣдствіе прямыхъ гоненій со стороны начальника укрѣпленнаго раіона, выѣхалъ благодаря поддержкѣ коменданта крѣпости и командира порта, военный корреспондентъ Е. К. Ножинъ послѣ того, какъ газета, закрытая на 1 мѣсяцъ, вновь стала выходить подъ условіемъ запрещенія Ножину принимать какое-либо участіе въ ней.

Какъ извѣстно, Ножина оклеветали въ шпіонствѣ, а причиною закрытія газеты, *выходившей подъ двойною* (*военною и морскою*) *цензурою*, было выставлено «печатаніе неподлежащихъ оглашенію свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ».

Тѣмъ не менѣе газета, подъ вѣчнымъ страхомъ быть ежеминутно закрытою вновь, перебираясь изъ одного разбитаго непріятельскими снарядами помѣщенія въ другое, провлачила свое существованіе вплоть до позорной сдачи П.-Артура и

естественнымъ путемъ замолкла 22 декабря, въ день вступленія въ городъ японскихъ войскъ.

Мы же, работники «Новаго Края», бросивъ въ силу необходимости все свое имущество въ занятомъ непріятелемъ городѣ, выѣхали однако оттуда съ большимъ запасомъ впечатлѣній отъ пережитаго позора и съ твердымъ намѣреніемъ, чтобы, разобравшись въ нихъ, отдать ихъ на судъ общественнаго мнѣнія.

И вотъ, первая часть нашей работы завершена. Результатъ этой работы — изданіе въ свѣтъ отдѣльныхъ книгъ, посвященныхъ описанію выдающейся Портъ-Артурской эпопеи.

Книги эти нынѣ находятся въ печати *).

Разбросанные временно послѣ сдачи П.-Артура, мы соединились вновь съ тѣмъ, чтобы по выпускѣ въ свѣтъ задуманныхъ отдѣльныхъ изданій, вновь, подъ знаменемъ «Новаго Края», выступить въ ежедневномъ органѣ, безъ предварительной цензуры, въ защиту попранныхъ интересовъ Россіи на Дальнемъ востокѣ.

Мы вѣруемъ, что движеніе Россіи на востокъ есть историческое движеніе. Никакой миръ, заключенный съ отказомъ отъ занятаго нами ранѣе положенія на Дальнемъ востокѣ не можетъ отстановить этого стремленія. Россія такая держава, которая при обширности своей территоріи не можетъ развиваться въ экономическомъ отношеніи безъ выходовъ въ открытое море.

Упавшій интересъ русскаго общества къ вопросамъ Дальняго востока является результатомъ нашихъ неудачъ въ вооруженномъ столкновеніи съ Японіею, раскрывшихъ несостоятельность нашего бюрократическаго строя и привлекшихъ все вниманіе русскаго общества на внутреннее положеніе Россіи.

---

*) Страдные дни Портъ-Артура. П. Ларенко.—Въ японской неволѣ. Ф. И. Купчинскій.—Осажденный Портъ-Артуръ. Е. К. Ножинъ.—Японія сейчасъ. К. Т. Веберъ.—Исторія возникновенія русско-японской войны. М. Ф. Черниховскій.—Квантунскій укрѣпленный раіонъ. Очерки вооруженія и обороны крѣпости. Ве. Ве.—Всѣ эти изданія иллюстрированы.

Упадокъ этого интереса однако временной.

Нынѣ, когда съ высоты престола раздался призывъ народа, въ лицѣ его представителей, къ участію въ государственномъ управленіи, интересъ этотъ неизбѣжно, по мѣрѣ проведенія въ жизнь положенія о Государственной Думѣ, вернется и тогда болѣе, чѣмъ когда либо явится необходимость, для воспособленія въ работѣ этихъ народныхъ представителей, въ правдивомъ освѣщеніи истиннаго положенія дѣлъ на Дальнемъ востокѣ и интересовъ Россіи тамъ.

Настоящая книга — первая дань вниманія къ сотруднику, исключительнымъ свойствамъ таланта котораго газета «Новый Край» была обязана тому интересу, съ которымъ она читалась отрѣзанными отъ всего міра обитателями осажденной крѣпости, и первый опытъ ознакомленія русскаго общества съ тѣми чувствами, съ которыми переживали мирные артурцы осаду своего города и позорную сдачу его японцамъ.

П. А. Артемьевъ.

С.-Петербургъ,
27 сентября 1905 года.

Домъ редактора-издателя, пробитый двумя 11 д. снарядами.

Воскресныя бесѣды въ саду редактора-издателя.
П. П. Лассманъ. Е. К. Ножинъ. М. А. Тыртовъ.
И. С. Левитовъ. П. А. Артемьевъ. Н. Н. Веревкинъ.

1904 годъ.

13 апрѣля.

Какъ ни ужасна война, какъ ни тяжелы условія жизни въ городѣ, который періодически каждые 10—12 дней подвергается непріятельской бомбардировкѣ, но тѣмъ не менѣе жизнь, пока шальной осколокъ не перенесъ насъ въ лучшій міръ, предъявляетъ свои требованія и удовлетвореніе ихъ также настоятельно необходимо, какъ необходимо напримѣръ всему живущему дышать, свѣжимъ воздухомъ.

Толстой, обходя ночлежные дома Москвы во время переписи, былъ пораженъ пришедшей ему мыслью, что вѣдь каждый нищій кромѣ тѣхъ минутъ, что онъ стоитъ на улицѣ съ протянутой за подаяніемъ рукой, имѣетъ тѣ же 24 часа въ сутки, которые ему надо чѣмъ-нибудь пополнить.

Точно также и люди, живущіе въ городѣ, подвергающемся, какъ я уже сказалъ, періодическимъ бомбардировкамъ, имѣютъ и помимо этихъ непріятныхъ минутъ, когда въ ушахъ стоитъ свистъ отъ рвущихся снарядовъ, свои насущныя потребности, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть отложено или отсрочено до наступленія мирнаго времени.

Общественная жизнь сплетается въ извѣстныя правоотношенія: зачастую на нитяхъ этихъ правоотно-

шеній образуются узлы, распутать которые можетъ лишь посторонній человѣкъ, а не заинтересованныя въ томъ лица.

Эти правоотношенія и во время войны требуютъ своей нормировки.

Скажу больше, иногда именно благодаря войнѣ затягивается новый узелъ, который для того, чтобы жизнь все-же текла болѣе или менѣе правильно, долженъ быть распутанъ теперь-же, а не на досугѣ, когда адмиралу Того наскучитъ безцѣльное обстрѣливаніе нашего города.

На страницахъ „Новаго Края“ уже сообщалось, что портъ-артурскій окружный судъ, послѣ начала военныхъ дѣйствій переѣхалъ, въ полномъ составѣ въ г. Читу Забайкальской области.

Не сомнѣваюсь, что принимая такое рѣшеніе, какъ переѣздъ изъ Артура въ Читу, т. е. за 2,000 верстъ окружный судъ имѣлъ конечно къ тому какіе-либо положительныя данныя и, насколько мнѣ извѣстно, только одинъ изъ членовъ суда г. Загоровскій нашелъ безусловно нужнымъ оставаться на мѣстѣ, т. е. въ Артурѣ.

Какого рода соображенія руководили судомъ, мнѣ неизвѣстны, но на мой обыкновенный, такъ сказать, „обывательскій“, взглядъ одно названіе „портъ-артурскій окружный судъ“ уже указываетъ, что надлежитъ ему быть въ Артурѣ, а не въ Читѣ.

Но, впрочемъ, я можетъ быть и ошибаюсь. Я не спеціалистъ въ данномъ дѣлѣ и если заношу это обстоятельство на странички своего дневника, то только, какъ нѣчто не совсѣмъ понятное моему обывательскому разуму.

Желательно было-бы послушать, что скажутъ на это люди болѣе компетентные въ дѣлѣ, чѣмъ я.

Генералъ-Адъютантъ, Адмиралъ Е. И. Алексѣевъ,
Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ.

20 апрѣля.

Тускло горятъ керосиновыя лампы послѣ яркаго электричества мирнаго времени.

Въ типографіи полумракъ.

Кончается сверстка послѣдней страницы.

Отъ цензора вернулся разсыльный съ гранками.

Ментраншажъ привычной рукой выбрасываетъ кое-гдѣ изъ набора вычеркнутыя строки.

Какъ громъ раздался выстрѣлъ...

Гулко разнесло его эхо прибрежныхъ горъ.

Дрогнувшія стекла оконъ какъ-то жалобно отозвались на этотъ гулкій раскатъ.

Прошла минута. Вотъ еще выстрѣлъ..., а за нимъ третій, четвертый, десятый, не сосчитаешь...

Сотрудники забѣгаютъ въ типографію, чтобы выкурить папироску. За папироской послѣднія новости...

„Гиляк“, „Отважный“, „Гремящій“ разстрѣливаютъ японскіе брандеры, ихъ много, сначала 2, потомъ 5... вотъ уже 8... 10. Цифры растутъ. Немолчно вторятъ батареи. Вотъ ударила Тигровка, вотъ Золотая, это Электрическій, а это далекій Ляотешанъ вплетаетъ и свой голосъ въ общій хоръ грохочущихъ орудій.

Не удержался и „Аскольдъ“. Блеснулъ огонекъ, полетѣлъ подарокъ японцамъ и отъ него. Черезъ головы передовыхъ судовъ...

А въ типографіи идетъ работа. Не можетъ же на завтра Артуръ остаться безъ газеты.

Готовъ уже корректурный экземпляръ. Глаза пробѣгаютъ строки еще свѣжаго, сырого отъ краски листа.

А въ ушахъ стоитъ все тотъ-же немолчный гулъ.

Завертѣлся тяжелый маховикъ, задвигалъ своими длинными костлявыми пальцами рашкеръ, въ послушную кипу складывается завтрашній номеръ.

Выстрѣлы дѣлаются рѣже.

Нѣтъ, нѣтъ, а дрогнетъ еще точно непривычное къ бомбардировкѣ оконное стекло...

А машина все работаетъ... Но дѣлаетъ она это дѣло не одна. Ею надо управлять. При ней люди...

22 апрѣля.

Эмиль Золя въ одномъ изъ небольшихъ своихъ разсказовъ описываетъ, какъ въ началѣ франко-прусской войны онъ грустный сидѣлъ надъ картой и тяжелыя мысли ложились на его душу при видѣ этихъ еще ничего не говорившихъ именъ и названій невѣдомыхъ деревень и селеній, которымъ можетъ быть завтра суждено стать извѣстными всему свѣту.

Прольются потоки человѣческой крови, исчезнутъ тысячи молодыхъ жизней и городокъ, о которомъ знали лишь его немногочисленные обитатели, получитъ громкую извѣстность.

Смолкнетъ громъ рокочущихъ орудій, стихнутъ стоны на полѣ брани оставшихся и телеграфъ разне-

Вице-Адмиралъ С. О. Макаровъ.

сетъ во всѣ концы міра ужасную вѣсть, вѣсть о тысячахъ человѣческихъ жертвъ.

На другой день никому невѣдомый дотолѣ Гравелотъ сталъ всемірно извѣстенъ. Имя его облетѣло весь свѣтъ.

И я, глядя на карту Кореи, смотрю на эти пестрящіе въ глазахъ—Яны,—Саны,—Чжю,—По и—Янги. Тѣ же мысли невольно приходятъ на умъ. Который изъ нихъ окажется Гравелотомъ японской арміи?

Гдѣ разыграется первый актъ этой кровавой трагедіи, которая закончится неминуемо на островахъ архипелага.

Императоръ Вильгельмъ своимъ крылатымъ словечкомъ „желтая опасность“ яснѣе всякихъ длинныхъ разсужденій опредѣлилъ смыслъ и значеніе совершающихся событій.

Какъ бы упорно ни бились японскія войска, съ какимъ бы чисто азіатскимъ фанатизмомъ они не шли на вѣрную гибель, силы ихъ будутъ сломлены.

Не слѣпой шовинизмъ, нѣтъ — далеко не онъ диктуетъ мнѣ эти строки, а вразумляющій, краснорѣчивый своей неотразимостью языкъ цифръ: 150 милліоновъ и 40, 3,411,145,625 съ одной и 616,122,250 *) съ другой! Языкъ этихъ цифръ простъ и исходъ войны предрѣшонъ математикой, не знающей ошибокъ.

Чѣмъ сильнѣе будетъ упорство, тѣмъ будетъ ужаснѣе расплата.

А все же... тяжело на душѣ.

Грустно становится за человѣчество, которое за тысячелѣтія своего существованія еще не нашло способовъ обходиться безъ этихъ кровавыхъ распрей.

*) Народонаселеніе и государственный бюджетъ.

„Внимая ужасамъ войны
При каждой новой жертвѣ боя“

сжимается въ тоскѣ сердце. Черезъ строки офиціальныхъ донесеній: „наши потери незначительны, убитыхъ трое, раненыхъ 10“ — я вижу этихъ несчастныхъ трехъ, недвижимо лежащихъ тамъ, далеко на поляхъ этого невѣдомаго — Яна, а въ ушахъ точно слышатся стоны десяти искалѣченныхъ, вчера еще бодрыхъ и полныхъ силы людей.

Все же кровожаденъ человѣкъ, нашъ, современный человѣкъ двадцатаго столѣтія! Въ силу законовъ атавизма антропофагъ, его далекій предокъ, сказывается въ немъ, когда онъ жаждетъ ужасающихъ цифръ погибшихъ. „Незначительныя“ стычки, въ которыхъ убитыхъ трое, уже теперь примелькались. Съ худо скрываемымъ нетерпѣніемъ міръ ждетъ сотенъ и тысячъ...

Оно бьетъ сильнѣе по нервамъ.

Ужаснѣйшее дѣло совершается, люди убиваютъ другъ друга...

Хочется все вѣрить, что громъ Божій разразится надъ головами тѣхъ, кто вызвалъ всѣ ужасы этихъ кровавыхъ событій.

25 апрѣля.

Жаркій день. Въ знойномъ воздухѣ стоитъ пыль. Густой дымъ изъ трубъ броненосцевъ и мастерскихъ дока лѣниво расплывается въ душной атмосферѣ и, застилая собой синеву неба, туманитъ солнечные лучи.

Уступы бульвара переполнены публикой.

Художникъ В. В. Верещагинъ.

Ряды полокъ „этажерки“ пестрятъ движущимися фигурами гуляющихъ. Преобладаютъ мичмана. Оживленный разговоръ сливается въ общій гулъ и лишь изрѣдка слышны отдѣльныя фразы проходящихъ мимо.

У павильона музыки молодежь стоитъ сплошной стѣной и гуляющіе проходятъ здѣсь какъ бы сквозь строй. Замѣчаніе по ихъ адресу сыплятся градомъ — незлобныя замѣчанія празднично настроенной юности.

Дамъ почти нѣтъ. Отсутствіе женщинъ кладетъ на все свой отпечатокъ.

Правда, разряженныя въ яркіе лѣтніе костюмы особы женскаго пола людской породы, поднимая высоко юбки, чтобы показать кружева своихъ dessous, мелькаютъ то здѣсь, то тамъ.

Но это не женщины...

Онѣ не вносятъ съ собой той мягкости полутоновъ, неизбѣжнаго спутника ewig weibliches, онѣ чужды женственности.

Оркестръ наполняетъ воздухъ звуками. Отъ жары ли или же отъ отсутствія женщинъ и эти звуки точно также лишены мягкости, они жестки; въ нихъ также нѣтъ этихъ смягчающихъ полутоновъ.

Осажденный японцами Артуръ гуляетъ подъ звуки „Гейши“. Знакомыя, пѣвучія мелодіи переносятъ въ прошлое, когда граціозные керимоны дѣлали свое мирное завоеваніе и японизація нашихъ дамъ, начиная съ прическъ и кончая костюмами, шла такими быстрыми шагами.

„Чтобъ скорѣй понять науку...“ напѣваетъ проходящій молоденькій мичманъ, бросая косой взглядъ на округлое бедро подъ громадной какъ блюдо шляпкой рыжеволосой сирены...

Уже шестой часъ. Этажерка начинаетъ пустѣть.

Домой пока еще не хочется.

— „Пойдемте хоть въ Саратовъ“, говоритъ мой знакомый.

Мы идемъ и садимся за столикъ въ стеклянной галлереи, выходящей окнами на груду каменнаго угля пристани.

Черезъ окна видно, какъ китаецъ изъ посуды, имѣющей въ общежитіи нѣсколько иное назначеніе, поливаетъ улицу.

Пробѣгаютъ рикши; своимъ размѣреннымъ бѣгомъ они напоминаютъ заводныя дѣтскія игрушки. Лоснящіеся бритые ихъ лбы блестятъ на солнечныхъ лучахъ, а черная угольная пыль съ пристани облѣпляетъ ихъ потныя лица.

„Чтобъ скорѣй постичь науку...“ стоитъ въ ушахъ навязчивый мотивъ.

А вотъ пошли команды матросиковъ на батареи на ночныя работы.

Надъ Артуромъ начинаетъ сгущаться сумракъ приближающагося вечера, а съ нимъ вмѣстѣ пробуждается яснѣе сознаніе, что мы въ осажденномъ городѣ.

28 апрѣля.

— „Поздравляю, поздравляю!.. вбѣгая ко мнѣ въ комнату, произнесъ мой пріятель, едва переводя духъ.

Онъ видимо волновался, спѣшилъ и не могъ говорить.

— „Да что же такое?

— „Поздравляю, поздр...“ могъ еще разъ выговорить онъ, садясь на стулъ.

Я думалъ, что вѣроятно японцы стоятъ уже на Суворовскомъ плацу. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я, когда наконецъ онъ отдышется и будетъ въ состояніи продолжать.

— „Мы уподобились гоголевской унтеръ-офицерской вдовѣ“, наконецъ могъ проговорить онъ.

Я разсердился. Напоминаніе объ столь непріятной операціи, произведенной самолично этой особой, обезсмертившей ее на всегда, да къ тому же въ наше тревожное, осадное время не могло подѣйствовать на меня особенно успокоительно.

— „Да говори же толкомъ, что случилось?“ разсердился я.

— „Ну да, сами себя высѣкли“.

— !?

— „Не понимаешь? продолжалъ онъ, не понимаешь?

— „А на сколько мы съ тобой купили всей этой дряни въ жестянкахъ?“ спросилъ онъ опять послѣ минутнаго молчанія. „На сколько?“

Меня все это начало положительно возмущать. Я не выдержалъ.

— „Какъ дряни, разгорячился я окончательно, какъ дряни... мы этимъ будемъ жить, питаться во время осады“.

Мой пріятель всталъ и принялъ торжественную позу.

— „Такъ знай-же, онъ сдѣлалъ паузу—сейчасъ пришелъ поѣздъ съ сѣвера“.

Это извѣстіе было для меня также неожиданно, какъ если бы онъ сказалъ, что японцы на Перепелкѣ.

Видя мое смущеніе, онъ обрушился на меня окончательно. Жестянокъ накуплено чуть не на 150 рублей. „Хоть магазинъ открывай“, не унимался онъ.

— А почему все это? Потому, что мы слушаемъ, что скажетъ денщикъ того капитана, что живетъ черезъ три дома отъ насъ. А денщикъ еще третьяго дня видѣлъ земляка, что вѣстовымъ у полковника; а вѣстовой на станціи видѣлъ носильщика, а носильщикъ въ свою очередь говорилъ съ извощикомъ... вотъ и пошло. А мы съ тобой все слушаемъ и слушаемъ.

Упреки моего товарища сыпались на меня градомъ.

Напрасно старался я облегчить тяжесть этихъ обвиненій фразами на тему „береженаго Богъ бережетъ“. Онъ не унимался.

— А вотъ если бы мы съ тобой слушали не сплетни съ базара, а читали бы газету, такъ ничего этого и не было бы.

Но тутъ я опять не выдержалъ и опять разсердился.

— Газету! что газету? Вотъ она твоя газета, закричалъ я—читай самъ, и въ ней то же самое.

Я бросилъ ему верхніе пять, шесть номеровъ, лежавшіе кучкой на письменномъ столѣ.

— „Ну, что же, давай, прочту“, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ, какъ бы въ сознаніи своей правоты.

Онъ поискалъ, затѣмъ развернулъ одинъ листъ и протянулъ мнѣ. Это былъ номеръ отъ 23-го апрѣля

— „А вотъ“, я ткнулъ пальцемъ въ газету, читай.

Онъ прочелъ „по полученнымъ нами свѣдѣніямъ близъ Бицзыво видны непріятельскіе транспорты“.

— „Вотъ видишь и въ газетѣ твоей тоже самое“, сказалъ я, когда онъ кончилъ.

— „Какъ тоже самое? Денщикъ вѣдь говорилъ намъ того же 23-го числа, что японцы уже чуть ли не въ Кинчжоу, а въ газетѣ вѣдь этого нѣтъ.

— Читай дальше, сказалъ я, вспомнивъ, что въ томъ же номерѣ было еще что то такое по поводу высадки японскихъ войскъ.

Онъ прочелъ мнѣ передовую статью вслухъ.

Теперь, когда онъ мнѣ прочелъ, я дѣйствительно не могъ не согласиться, что тамъ говорилось совсѣмъ не то, что передавалъ знакомый капитанскаго денщика.

Мы посмотрѣли газету и дальше. Къ моему удивленію я увидѣлъ, что газета оказалась дальновиднѣе насъ и сообщала свѣдѣнія, не имѣющія ничего общаго съ тѣми „достовѣрными слухами“, которыми мы жили всѣ эти тревожные дни.

Вотъ, когда я оцѣнилъ пользу печати? Съ этого дня я далъ себѣ слово не только читать газету, но даже отчасти и принимать къ свѣдѣнію то, что въ ней сказано.

Когда приближалось уже время обѣда, мой пріятель взялся за шляпу.

— „Ты куда?“—спросилъ я его.

— „Я... я... замялся онъ“, я къ знакомому... на „Отважный“, ты меня не жди къ обѣду, болѣе рѣшительно проговорилъ онъ и ушелъ.

Наскоро съѣлъ я что то такое изъ нашего обильнаго запаса жестянокъ и вышелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. Потянуло на пристань. Я зашелъ въ Саратовъ и, о, удивленіе... у окна за столикомъ сидѣлъ мой пріятель и за обѣ щеки уписывалъ отбивную котлету.

При видѣ этой картины я понялъ, что онъ рѣшилъ оставить жестянки до другого времени, и предпочелъ уйти изъ дому.

— Вотъ гдѣ твой „Отважный“, сказалъ я.

Мы оба разсмѣялись и потребовали бутылку пива.

30 апрѣля.

Какъ въ бѣдѣ узнаются истинные друзья, такъ въ минуты опасности обрисовывается яснѣе внутренній міръ человѣка. Опасность яркимъ свѣтомъ, какъ лучами прожектора, озаряетъ тайники человѣческой души и то, что остается въ тѣни въ обычное спокойное время, въ тревожные дни выступаетъ наружу.

Напряженные нервы, какъ туго натянутыя струны отзываются у каждаго на свой особый ладъ. Струна настроенная въ минорномъ тонѣ не зазвучитъ мажорной нотой.

Мой пріятель удивительный оптимистъ и его оптимизмъ особенно сказывается именно теперь.

Въ каждомъ новомъ тревожномъ слухѣ онъ умудряется найти неожиданно хорошую сторону.

Узнаемъ напримѣръ мы, что желѣзнодорожный путь испорченъ,—онъ же успокаивается тѣмъ, что на починку его потребуется ни какъ не больше трехъ съ

половиной часовъ, мало того, сейчасъ же приводитъ кучу математически точныхъ данныхъ почему надо именно три съ половиной часа, а не четыре или пять.

Если я съ тоскливымъ чувствомъ ожиданія смотрю въ окно и жду, не провезутъ ли съ вокзала желанные почтовые тюки, то онъ уже утѣшаетъ меня тѣмъ, что, когда придетъ почта, вотъ будетъ то чтенія—дней на десять по крайней мѣрѣ.

Сегодня онъ опять напалъ на меня. Началось это, какъ и всегда, конечно изъ за пустяковъ.

Бой нашъ не могъ достать мяса на супъ.

— „Вали грибной“, сказалъ не унывающимъ тономъ пріятель.

„Съ грибнымъ далеко не уѣдемъ, уныло проговорилъ я, послѣ грибного то черезъ часъ опять ѣсть захочешь. Лучше уже совсѣмъ безъ супа“.

Этого было болѣе чѣмъ достаточно. Онъ обрушился на меня со свойственной ему пылкостью.

— Изъ тебя плохой вышелъ бы полководецъ, договорился онъ наконецъ. Ты бы видѣлъ всегда опасность, даже тамъ гдѣ ея нѣтъ, ты бы самъ создавалъ ее, ты бы спѣшилъ сдѣлать то, что по твоимъ предположеніямъ могъ бы сдѣлать непріятель, и ты бы дѣлалъ это только, что бы предупредить его; сдѣлалъ молъ, это я самъ—а не ты. Ахъ какъ я тебя знаю хорошо!“

Въ эту минуту увлеченія онъ кажется дѣйствительно воображалъ, что передъ нимъ сидитъ полководецъ, а не мирный артурскій обыватель.

— „И знаешь что? Ты изъ трусости, да изъ трусости способенъ былъ-бы натворить Богъ знаетъ что, что ухудшило-бы только твое положеніе. И вѣдь что странно, тебя-же еще сдѣлали-бы храбрецомъ, героемъ: ты, молъ, не останавливаешься ни предъ какой опасностью. Вонъ, онъ у насъ какой, горячится

все больше и больше мой пріятель, самъ у себя въ тылу мостъ взорвалъ! Если-бы пришелъ туда непріятель такъ онъ-бы это сдѣлалъ—а тотъ-то ему не далъ, предупредилъ, самъ взорвалъ. Одно слово герой".

Я не выдержалъ и разсмѣялся.

—„ Ну и слава Богу, что я не полководецъ, сказалъ я, и слава Богу, что Артуръ въ такихъ хорошихъ рукахъ, а не въ моихъ. А пока, что-же—хочешь чтобы былъ грибной супъ? Пусть будетъ по твоему. Бой, дѣлай грибной".

Послѣ обѣда мы легли немного отдохнуть.

Пуская клубы дыма своей папироской, пріятель говорилъ о томъ, какъ будетъ хорошо, когда война кончится, какъ пріятно будетъ опять поѣхать въ Россію кружнымъ путемъ на Сингапуръ-Суэцъ на нѣмецкомъ Ллойдѣ, Мессажери, какъ въ Москвѣ, сидя у Яра или въ Б. Московскомъ, пріятно будетъ вспомнить Артуръ, всѣ эти тревожные дни; даже неполученіе никакихъ извѣстій въ теченіе недѣли, и то въ будущемъ, ему рисовалось въ розовомъ цвѣтѣ.

Онъ размечтался и положительно блаженствовалъ въ своихъ мечтаніяхъ.

А я лежалъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ и думалъ о томъ-же самомъ, о чемъ думалъ мой пріятель, но только съ одной маленькой разницей—я думалъ не о томъ, какъ это будетъ пріятно вспоминать, а о томъ—какъ это непріятно переживать.

А въ глубинѣ души шевелилось новое, еще неясное сознаніе, что пріятель мой во многомъ правъ. Внутренній голосъ настойчиво говорилъ: будь твердъ, не падай духомъ, бери примѣръ съ недвижныхъ твердынь Артура, съ его доблестныхъ защитниковъ.

30 апрѣля.

„На 20 апрѣля у насъ ночи не было", такъ начинаетъ одинъ изъ моихъ пріятелей письмо къ своимъ изъ Артура.

Какъ?..

Меня поразила эта фраза.

Но дѣйствительно... была ли у насъ на это число ночь?

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше прихожу къ заключенію—правда, на 20 апрѣля въ Артурѣ ночи не было.

Было что то, не имѣющее себѣ названія на человѣческомъ языкѣ.

Сраженіе, битва, бой... нѣтъ, это все не то.

Въ томъ, что происходило здѣсь, было что то стихійное. Что то до того сильное, мощное и властное, что то далеко отъ нашей неврастеничной жизни, отъ этого маразма душевныхъ силъ, который со всѣми вѣяніями пресловутаго fin du siècle'я заполнилъ нашъ XX вѣкъ на зарѣ его дней.

Титаны древнихъ временъ точно проснулись отъ своего сна.

Это была *эпопея*, но эпопея для обѣихъ сторонъ.

Довольно намъ съ улыбкой пренебреженія (точно въ этой улыбкѣ сила) относится къ врагу.

Способы веденія японцами войны, съ самаго перваго вѣроломнаго нападенія ихъ, вся хитрость ихъ, граничащая порой съ преступленіемъ противъ этики

войны, если допустить возможность подобной этики, однимъ словомъ весь ихъ образъ дѣйствія чуждый рыцарскимъ традиціямъ благородства, лежащимъ въ основѣ воспитанія нашихъ войскъ, конечно вызываетъ въ душѣ каждаго понятное возмущеніе и правдивая исторія вынесетъ имъ со временемъ свой суровый приговоръ.

Но не ради восхваленія геройскихъ подвиговъ нашихъ защитниковъ, а ради все же таящейся гдѣ то въ глубинѣ насъ, прирожденной намъ капельки справедливости, я заношу въ свой дневникъ, что поражаюсь отвагѣ, мужеству, безумной дерзости этого маленькаго японца.

Вѣдь *десять* судовъ, обрекшихъ себя на потопленіе,—неужели же они заслуживаютъ эту снисходительно-пренебрежительную улыбку на вашихъ губахъ?

Любовью къ своей родинѣ, горячимъ энтузіазмомъ молодости, незнающимъ мѣры ни своимъ силамъ, ни трудности туманящаго ихъ подвига, вѣетъ отъ этихъ мальчиковъ—кадетъ морской школы, которые идутъ на своихъ брандерахъ на вѣрную смерть.

Отдадимъ должное нашему врагу.

Великій русскій народъ великъ въ своемъ мщеніи, но онъ цѣнитъ и подвиги своихъ враговъ.

Безпримѣрная сила нападенія нашла и безпримѣрный въ лѣтописяхъ морской войны отпоръ.

Кто не былъ въ это время въ Артурѣ, кто воочію не видалъ этой борьбы пробудившагося титана съ неустрашимымъ, отчаяннымъ врагомъ, тотъ не можетъ себѣ представить, что такое была ночь, Артурская ночь съ 19 на 20 апрѣля 1904 года!

Незгладимыми, вѣчными, небоящимися времени и новыхъ подвиговъ буквами она будетъ запи-

сана на страницахъ нашей военной исторіи, столь уже богатой геройскими сказаніями.

Она займетъ не послѣднее мѣсто въ чудныхъ былинахъ о богатыряхъ земли русской.

Но и японцы, скажу это безъ страха и укора, японцы, къ счастью недостигшіе успѣха, *объ этой ночи* могутъ съ гордостью записать на страницахъ своей еще юной военной исторіи.

Врагъ нашъ былъ достоинъ, чтобъ мы сражались съ нимъ.

3 мая.

День второго мая былъ для Артура днемъ торжества.

Описать этотъ день нельзя.

Нарисовать неуловимое—вотъ задача, надъ которой тщетно трудятся импрессіонисты новѣйшей школы живописи. Сколько не видѣлъ я ихъ картинъ, но всегда отходилъ разочарованный отъ этихъ полотенъ. Правъ былъ Кузьма Прутковъ, когда сказалъ, что „нельзя объять необъятнаго“.

Какъ передать тотъ подъемъ духа, то трепетаніе сердецъ, тѣ волненія въ груди каждаго артурца—когда въ одиннадцать часовъ утра, какъ электрическая искра, пронеслась всюду отъ пристани до Новаго города, отъ дачныхъ мѣстъ до склоновъ Перепелки, отъ гребней Тигроваго хвоста до китайскаго города вѣсть, что „Сикишима“ и „Фуджи“ пошли ко дну!

А тутъ еще вѣсти изъ бухты Керъ.

На пристани оживленіе, волны людей. Въ порту довольныя лица матросовъ. Паровые катера снуютъ по рейду во всѣхъ направленіяхъ. Вотъ взвились на мачтахъ флаги бѣлые съ широкой синей каймой. Эскадра готовится къ выходу въ море. Захватываетъ дыханье при видѣ всего, что дѣлается кругомъ, а душу заполняетъ одно всеобъемлющее чувство—дай Богъ удачи, дай Богъ успѣха, дай вамъ Богъ вернуться всѣмъ обратно цѣлыми, невредимыми, побѣдно-ликующими.

Одна за другой пошли миноноски. Въ половинѣ третьяго колыхнулся „Новикъ“ и, ускоряя ходъ, прошелъ мимо пристани. Шляпы и фуражки мелькаютъ въ воздухѣ, слышны подавленные взволнованные голоса, отрывочно желающіе счастливаго возвращенія...

Издали долетаютъ громовые раскаты отстрѣливающихся японскихъ судовъ; глухими перекатами доносятся они съ моря и щемятъ сердце. Мгла застилаетъ даль. Ничего не видно.

А у подножья Электрическаго утеса, тамъ внизу набѣгающая волна прибоя монотоннымъ плескомъ своимъ говоритъ о равнодушіи моря ко всѣмъ этимъ гибнущимъ гигантамъ, къ этимъ тысячамъ людей, что тонутъ ко дну, всѣмъ жертвамъ приносимымъ богу войны.

Погибалъ „Петропавловскъ“ и оно безучастно плескало объ эти скалы; теперь гибнутъ японскіе гиганты и все тотъ же однообразно безстрастный прибой.

А туманная мгла надъ моремъ дразнитъ и волнуетъ. Не находишь себѣ мѣста. Съ „Электрическаго“ ѣду на Перепелку.

Съ балкона дома, выходящаго на пристань, опять съ томительнымъ ожиданіемъ смотрю въ ту же мглу, гдѣ грохочатъ невидимыя пушки.

Но вотъ изъ за скалы, изъ за поворота, пока-

залась одна миноноска, за ней другая, третья... идутъ назадъ. Бѣгу въ портъ и съ замираніемъ сердца считаю ихъ... пять, десять, шестнадцать! Ну, слава Богу, всѣ! Стало легче; грудь проситъ глубокаго вздоха.

Смолкли раскаты выстрѣловъ и въ сыромъ, влажномъ воздухѣ полились звуки музыки съ бульвара.

Какъ плескъ морского прибоя, жизнь обыкновеннымъ своимъ темпомъ идетъ по заведенному порядку.

Воскресное гулянье въ полномъ разгарѣ.

5 мая.

Это было 3-го мая.

Уже вечерѣло. Былъ седьмой часъ на исходѣ, когда въ анатомическій покой Портоваго лазарета былъ доставленъ трупъ неизвѣстнаго матроса, выброшенный на берегъ морскимъ прибоемъ.

Предстояло удостовѣрить оффиціально лишь то, въ чемъ сомнѣній не было,—фактъ смерти и предать этотъ безжизненный трупъ землѣ.

По внѣшнему виду уже можно было безошибочно сказать, что волны морскія не одну недѣлю носили его на просторѣ Желтаго моря, какъ бы играя имъ, перебрасывая его одна другой.

Опознать его, удостовѣрить личность покойнаго было бы напрасной задачей, но при осмотрѣ трупа, на груди подъ одеждой было найдено письмо.

Высохъ конвертъ. Изъ обтертыхъ, залохматившихся краевъ виденъ сложенный втрое листъ почтовой

бумаги. Женскимъ почеркомъ написанъ адресъ: „Г. Портъ-Артуръ. Эскадренный миноносецъ „Стерегущій". Матросу ***". Штемпель Москва. А внизу—начальныя буквы имени и отчества и полностью фамилія отправителя, кромѣ „г. Москва", разобрать нельзя, такъ какъ отъ долгаго пребыванія конверта въ водѣ, а предварительно на груди у несчастнаго матроса, трупъ котораго лежалъ теперь въ анатомическомъ покоѣ, буквы окончательно расплылись.

Если строки эти въ полномъ ли ихъ видѣ, или же въ извлеченіяхъ на страницахъ московскихъ газетъ дойдутъ до отправительницы письма, г-жи З. Я. И., то да проститъ она меня, что я лишній разъ тревожу раны ея сердца, что я коснулся ея горя.

Подвигъ „Стерегущаго" дорогъ всей Россіи, имена всѣхъ славныхъ защитниковъ его останутся въ исторіи и если я позволяю себѣ занести настоящія подробности, то конечно съ благоговѣніемъ передъ памятью одного изъ этихъ героевъ. Прошу простить меня за нѣкоторыя выдержки изъ найденнаго при немъ письма.

27 января 1904 г.

„Здравствуй дорогой другъ С...!

Дорогой С., письмо твое я получила 26 января, которое я ждала съ нетерпѣніемъ. С., вотъ я тебя буду такъ бранить за неосторожное обращеніе съ паровыми машинами; дорогой, будь пожалуйста осторожнѣе и береги свою жизнь, вѣдь она можетъ понадобиться впереди

. . . . . .

Дорогой, ты все просишь снятся, какъ возможность будетъ, то обязательно снимусь въ сакѣ, по твоему желанію. Радуюсь за твои успѣхи; старайся, старайся и повышайся выше, меня это очень радуетъ. Только прошу тебя меньше выпивай, ты знаешь, вѣдь, какъ это вредно и для здоровья и для службы.

С., не знаю застанетъ ли тебя въ живыхъ это письмо. Сейчасъ я слышу, что англичане (?) разбили два русскихъ броненосца. О, Боже сохрани тебя отъ враговъ и пошли тебѣ силу и крѣпость. Напиши, что вы уже воюете, или еще нѣтъ и какъ ваши дѣла? С., говорятъ вѣдь будетъ очень большая война.

Затѣмъ прощай. . . . . .

. . . . . .

Боже ты мой!

И, вотъ, этотъ распухшій, вздувшійся отъ воды трупъ одного изъ героевъ „Стерегущаго“ ожилъ передо мной.

Это уже не была „единица человѣчества“, это былъ человѣкъ; человѣкъ, у котораго еще такъ недавно билось сердце, билось, чувствуя подлѣ себя это полное любви, дорогое ему письмо. Другое сердце за десять тысячъ верстъ трепетало отвѣтнымъ ему біеніемъ. Тамъ, въ Москвѣ близкій ему радовался успѣхамъ его по службѣ. Какой любовью, какой чуткостью, какой нѣжной заботливостью вѣетъ отъ простой этой просьбы „меньше выпивай“. „Стерегущій“ погибъ геройской смертью 26 февраля; кто знаетъ, можетъ быть обѣщанная карточка въ пути...

Передо мной лежалъ не трупъ, это былъ близкій мнѣ человѣкъ...

Кто пережилъ личное, глубокое горе, тотъ знаетъ конечно, что никакія утѣшенія не могутъ хотя бы временно облегчить тяжесть его и даже больше — всякое слово утѣшенія усугубляетъ боль души. Говорятъ время лѣчитъ его. Не знаю. Глубокое горе, какъ стыдливость, боится чужого взгляда. Время только еще дальше заставляетъ уйти его въ тайники души. Корни его еще глубже впускаютъ свои острые, цѣпкіе отростки. Утѣшать въ горѣ—наносить новыя раны рядомъ съ незажившей.

Поэтому, обращаясь къ вамъ, З. Я., не въ смыслѣ утѣшенія, а ради истины позволяю сказать себѣ, что *онъ* умеръ смертью героя передъ отечествомъ и вѣрнымъ, преданнымъ вамъ человѣкомъ. Письмо ваше, послѣднее, было найдено у него на груди. Когда его, можетъ быть уже смертельно раненаго, захлестывала волна, принявшая его послѣдній вздохъ, вспыхнувшее еще разъ передъ вѣчнымъ забвеніемъ сознаніе нарисовало вашъ дорогой ему образъ; съ мыслью о васъ, исполняя долгъ свой передъ родиной и съ завѣтнымъ письмомъ на груди подъ сердцемъ — *онъ* умеръ героемъ.

. . . . . .

Было уже совсѣмъ темно. Звѣздная ночь глядѣла въ окно анатомическаго покоя, когда необходимыя формальности были кончены. Личность и званіе доставленнаго трупа были установлены.

Это былъ матросъ со „Стерегущаго“ — Сергѣй Ивановичъ Зимнинъ.

Какая ужасная вещь война!

10 мая.

Всѣ эти дни мой пріятель былъ задумчивъ и видимо не въ духѣ. Японцы ли передъ Кинъчжоу такъ дѣйствовали на него, или же ночная бомбардировка на 7 мая — не знаю, но онъ былъ какъ въ воду опущенный.

— „Что съ тобой“, спросилъ я его.

— „То же, что и съ тобой“, отвѣтилъ онъ. При такомъ направленіи видимо разговаривать было бы безполезно.

Послѣ долгаго молчанія онъ однако не выдержалъ.

— „Меня удивляетъ твой индиферентизмъ и это напускное твое равнодушіе ко всему“.

Я былъ пораженъ: кажется въ этомъ то меня упрекнуть было нельзя.

— „Да что жъ случилось новаго“? спросилъ я.

— „Какъ, что случилось? Ты читалъ вѣдь „оффиціальное сообщеніе“ — непріятель передъ Киньчжоу держитъ себя осторожно, подвигается понемногу, занимаетъ гору Самсонъ и началъ что то копать на высотахъ“.

— „Читалъ, такъ что жъ такое“?

— „Что же онъ по твоему, огородъ тамъ что ли разводитъ, или картофель сажаетъ? Вѣдь сказано же ясно: „началъ что то копать“; что это означаетъ по твоему?“

— „А я почемъ знаю! копаетъ что то, вотъ и все.“

„Нѣтъ не все. Это значитъ, что онъ хочетъ насъ оставить въ покоѣ—вы, молъ, сидите на Киньчжоу, если это вамъ нравится, а я буду сидѣть на Самсонѣ. Ну ка, кто кого пересидитъ. Что мы его пересидимъ, въ этомъ я, конечно, не сомнѣваюсь. Илья Муромецъ тридцать лѣтъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ пока въ богатыри не вышелъ. Тоже и съ нами будетъ“.

Упоминаніе объ Ильѣ Муромцѣ напомнило мнѣ одинъ случай изъ нашего общаго школьнаго времени.

Были мы съ пріятелемъ въ училищѣ; уже въ спеціальныхъ классахъ, гдѣ насъ усиленно начиняли дигестами, пандектами и юстиніановыми новеллами. Ко всей этой премудрости римской кухни какими то судьбами оказалась пристегнутой и каѳедра „русской

словесности". Случилось это вѣроятно по ошибкѣ, такъ какъ это были тѣ сравнительно еще недавнія времена, когда ничего не было страннаго, если вы „лошадь" умудрились написать черезъ „ѣ", но за незнаніе отличія „ut causale" отъ „ut consecutivum" вамъ ставили единицу.

Лекціи по русской словесности читалъ намъ, теперь уже покойный, извѣстный въ свое время профессоръ Незеленый. На экзаменѣ моему пріятелю, который теперь сидѣлъ со мной въ осажденномъ Артурѣ, достается билетъ о народномъ эпосѣ и о былинахъ. Долго разсказывалъ онъ, неся всякій вздоръ, перемѣшивая подвиги Алеши Поповича съ подвигами болѣе ему извѣстнаго Кота въ сапогахъ. Незеленый слушалъ и разсѣянно, уныло смотрѣлъ въ окно; онъ отлично зналъ, что его предметъ имѣетъ для насъ, будущихъ юристовъ, значеніе пятаго колеса въ телѣгѣ.

— „Очень хорошо-съ", сказалъ онъ, когда мой пріятель остановился на секунду, чтобы перевести духъ и перейти вѣроятно къ сказкѣ о Синей бородѣ, хорошо ему знакомой по опереткѣ.

— „Очень хорошо съ. Такъ что же вы считаете, такъ сказать самой выдающейся чертой въ характерѣ Ильи Муромца?"

„Терпѣнье", безъ запинки отвѣчалъ пріятель, „эта удивительная черта его сказалась въ томъ настойчивомъ сидѣньи на одномъ мѣстѣ въ теченіе тридцати лѣтъ. Эта черта, какъ доминирующая, проходитъ красной нитью и т. д."

Фонтанъ краснорѣчія былъ открытъ. Незеленый немного недоумѣвающе посмотрѣлъ и поспѣшилъ сказать свое „очень хорошо-съ, достаточно".

Мой пріятель получилъ 12 балловъ.

Мы вспомнили теперь съ нимъ этотъ случай и посмѣялись.

— „Нѣтъ, шутки въ сторону“, сказалъ онъ, „неподвижность лежитъ въ характерѣ русскаго человѣка. Возьми напримѣръ хоть бы то, что ни одинъ народъ не создалъ такихъ характерныхъ выраженій для опредѣленія этой склонности къ сидѣнью, какъ русскій; гдѣ ты найдешь такія выраженія какъ „сиднемъ сидѣть“, „тяжелъ на подъемъ“, и т. д., всѣ они непереводимы ни на одинъ языкъ“.

— „Сидѣть то мы мастера“, продолжалъ онъ, и если ужъ конечно не японцу насъ пересидѣть. Только одно, между положеніемъ Ильи Муромца и нашимъ громадная разница.

Ему въ его сидѣньи кромѣ удовольствія ничего не было; грамоты онъ не зналъ, телеграфовъ тогда не было, почта не ходила. Что ему и было больше дѣлать, какъ не сидѣть. А въ наше, братецъ ты мой, время сидѣть и ничего не знать, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, это, знаешь, ужъ какъ будто бы и того“.

— „Какая же почта и телеграфъ, когда на дорогѣ японцы; подумай, что ты говоришь“, перебилъ я пріятеля.

— „А что же, я говорю не думая по твоему? Возможность есть, да и какъ не найти способа—было бы только желанье. Попади хотя бы одна иностранная газета, скажемъ въ рѣдакцію что-ли, авось тогда и до насъ дошли-бы свѣдѣнія о томъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается.

Трудно не допустить, — продолжалъ онъ, „чтобы никто кромѣ насъ съ тобой не интересовало то, что дѣлается на Ялу“.

— „Голубчикъ“, возразилъ я, „этого допустить конечно нельзя; я болѣе чѣмъ убѣжденъ, что интересуетъ это всѣхъ, но можетъ быть тѣ кому необходимо это знать,—тѣ и знаютъ, а мы съ тобой, откровенно то говоря, люди маленькіе—къ чему намъ это знать?—простое любопытство, больше ничего“.

Туть мой пріятель разразился такимъ неудержимымъ приступомъ смѣха, что я въ началѣ думалъ было обидѣться, но затѣмъ обрадовался, что къ нему вернулось его хорошее настроеніе и самъ началъ смѣяться.

— „Ну, разодолжилъ“, наконецъ могъ онъ вымолвить. „А знаешь что — ты можетъ быть и правъ; какъ не волнуйся, а видно этому дѣлу не поможешь. Твое мнѣніе, что мы люди маленькіе и что если мы и хотимъ, что знать, такъ это просто изъ любопытства, я уже слышалъ нѣсколько разъ. Лучше не будемъ говорить объ этомъ. Да и вообще, установимъ такое правило, что говорить о японцахъ, гдѣ они сидятъ, гдѣ стоятъ, куда смотрятъ, гдѣ копаютъ и т. д. будемъ только до обѣда, а послѣ обѣда будемъ говорить о чемъ нубудь другомъ. Согласенъ?“

Я поспѣшилъ согласиться. Мы пошли обѣдать. Послѣ обѣда говорили о другомъ.

16-го мая.

„Дорогая тетушка, жизнь въ Артурѣ становится страшно дорога; предметы первой необходимости, которымъ въ мирное время красная цѣна была десять рублей, теперь стоютъ пятьдесятъ и дороже“.

Такъ писалъ молодой мичманъ своей старушкѣ тетушкѣ въ то время, когда мы еще не были отрѣзаны отъ Россіи.

Когда это письмо его было получено, то тетушка сейчасъ же поѣхала къ другимъ своимъ знакомымъ и

Генералъ-Лейтенантъ К. Н. Смирновъ, комендантъ крѣпости Портъ-Артуръ.

всѣ онѣ, читая Боринькино письмо, хоромъ охали, возмущались артурской дороговизной и жалѣли „бѣднаго мальчика".

Послѣ долгихъ совѣщаній онѣ сообща пришли къ заключенію, что рѣчь идетъ очевидно объ обуви, такъ какъ изъ числа „предметовъ первой необходимости" стоющихъ при нормальныхъ условіяхъ десять рублей, онѣ, какъ ни старались, ничего другого подобрать не могли. И вотъ на другой день, кромѣ перевода наличными, ему было послано десять паръ ботинокъ отъ Вейса.

Если Боринька былъ правъ въ свое время, то что бы написалъ онъ теперь?

Есть вещи, цѣна на которыя безусловно можетъ и должна подняться, напримѣръ хотя бы мясо. Мирные жители Артура, по моему мнѣнію, не имѣютъ права даже претендовать на то, что теперь въ городѣ мяса мало и что цѣна на него возросла. Вполнѣ естественно, что всѣ наличные запасы скота должны первымъ дѣломъ идти на удовлетвореніе нуждъ нашихъ войскъ. Излишекъ его можетъ быть лишь обращенъ въ нашу, такъ сказать пользу.

Но есть вещи, возростаніе цѣны которыхъ если и можетъ быть объяснимо, то только лишь какъ желаніе воспользоваться удобнымъ случаемъ, „содрать" побольше, поживиться за счетъ войны.

Ѣдемъ напримѣръ мы вчера съ бульвара въ Новый городъ. Насъ было трое. Платимъ извощику рубль за 20 минутъ ѣзды: я полагаю цѣна болѣе чѣмъ приличная. Но мои обывательскіе взгляды оказались несходными со взглядами извощичьими. Не говоря о крайне грубой формѣ предъявленнаго къ намъ требованія о прибавкѣ, извощикъ заявилъ, что *по таксѣ* ему слѣдуетъ получить за проѣздъ троихъ сѣдоковъ въ Новый городъ 1 р. 50 к., „по полтинѣ со штуки".

Я обратился за разъясненіемъ возникшаго дипломатическаго недоразумѣнія къ суперарбитру въ лицѣ оказавшагося тутъ же городового. Я былъ посрамленъ, извощикъ былъ правъ. Я поспѣшилъ принести свои извиненія и прибавить полтинникъ.

Допустимъ, что содержаніе лошади стоитъ дорого, но все же какъ то странно, чтобы существовала такая такса, по которой двадцать минутъ ѣзды стоили бы полтора рубля. Разъ городовой сказалъ, что это дѣйствительно цѣна по таксѣ, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что такса есть, но тогда надо было бы опубликовать ее; если же таксы нѣтъ, то не мѣшало бы ввести таковую, принявъ конечно во вниманіе какъ интересы извощиковъ, такъ равно и нанимателей.

Другой примѣръ. Зашли мы въ одинъ ресторанъ подышать свѣжей пылью угольнаго склада. На тарелочки подали намъ три ломтика холодной телятины, ломтики не изъ большихъ, изъ фунта выйдетъ штукъ десять, двѣнадцать. Въ счетѣ противъ „телятина“ стояло „75“. Я занялся отъ нечего дѣлать математическими вычисленіями: фунтъ телятины стоитъ значитъ отъ 2 р. до 2 р. 50 к. Странно! Нашъ бой, который вѣроятно и себя не забываетъ, платилъ 60 к. за фунтъ.

Примѣровъ къ подобнаго обдиранія „примѣнительно къ осадному времени“ много.

Мнѣ можетъ быть скажутъ на это, что все это мелочи.

Я согласенъ, но вѣдь и вся наша жизнь слагается изъ мелочей и въ военное время, когда напряженные нервы просятъ порою отдыха, эти мелочи жизни получаютъ особое значеніе; что въ мирное время не волновало бы вовсе, то теперь сердитъ, раздражаетъ и принимается ближе къ сердцу, чѣмъ бы то слѣдовало.

Если прибавить къ этому, что наряду съ естественнымъ возростаніемъ цѣнъ и съ этимъ „случайнымъ

обдираніемъ" уже начинаетъ ощущаться недостатокъ денежныхъ знаковъ, что нѣкоторыя учрежденія, не по винѣ начальствующихъ лицъ, а въ силу обстоятельствъ, принуждены частью прекратить, а частью уменьшить на половину выдачу жалованья—то само собою приходится призадуматься о будущемъ.

Сѣтованія Бориньки въ письмѣ къ дорогой тетушкѣ были-бы смѣшны, если-бы вздорожаніе артурской жизни касалось исключительно тѣхъ предметовъ „первой необходимости", стоимость которыхъ исчисляется не копѣйками, а десятками рублей, но къ сожалѣнію вздорожаніе *всего* на лицо и вызывается оно зачастую не естественными причинами, а лишь желаніемъ обогащенія за счетъ народнаго бѣдствія.

Было-бы желательно съ одной стороны, чтобы тѣ, отъ кого это зависитъ, приняли самыя строгія мѣры къ урегулированію цѣнъ на всѣ необходимые продукты. Городской совѣтъ уже обратилъ на это свое вниманіе и цѣлымъ рядомъ своихъ постановленій выказываетъ свою заботливость объ насъ, артурскихъ обывателяхъ. Надо думать, что и въ дальнѣйшей своей дѣятельности онъ будетъ идти тѣмъ-же путемъ. На очереди стоитъ вопросъ о топливѣ, объ извозчичьей таксѣ, о цѣнахъ въ ресторанахъ, объ устройствѣ дешевыхъ столовыхъ, гдѣ-бы продовольствіе жителей было-бы поставлено не на коммерческихъ началахъ, а на началахъ взаимопомощи.

Дѣла много и было-бы желательно, чтобы городской совѣтъ, продолжая въ томъ же направленіи свою полезную дѣятельность, *своевременно* пришелъ-бы на встрѣчу всѣмъ нуждамъ мирныхъ обывателей осажденнаго Артура.

Если военныя власти, имѣя свою исключительно громадную задачу и лишены подъ часъ возможности принимать въ разсчетъ интересы и потребности мирной части населенія, то тѣмъ болѣе всякая инициатива въ

этомъ дѣлѣ со стороны тѣхъ, кто ее проявитъ въ эти тяжелые дни, будетъ оцѣнена со временемъ по заслугамъ всей образованной, любящей, имѣющей сердце Россіей!

25 мая.

— „Пошелъ-бы ты хоть въ портъ“, сказалъ мнѣ мой пріятель, „*потралилъ-бы*, можетъ узнаешь что новенькое“.

— „Не стоитъ, все равно, если и вытралишь что-нибудь, такъ такое, о чемъ говорить намъ съ тобой не подобаетъ“.

Пріятель согласился, что я правъ, но тутъ-же со свойственной его темпераменту живостью началъ мечтать о будущемъ.

Осада снята; японцы разбиты, мы съ нимъ въ Сасебо или въ Нагасаки; вотъ мы уже въ Токіо. Война кончена. Миръ заключенъ. Настала новая пора и мы начали говорить; но говоримъ мы съ нимъ не здѣсь, не на берегахъ Печилійскаго залива, а тамъ, на берегахъ Москвы рѣки. Говоримъ мы съ воодушевленіемъ; насъ слушаютъ и удивленные слушатели ловятъ съ жадностью наши слова и только изрѣдка переглядываются между собой.

„Да неужели-же все это такъ и было“, читаемъ мы въ ихъ изумленныхъ взглядахъ. Но это не недовѣріе къ вашимъ словамъ, а это удивленіе передъ нашими разсказами о славныхъ дняхъ артурскаго сидѣнія, а порой и передъ критической оцѣнкой, которая обяза-

тельно наступаетъ для всего, что совершается, разъ оно стало прошлымъ, разъ оно видно уже въ извѣстной перспективѣ.

— „А если убьютъ?“ прерываю я его.

— „Ну что-же, всѣхъ не перебьютъ, кто-нибудь и раскажетъ“.

— „А врать будешь много?“ не унимаюсь я.

— „Зачѣмъ?... Такъ развѣ для краснаго словца“, отвѣчаетъ онъ мнѣ и продолжаетъ мечтать дальше.

— „А хорошо будетъ“, говоритъ онъ уже нѣсколько разъ, рисуя передъ собой, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняющіяся одна за другой картины заманчиваго будущаго.

— „Будетъ то хорошо“, иногда вставляю я свое слово; но онъ, не замѣчая моего ударенія на словѣ „будетъ“, принимаетъ мое возраженіе за подтвержденіе и мечтаетъ дальше.

— „Пойдемка-ка, пройтись лучше“. И мы идемъ.

Черезъ портовыя ворота мы входимъ въ докъ. Работа кипитъ, слышатся удары молотовъ о стальныя полосы брони; сверло подъ напоромъ электрическаго двигателя рѣжетъ тонкими длинными завитками блестящія стружки. Подливаемая подъ сверло вода выходитъ сквозь завитки тонкими струйками пара. На берегу закоптѣлые рабочіе, матросы, китайцы...

Жизнь и работа кипятъ.

— „А что бомбардировки не мѣшаютъ вамъ?“ спрашиваетъ мой пріятель у вышедшаго къ намъ знакомаго инженера.

— „Нѣтъ ничего“, отвѣчаетъ онъ, „только разъ попала граната, да и та пользу принесла: полкубика земли вынесло“.

— „Экономія за счетъ японцевъ“ добавилъ онъ смѣясь.

Идемъ дальше. Въ воротахъ къ Прѣсному озеру намъ загораживаютъ дорогу мирно идущіе одинъ за другимъ ослики съ длинными, покачивающимися ушами и съ маленькими плетенками по обѣ стороны спины Своими тоненькими ножками они увѣренно ступаютъ по пыльной дорогѣ и ползутъ въ гору. Въ хвостъ, другъ за дружкой, неторопливо продолжаютъ они свой путь. Корзинки, надѣтыя на ихъ миніатюрныя морды, пріучили ихъ безостановочно итти впередъ; было бы безполезно отвлекаться кое-гдѣ попадающейся по пути травой.

Бѣлые домики на дачныхъ мѣстахъ красиво расположились по склону.

Непривычный въ Артурѣ къ зелени глазъ радуется разбитымъ мѣстами садикамъ со свѣжей еще не запылившейся подъ цвѣтъ „хаки“, листвой. Досками заколоченныя окна навѣваютъ опять мысли о томъ, что мы воюемъ.

На встрѣчу обогнавшимъ насъ осликамъ, съ пустыми корзинками, идетъ встрѣчная вереница этихъ же милыхъ животныхъ; ихъ корзинки наполнены гравіемъ. Мирно даютъ они другъ другу дорогу и сторонятся при встрѣчѣ. Погонщиковъ не видно; рѣдко, рѣдко сзади идутъ два или три китайца, молча покуривая свои длинныя трубки.

Мы спустились къ самому берегу. Прибой морскихъ волнъ и пріятная прохлада дѣлаютъ свое дѣло; хочется посидѣть на камняхъ и отдохнуть. Какимъ миромъ вѣетъ кругомъ. Груда круглыхъ камешковъ, кое-гдѣ морскія звѣзды, раковины и тишина, полная тишина, нарушаемая лишь равномѣрнымъ плескомъ ударяющейся волны.

Направо, уткнувшись носомъ въ Электрическій утесъ, накренившійся на бокъ, съ затонувшей кормой

Капитанъ 1 ранга Р. Н. Виренъ, командиръ крейсера «Баянъ».

японскій брандеръ „3“. Онъ говоритъ опять о войнѣ, о ея ужасахъ и звучитъ это такимъ диссонансомъ съ миромъ природы.

3 іюня.

Начинаю приходить къ заключенію, что состояніе отрѣзанности отъ внѣшняго міра далеко не такая непріятная вещь, какъ о томъ почему-то принято думать.

Въ этой изолированности есть даже нѣчто успокаивающее и если-бы я былъ врачемъ, то вѣроятно я прописалъ-бы „осаду“ вмѣсто брома и валерьяновыхъ капель для лицъ съ сильно разстроенными нервами.

Тяжелы первые дни, а затѣмъ наступаетъ „душевное спокойствіе“.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы не получаемъ никакихъ извѣстій изъ Россіи. Съ какимъ трудомъ переносилъ я эти первые десять, двѣнадцать дней, больше всѣхъ, конечно, знаетъ мой пріятель.

Сколько трудовъ стоило ему убѣдить меня въ томъ, что тутъ нѣтъ не только ничего дурного, но наоборотъ даже много и очень много хорошаго.

— „Да что мы будемъ ломаться другъ передъ другомъ“, говорилъ онъ мнѣ не разъ, „теперь знаешь можно говорить и на прямоту. Прежде какъ-то было неловко сказать это прямо, прослывешь еще за ретрограда, ну а теперь и это не страшно—вѣдь все равно не узнаютъ. Ты говоришь газеты. А знаешь ты, что

печать вообще, а газеты въ особенности, не говоря уже о страшно разрушающемъ ихъ дѣйствіи на зрѣніе, имѣютъ и еще одно свойство чисто отрицательное. Газета вноситъ съ утра въ нашу жизнь слишкомъ много волненія. Подъ вліяніемъ газеты мы становимся легковѣрны, воспріимчивы ко всякимъ глупостямъ и впечатлительны. Просыпаюсь я утромъ; снился мнѣ хорошій, пріятный сонъ; настроеніе, знаешь-ли, самое розовое; но вотъ принесли газету. Читаю. Въ Курскѣ на главной улицѣ бѣшеный волкъ перекусалъ 10 мужчинъ, 23 женщины и 37 дѣтей обоего пола. Дальше—въ Полтавѣ рухнулъ почти доведенный до конца пятиэтажный (первый въ городѣ) домъ и задавилъ дюжины три рабочихъ; причины несчастья не извѣстны. Затѣмъ пошла мелочь—Конотопъ сгорѣлъ до тла, въ Зарайскѣ появилась сибирская язва, въ Сердобскѣ кто-то растратилъ 700 т. Сразу голубчикъ ты мой и не сообразишь, что въ Сердобскѣ-то можетъ у всѣхъ вмѣстѣ и денегъ такихъ не наберется. Это букетъ изъ „внутреннихъ извѣстій“. Ну, думаешь Богъ съ ними съ внутренними, можетъ что получше въ иностранныхъ; читаю—Вильгельмъ опять началъ хрипѣть, Комбъ закрылъ еще 5 тыс. школъ, Бальтимора, построенная изъ желѣза и стекла, выгорѣла почище Конотопа.

И что ты думаешь, развѣ все это не волнуетъ?“

— „Положимъ, что волнуетъ, но“... попробовалъ было я возражать.

— „Нѣтъ постой. Газетчикъ ловокъ, онъ знаетъ что Сердобскъ ближе нашему сердцу—съ него и семисоттысячной растраты довольно—все равно на нервы подѣйствуетъ, а за-граница намъ дальше, тутъ такими мелочами не прошибешь—вотъ онъ и пишетъ „въ Парижѣ обнаружено мошенничество на 3 милліарда, подробности завтра“. Понимаешь ты всю суть—еще на завтра обѣщаетъ по нервамъ тебя ударить. Размѣры описываемыхъ дѣйствій ставятся въ зависимость отъ разстоянія. Чѣмъ дальше, тѣмъ нужно брать крупнѣе

масштабъ. Только въ одномъ отдѣлѣ „смѣсь“ нѣтъ, нѣтъ, да и прочтешь что-нибудь успокоительное и пріятное“.

Мы спорили долго, но теперь я начинаю проникаться его взглядами и со своей стороны то же стою за расширеніе отдѣла „смѣси“.

Теперь положительно жизнь течетъ спокойнѣе. Газетъ не получаешь и всѣ свѣдѣнія, которыя доходятъ до насъ гораздо болѣе успокоительнаго характера. Вчера дружинники утромъ на стрѣльбу ходили; на этажеркѣ въ 3 часа дня сидѣло десять офицеровъ, трое какихъ то штатскихъ и двѣ дамы; у жильцовъ сосѣдняго дома вчера вывелись цыплята, а вечеромъ ожидался гдѣ-то скандальчикъ, но окончилось все мирно, только парой крѣпкихъ словъ, такъ что ожиданія присутствующихъ не оправдались. Узнаешь про это и какъ бы новость услышалъ, но новость пріятную, а не волнующую.

— „Не даромъ же китайцы враги того, что мы называемъ „прогрессъ“; умудренные тысячелѣтіями они отлично сознаютъ, что всѣ эти эфемерныя удобства, какъ желѣзная дорога, телеграфъ и т. д. даютъ пользы на пятакъ, а волненія на рубль. Съ китайцевъ надо брать примѣръ, а не укорять ихъ въ какой-то отсталости и косности“, продолжалъ доказывать пріятель.

— „Я это и раньше думалъ, да какъ то сказать не рѣшался, а теперь говорю прямо. Возстановится сообщеніе, скажемъ недѣли черезъ двѣ, придутъ газеты; я ихъ прочту по старой привычкѣ, но ужъ отнесусь къ нимъ иначе, въ этомъ я увѣренъ; пиши ты, братъ, пиши, а мы посидимъ-ко еще здѣсь, какъ сидѣли до сихъ поръ тихо и спокойно; и объ насъ никто ничего не зналъ, (а въ этомъ развѣ нѣтъ хорошей стороны), да и мы что то ужъ отвыкли отъ всѣхъ этихъ глупостей, безъ нихъ право спокойнѣе.

— „Если къ тому времени еще „Варьетэ“ откроется,

такъ и умирать не надо", продолжалъ онъ „съ утра знаешь моціончикъ маленькій по горамъ для ознакомленія окрестностей, ты пѣшкомъ, а я на велосипедѣ, потомъ въ „Звѣздочку", потомъ знаешь отдохнулъ немного, а тамъ смотришь уже вечеръ—въ „Варьетэ", часовъ до двухъ прохороводимся да и спать; на завтра опять тоже".

— „А дѣла?" спросилъ я.

— „Да какія тамъ дѣла, развѣ у кого нибудь есть дѣла? Всѣ воображаютъ почему-то, что у нихъ есть дѣло, а его въ сущности то нѣтъ".

Я положительно начинаю соглашаться съ нимъ во многомъ.

И вотъ пока я записывалъ все это въ свой дневникъ, входитъ мой пріятель. Лицо разгоряченное, лобъ мокрый, волосы всклокоченные.

— „Ну славу Богу, кончилъ", сказалъ онъ входя.

— „Что кончилъ?"

— „Пакеты всѣ развезъ и на этотъ разъ вполнѣ благополучно. Даже похвалу отъ старшаго писаря заслужилъ, что живо слеталъ. Тружусь, братъ ты мой, тружусь."

Онъ былъ видимо гордъ и похвала старшаго писаря очевидно во многомъ содѣйствовала укрѣпленію въ немъ сознанія исполненнаго долга. Потный и мокрый навалился онъ на мою постель.

— „А въ контору что же, не пойдешь?" спросилъ я.

— „Какая тутъ контора, чортъ съ ней; я братъ ты мой, усталъ. Я вѣдь не то что ты, ничего не дѣлаешь. Отдохнуть надо".

Не прошло и трехъ минутъ, какъ пріятель мой, превратившійся изъ довѣреннаго торговаго дома Y. Z. и К° въ яраго велосипедиста, спалъ богатырскимъ сномъ.

Его храпъ раздражалъ меня и я невольно задумался на непріятныя темы.

7 іюня.

Неприкрашенная дѣйствительность производитъ болѣе сильное впечатлѣнія, чѣмъ всѣ теоретическія измышленія, украшенныя цвѣтами самой пестрой фантазіи.

Смерть, какъ отвлеченное понятіе, и смерть близкаго вамъ человѣка вещи несоизмѣримыя.

Тоже самое и война. Война въ теоріи и ужасы ея въ описаніяхъ даже самыхъ талантливыхъ и даровитыхъ писателей и публицистовъ и война въ дѣйствительности, вблизи—вещи ничего общаго между собой неимѣющія.

Какъ бы картинно не описывали гамъ, грохотъ громыхающихъ двѣнадцати дюймовыхъ орудій, завываніе пролетающей надъ головой пятидесяти пудовой гранаты, сухой трескъ ружейной и пулеметной стрѣльбы, особенно если эта стрѣльба направлена по направленію къ вамъ,—вы никогда не получите и сотой доли того впечатлѣнія, что испытываетъ каждый вольный или невольный очевидецъ подобнаго событія.

При всемъ хладнокровіи вашего характера вы не можете заранѣе ручаться, какъ отзовутся ваши нервы на этого рода испытаніе.

Люди, въ мирное время считавшіяся чуть ли не будущими героями, зачастую не выдерживаютъ перваго же столкновенія съ этой неприкрашенной дѣйствительностью и, какъ говорится, пасуютъ. На оборотъ, нерѣдко тѣ, которые въ мирное время не проявляли ничѣмъ таящихся въ нихъ зародышей будущаго героизма, съ первымъ же выстрѣломъ какъ бы перерождаются—у нихъ является энергія, рѣшительность, поразительное хладнокровіе и такая подчасъ сообразительность, на которую казалось нельзя было и расчитывать.

Какъ ни странны напримѣръ, зачастую встрѣчающіеся случаи самоубійствъ въ рядахъ дѣйствующихъ армій, но фактъ этотъ уже отмѣченъ давно и повсемѣстно; самоубійство изъ боязни быть убитымъ явленіе далеко не рѣдкое.

Казалось бы, что подобный логическій абсурдъ положительно невозможенъ, а тѣмъ не менѣе это такъ, и объясненіе ему очень простое—нервы не выдержали,—лучше конецъ, чѣмъ постоянное ожиданіе этого конца.

Молодой мальчикъ, только что выпущенный въ офицеры, беретъ вакансію въ одинъ изъ полковъ, стоящемъ на Дальнемъ Востокѣ, исключительно въ виду большей возможности попасть на войну, побывать въ „дѣлѣ", посмотрѣть въ глаза смерти, которой, какъ ему кажется въ силу его юности, на самомъ дѣлѣ и нѣтъ, или по крайней мѣрѣ, если она и есть, такъ для другихъ, а не для него.

А къ этому еще примѣшиваются мечты о бѣленькомъ крестикѣ, на оранжевой съ черными полосками лентѣ. Въ мысляхъ онъ уже видитъ себя украшеннымъ Георгіемъ.

Въ полку его полюбили за его веселый, общительный нравъ. Его балуютъ старые служаки, видя въ немъ можетъ быть и не серьезнаго офицера, но пол-

наго жизнерадостныхъ, искреннихъ юношескихъ увлеченій и порывовъ мальчика.

Начинается война.

Мечты должны исполниться.

Случайная болѣзнь однако заставляетъ его лечь въ лазаретъ. Болѣзнь упорная, и угрожаетъ сама по себѣ возможностью смертельнаго исхода.

Въ безсознательномъ состояніи бредитъ онъ сраженіями, японцами, отбитыми знаменами и ожидающей его славой.

Молодой организмъ беретъ свое дѣло и идетъ на поправку.

А полкъ между тѣмъ получилъ предписаніе выступить и идти навстрѣчу высадившемуся непріятелю.

И когда онъ узнаетъ объ этомъ, далеко еще не оправившійся, онъ спѣшитъ выписаться изъ госпиталя, чтобы догнать скорѣе уже ушедшій полкъ. Ему все кажется, что война кончится не сегодня, завтра и онъ не увидитъ того, о чемъ привыкъ мечтать еще въ корпусѣ.

Онъ догоняетъ полкъ. Мѣсто его въ охотничьей командѣ уже занято. За время его болѣзни другой офицеръ назначенъ туда и онъ получаетъ другое назначеніе.

Полкъ на бивакѣ. Получается предписаніе выдвинуть двѣ роты верстъ за двѣнадцать впередъ къ берегу моря на встрѣчу высадившемуся непріятелю.

Опять роковая случайность. Назначаются роты и въ ихъ число его рота не попадаетъ. Онъ спѣшитъ къ полковнику и проситъ, настойчиво проситъ разрѣшить ему пойти въ качествѣ охотника. Разрѣшеніе дано.

Дѣйствительно, непріятель встрѣченъ. Завязы-

вается перестрѣлка, сначала рѣдкая, затѣмъ дѣло разгорается.

Мечты сбылись. Онъ видѣлъ войну, настоящую войну, войну вблизи, а не на картинахъ и въ описаніяхъ учебниковъ военной исторіи.

Онъ видѣлъ смерть, смотрѣлъ ей безъ страха въ глаза и она пощадила его. Во время сраженія онъ былъ полонъ воодушевленія; напряженные нервы не ослабѣли и онъ не кланялся свистѣвшимъ надъ головой пулямъ.

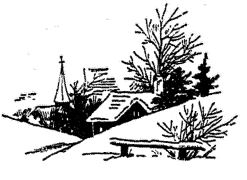
А когда, остановивъ наступленіе непріятеля, роты шли обратно онъ сталъ угрюмъ и молчаливъ.

Онъ отошелъ въ сторону...

Изъ за желѣзнодорожной водокачки донесся сухой трескъ единичнаго выстрѣла. Двое солдатъ были посланы узнать кто стрѣлялъ и нѣтъ ли тамъ случайно непріятеля.

Они нашли теплый, но уже безжизненный трупъ офицера-мальчика, въ зажатой рукѣ былъ револьверъ.

Нервы не выдержали и неприкрашенная дѣйствительность ужасомъ своимъ превзошла все, что молодая и пылкая фантазія рисовала еще на школьной скамьѣ, на военномъ полѣ Красносельскаго лагеря.



Контръ-Адмиралъ В. К. Витгефтъ.

10 іюня.

ВЫХОДЪ ЭСКАДРЫ.

Ночь была звѣздная. Полная тишина на рейдѣ. Артуръ спалъ своимъ обычнымъ чуткимъ сномъ. Прекратилась всякая ѣзда и спокойствіе ночи нарушалось лишь рѣдкими окликами часовыхъ на вахтѣ мимо скользившихъ порою маленькихъ, чуть замѣтныхъ катеровъ. Скоро смолкло все окончательно. Но вотъ раздались на одномъ изъ судовъ свистки боцманскихъ дудокъ, ихъ повторило и другое судно, повторила затѣмъ и вся эскадра: „командѣ вставать!“.

Было три часа ночи.

Суда ожили. Нарушенное спокойствіе ночи опять готово было вступить въ свои права, какъ гдѣ-то закричалъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій. День начиналъ брезжить, звѣзды тухли въ свѣтлѣющемъ небѣ, а эскадра готовилась къ выходу.

Въ 4 ч. 21 минуту „Новикъ“ прошелъ мимо „Аскольда“, миновалъ „Діану“, обогнулъ стоящаго въ проходѣ „Гиляка“ и вышелъ первый на внѣшній рейдъ.

Въ 4 ч. 36 м. плавно снялась съ якоря „Діана“ и пошла туда же и, повернувъ влѣво, скрылась за Золотой горой.

Въ 4 ч. 51 м. „Аскольдъ“.

Въ 5 ч. 10 м. изъ западнаго бассейна донесся могучій, густой, какъ бы львиный голосъ „Севастопольской“ сирены и показался корпусъ красиваго броненосца.

Вслѣдъ за нимъ черезъ десять минутъ тронулась „Полтава“.

Въ 5 ч. 25 м. изъ-за угла адмиральской пристани плавно шелъ, разсѣкая спокойную гладь внутренняго бассейна, красавецъ „Цесаревичъ“. Флагъ командующаго эскадрой едва колышется отъ легкаго дуновенія утренняго вѣтерка.

Обгоняя гиганта красавца на рейдъ спѣшили миноносцы, другіе, стоявшіе на стражѣ ночью у входа въ портъ шли обратно.

За „Цесаревичемъ“ въ 5 ч. 40 м. вышелъ „Пересвѣтъ“, а за нимъ черезъ четверть часа „Побѣда“.

Колыхнулся „Ретвизанъ“ и 6 ч. 30 м. и онъ уже шелъ на внѣшній рейдъ.

Вслѣдъ за нимъ въ 7½ ч. вышелъ „Баянъ“ и за нимъ „Паллада“.

Выйдя на внѣшній рейдъ, суда стали на якорь.

Началось окончательное траленье отъ минъ для возможнаго обезопасенья дальнѣйшаго пути.

Около часа дня суда снялись съ якоря и пошли въ открытое море, гдѣ ихъ поджидалъ уже врагъ.

Передовые миноносцы наши, поддерживаемые „Новикомъ“ и „Аскольдомъ“, вступили въ бой.

Непріятель поспѣшилъ отступить.

Въ 6 часовъ наша эскадра скрылась съ горизонта...

Счастливаго пути и немеркнущей славы доблестные моряки!

14 іюня.

„Послѣ окончанія войны я непремѣнно поѣду въ Японію“, сказалъ мой пріятель сегодня послѣ ужина, когда мы съ нимъ по обыкновенію предавались dolce far niente и пріятной бесѣдѣ.

Я не отвѣчалъ.

„Интересно будетъ взглянуть на страну Восходящаго Солнца, Хризантэмъ и Мимозы послѣ ожидающаго ее погрома“, продолжалъ онъ.

„Цвѣтъ японской молодежи будетъ уничтоженъ. Тысячъ 200, если не больше, убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней. Промышленность и торговля въ упадкѣ; экономическій кризисъ полный. Какъ то они вывернуться? Подорожаетъ все, это правда“.

— „Но Мимозы и Хризантэмы упадутъ въ цѣнѣ; ужъ не потому ли ты и хочешь туда ѣхать“, перебилъ его.

— „Нѣтъ, это между прочимъ. Главное, что меня интересуетъ, — посмотрѣть закулисную сторону войны, оборотную сторону той медали, блескомъ которой они съумѣли выманить денегъ у гордыхъ Бритовъ и практичныхъ Янки“.

— „Развѣ не интересно это? Подумай, война эта выдвинула цѣлую плеяду новыхъ не только намъ неизвѣстныхъ, но можетъ быть неизвѣстныхъ и въ самой Японіи, именъ. Если мы съ тобой слышали о Того, Тераучи, Маркизѣ Ито и нѣкоторыхъ другихъ, то во всякомъ случаѣ разные Ійюпны, Мисицуро—Нотсу, Оки и т. д. ни тебѣ, ни мнѣ не были извѣстны“.

Я, конечно, согласился съ этимъ.

— „Неужели же все это блестящее созвѣздіе японскихъ генераловъ и адмираловъ дѣйствительно

звѣзды первой величины, а не какіе нибудь мгновенные метеоры съ минутнымъ блескомъ“?

Я не возражалъ.

— „А затѣмъ, развѣ не интересно будетъ взглянуть и на то, какъ этотъ только что окулированный европейской цивилизаціей народъ усвоилъ себѣ всѣ плоды позаимствованной культуры?

Возьмемъ хотя бы наше отечество“.

При словѣ „наше отечество“ я хотѣлъ было перевести бесѣду на нѣчто болѣе легкое и болѣе соотвѣтствующее для пищеварительныхъ разговоровъ, но мой пріятель не унимался.

— „Нѣтъ, подожди“, перебилъ онъ меня, „хотя Лолотъ и славная женщина, но мы о ней поговоримъ потомъ. Ты вотъ замѣть — послѣ всѣхъ нашихъ войнъ наступало время сведенія счетовъ“.

Пріятель мой началъ по обыкновенію входить въ азартъ и голосъ его становился невозможно громокъ.

— „Голубчикъ, ты бы могъ говорить потише, а то такъ вѣдь и на Ляотешанѣ слышно“.

Онъ улыбнулся, но все же понизилъ голосъ и продолжалъ.

— „Да, такъ я уже сказалъ, наступаетъ время сведенія счетовъ; подводятся итоги раскрывшимся благодаря войнѣ неурядицамъ, подсчитываются всѣ вольные и невольные промахи, замѣчается стремленіе водворить порядокъ, котораго, какъ оказалось на практикѣ, нѣтъ и о которомъ заботились уже наши отдаленные предки, но къ сожалѣнію не особенно успѣшно. Апоѳеозъ иногда бываетъ поистинѣ грандіозенъ. Вспомни Севастопольскую войну, закончившуюся въ видѣ апоѳеоза судомъ надъ генералъ-интендантомъ арміи Затлеромъ, вспомни Турецкую кампанію и судъ надъ зна-

менитымъ тріумвиратомъ Коганъ, Грегеръ, Горвицъ и К°.

„Очистительная гроза выворачиваетъ подчасъ съ корнемъ такіе дубы, которымъ кажется рости бы только и рости. Тянули эти могучіе дубы соки своими корнями изъ тѣхъ живыхъ людей, что пощадили вражья пуля и брюшной тифъ, тянули, благоденствовали; но вотъ пришла гроза и, Слава Богу, повалило ихъ.

— „Не понимаю, что ты хочешь сказать этимъ и при чемъ тутъ Японія?“

— „Очень просто. Я бы вотъ и хотѣлъ посмотрѣть во первыхъ—неужели же въ Японіи не будетъ послѣ войны развѣнченныхъ героевъ, какъ обыкновенно бываетъ всюду въ цивилизованныхъ странахъ, и во вторыхъ—неужели же тамъ не будетъ этого обычнаго апоѳеоза войнъ всѣхъ культурныхъ народовъ, неужели же у нихъ нѣтъ расхитителей казеннаго добра, нѣтъ тѣхъ осминоговъ, которые присасываются своими щупальцами ко всему, откуда можно высосать хоть каплю оставшейся еще крови?“

— „Да, это интересно“, поспѣшилъ я согласиться, думая хоть этимъ прекратить этотъ разговоръ,

— „Даже очень“, не унимался мой пріятель, „а затѣмъ не забудь еще и то, что въ Японіи я буду, такъ сказать, посторонній наблюдатель. Если выплыветъ, скажемъ, фактъ позаимствованія японской казны наружу, то особенно соболѣзновать о японскихъ іенахъ, попавшихъ не по назначенію, а въ посторонній карманъ, не буду. Даже наоборотъ, я въ этомъ фактѣ увижу только, что японцы дѣйствительно народъ культурный и хорошіе ученики, что квинтъ-эссенція цивилизаціи усвоена ими также основательно, какъ и внѣшняя, показная ея сторона. Я даже порадуюсь отъ души за нихъ“.

— „Ну а если этого не будетъ?“ спросилъ я.

— „Если не будетъ... тогда объ этомъ надо будетъ подумать“.

Мы помолчали.

— „Знаешь, и у насъ въ Россіи послѣ войны тоже интересное время наступитъ".

— „У насъ? Какъ тебѣ сказать...", пріятель немного помолчалъ.

— „Мы народъ сравнительно уже не молодой и культурный, такъ что чего нибудь новаго, что не было раньше, ожидать трудно. А Японія дѣло другое, отъ нея еще можно ожидать сюрпризовъ».

Со взморья донесся рѣзкій выстрѣлъ. „Гилякъ" прервалъ нашъ разговоръ и мы поспѣшили на пристань. Несмотря на тучи было довольно свѣтло и шла опять канонада.

24 іюня.

Дорогой другъ, вотъ уже два мѣсяца какъ Артуръ отрѣзанъ.

Сегодня случайно я имѣю возможность написать тебѣ письмо. Какимъ путемъ оно пойдетъ къ тебѣ, сказать не могу и причинъ тому много; главная та, что письмо можетъ попасть въ руки японцевъ и тогда, разъ они узнаютъ, какъ отправлено оно изъ Артура, трудно даже предвидѣть всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія. Я думаю, что этой причины тебѣ вполнѣ достаточно.

Изъ всего, что мы пережили здѣсь за два мѣсяца, самыя крупныя событія — бой при Киньчжоу 13 мая и выходъ эскадры въ море 10 іюня.

Бой при Киньчжоу, вѣроятно, уже описанъ въ вашихъ газетахъ, а поэтому я напишу тебѣ только то,

что такъ сказать поможетъ тебѣ уяснить все тобою прочитанное. Да и тутъ мнѣ придется многое не договаривать и все по той же причинѣ—а вдругъ письмо попадетъ въ руки господина Куроки или господина Того и они узнаютъ изъ него то, что имъ знать не полагается.

Я вижу отсюда, что ты смѣешься надъ моей всегдашней осторожностью и вѣроятно предполагаешь, что японцамъ все гораздо лучше извѣстно, чѣмъ они могли бы узнать изъ моего письма. Спорить съ тобой не буду, но и ты меня не передѣлаешь и я буду скрытенъ.

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ полуострова, на перешейкѣ, имѣющемъ, до четырехъ верстъ въ ширину, расположенъ рядъ довольно высокихъ холмовъ. Это и есть Киньчжоуская позиція. Съ фланговъ ея двѣ бухты, Таліенванская съ одной стороны и бухта Товарищества съ другой; сообщать эти географическія подробности я не боюсь только по той причинѣ, что японцы знаютъ географію этой мѣстности еще со временъ войны ихъ съ Китаемъ можетъ быть лучше многихъ изъ насъ.

Эти бухты были нами заминированы, но не вполнѣ.

И это сообщаю только потому, что Киньчжоу уже дѣло прошлое и вѣроятно тамъ новаго сраженія не будетъ, а что прошло, то японцамъ извѣстно, такъ же, какъ и намъ, если не лучше.

Въ Таліенванскую вошелъ нашъ „Бобръ“. Отважный подвигъ его тебѣ уже конечно извѣстенъ; онъ стрѣлялъ пока были снаряды и сдѣлалъ все, что могъ.

Бухта Товарищества оказалась вполнѣ достаточной глубины для японскихъ канонерокъ и онѣ, зайдя во флангъ, а отчасти даже и въ тылъ нашей позиціи, осыпали окопы тучей артиллерійскихъ снарядовъ.

Я думаю, что послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ

тебѣ станетъ ясно, что продержаться на такой позиціи шестнадцать часовъ — болѣе чѣмъ геройскій подвигъ.

Зная твою всегдашнюю любознательность я уже предвижу массу вопросовъ, но я отвѣчу тебѣ на нихъ только тогда, когда будетъ возстановлено сообщеніе съ Россіей, а теперь, не смотря на всю законность твоего любопытства, лучше помолчу, (а вдругъ письмо попадетъ японцамъ).

Киньчжоу стоилъ японцамъ до 5,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Русскій солдатъ, какъ и всегда, показалъ себя героемъ.

Если подъ Тюренченомъ ему приходилось бороться одинъ противъ шести, то численное отношеніе подъ Киньчжоу опредѣлить трудно, однако не менѣе одного противъ девяти. Достаточно тебѣ сказать, что потери японцевъ превышаютъ по численности количество нашихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ защитѣ этой незащищенной позиціи.

Герой киньчжоускаго боя тотъ же русскій мужикъ, умѣющій умирать, когда это отъ него требуютъ.

Тюренченъ, Киньчжоу и Вафангоу, три наиболѣе крупныхъ дѣла этой войны еще разъ показали русскаго солдата во всемъ его геройскомъ величіи. Ореолъ прежнихъ войнъ не только не поблекъ, но загорѣлся новой славой.

Великій Наполеонъ, сказавшій, что съ русскимъ солдатомъ онъ покорилъ бы вселенную, вѣроятно, и теперь не отрекся бы отъ своихъ словъ.

Безъ жертвъ конечно войны не бываетъ. Есть пословица насчетъ дровъ и щепокъ. Когда эти необходимыя щепки живые люди, то хотѣлось бы какъ можно меньше этихъ щепокъ; пріятно видѣть топоръ въ опытной рукѣ.

Я думаю, что послѣ этого письма тебѣ ясенъ весь киньчжоускій бой.

Теперь другое событіе—выходъ нашей эскадры въ море. Объ этомъ событіи, я думаю, если и писали газеты, такъ очень мало. Думаю я такъ по слѣдующей причинѣ: Киньчжоу описанъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, гдѣ этому дѣлу дана окраска японской побѣды, а потому красокъ не жалѣли. Выходъ же эскадры, какъ нѣчто совершенно иное, если и попалъ на страницы иностранной печати, то вѣроятно лишь какъ бы вскользь, во-первыхъ потому, что къ ночи эскадра вернулась обратно въ Артуръ, а во-вторыхъ потому что... впрочемъ, извини, опять боюсь выдать японцамъ тайну, а потому лучше замолчу.

Что касается этого второго событія, то будетъ лучше, если я буду кратокъ. Флотъ вышелъ утромъ, а вечеромъ вернулся, вотъ тебѣ фактъ, и этимъ фактомъ мы доказали, что входъ въ Артуръ не загражденъ, а во-вторыхъ, что наша эскадра цѣла; въ томъ и въ другомъ японцы очень сомнѣвались.

Я вполнѣ увѣренъ, что теперь тебѣ ясно все значеніе этихъ обоихъ выдающихся событій изъ нашей двухмѣсячной жизни въ осажденномъ Артурѣ.

А затѣмъ до свиданія. Болѣе подробныя свѣдѣнія сообщу тебѣ по возстановленіи сообщенія.

28 іюня.

18 января 1848 года извѣстный въ свое время романистъ и публицистъ Ѳ. В. Булгаринъ, по поводу цензорскихъ исправленій его романа „Записки Чухина“, въ одномъ изъ своихъ писемъ между прочимъ писалъ:

„...Неужели же всѣ русскіе должны быть представлены Ахиллесами и ни одному не позволено струсить даже на бумагѣ?“.

Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ и Россія сдѣлала громадный шагъ впередъ. Теперь на бумагѣ дозволяется нѣкоторымъ русскимъ и не быть Ахиллесами, и если описанія героическихъ подвиговъ все же рекомендуются предпочтительнѣе, то и трусость, какъ черта чисто человѣческая, не изгоняется безусловно со страницъ разсказовъ и повѣстей.

Было время, когда газетамъ нельзя было писать про извощичью таксу. Запрещеніе касаться этого важнаго вопроса мотивировалось слѣдующимъ логическимъ соображеніемъ: такса утверждается соотвѣтствующими властями и если газетамъ дозволить относиться къ ней критически, то тѣмъ самымъ колеблется авторитетъ властей, утвердившихъ эту таксу. Теперь и на счетъ этого вопроса стало нѣсколько свободнѣе.

— „На счетъ таксы для извощиковъ ты что то писалъ“, сказалъ мой пріятель, когда разговоръ нашъ зашелъ на эту тему, „а вотъ что касается Ахиллесовъ, такъ что то не помню“.

— „Не писалъ по очень простой причинѣ“, возразилъ я, „потому что у насъ всѣ Ахиллесы во-первыхъ, а во-вторыхъ—я думаю, что если бы я коснулся, скажемъ, прошлаго и написалъ бы напримѣръ, что полковникъ Z. въ минувшую китайскую кампанію сидѣлъ въ гаолянѣ, когда его полкъ сражался, такъ по головкѣ за это меня не погладятъ“.

— „Будь я писака, такъ я бы попробовалъ“, сказалъ онъ.

— „Спасибо за совѣтъ, голубчикъ; а я лучше не буду и пробовать; подожду болѣе удобнаго времени, а то теперь, знаешь ли, со всѣхъ сторонъ море и непріятель... какъ то не хочется“.

— „Что же? Дѣло твое“, не унимался пріятель, „только одно могу сказать, значитъ и ты трусъ; и ты, на подобіе полковника, также спрятался въ гаолянъ на время войны“, сказалъ онъ съ усмѣшкой.

Я готовъ былъ вспылить, но съ горечью внутренне сознался правоту его словъ.

Разъ я не говорю всей правды, разъ я замалчиваю то, что совершается на моихъ глазахъ, скажемъ, во вредъ интересамъ общественнымъ и такимъ образомъ не способствую устраненію этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ,—я дѣйствительно трусъ; трусъ на полѣ брани публицистики, трусъ не достойный стоять въ ея рядахъ.

Отъ меня ждутъ правды, одной только правды, а вмѣсто этого я пишу ложь, одну только ложь. Я восторгаюсь и самый мелкій фактъ возвожу въ геройскій подвигъ; я замалчиваю то, что нехорошо; я не говорю о тѣхъ не только возможныхъ, но даже неизбѣжныхъ неудачахъ, которыя бываютъ всегда и вездѣ—разъ дѣлается дѣло, а кричу громко о малѣйшемъ пустякѣ, не имѣющемъ общаго значенія, и представляю его выдающимся событіемъ. Дѣйствительные Ахиллесы тонуть въ кучѣ Ахиллесовъ самозванныхъ.

Послѣ словъ моего пріятеля, что я трусъ, что я тоже запрятался въ гаолянъ, всѣ эти мысли неотступно стали преслѣдовать меня.

Напрасно старался я привести доводы, говорящіе какъ бы въ мою пользу. Я говорилъ, что сообщеніе дѣйствительнаго положенія вещей, указанія на промахи и недочеты, разсказы о неудачахъ могутъ принести вредъ и, кто знаетъ, можетъ быть большій, чѣмъ ожидается отъ нихъ польза. Они могутъ вызвать упадокъ духа, могутъ подорвать энергію, могутъ наконецъ поколебать довѣріе къ лицамъ властью облеченнымъ.

А внутри я слышу все тѣ же неотвязчивыя

слова: „*правду, одну только правду*“ и тогда не будетъ ни упадка духа, ни ослабленія энергіи, ни лицъ, властью облеченныхъ, которыя могутъ лишиться довѣрія своихъ подчиненныхъ!

„Трусъ, трусъ...“ твердилъ лишь внутренній голосъ. „Кому ты служишь своимъ писаньемъ—тому ли власть имущему, что утвердилъ несоразмѣрно высокую извощичью таксу, или же тому, кто поставилъ эту власть имущую для пользы дѣла не предполагая, что она приноситъ вредъ? Не твое ли дѣло раскрыть на это глаза. Не твоя ли это обязанность?“

Я лежалъ въ постели и мучился безвыходностью положенія.

Завтра же попробую писать правду, одну только правду. Если будетъ что хорошее—буду писать и о хорошемъ; если будетъ что дурное и его не буду замалчивать. Надо же наконецъ выйти изъ густого гаоляна на открытое мѣсто.

Дремота начинала овладѣвать мной. Въ ушахъ стоялъ еще все тотъ же навязчивый голосъ „правду, одну только правду“, а въ головѣ уже бродили сонныя видѣнья. Дѣйствительно, вотъ я сижу въ высокомъ гаолянѣ, громадное поле; густой и высокой стѣной стоятъ его толстые стебли; я хочу выйти изъ него на чистое мѣсто. Руками раздвигаю я эту густую непроходимую чащу; вдали видѣнъ просторъ чистаго поля; я стремлюсь туда. Вотъ я уже у самой опушки этихъ гигантскихъ плантацій; свѣжій вѣтерокъ доносится ко мнѣ сквозь рѣдѣющую чащу. Наконецъ я вышелъ, вотъ оно желанное чистое поле! Наконецъ-то!

А рядомъ, изъ подъ земли лѣзетъ опять тотъ же гаолянъ, толстые стебли его поднимаются всюду кругомъ на моихъ глазахъ, опять я окруженъ имъ, опять высокая стѣна!

И опять тѣ же попытки, тѣ же мученья, то же стремленье въ чистое поле. И опять чистое поле передо

мной, я достигаю его вторично. И опять въ мгновенье ока заростаетъ оно на моихъ глазахъ толстыми стеблями ужаснаго растенья, преслѣдующаго меня.

Я просыпаюсь.

Холодный потъ на лбу, въ вискахъ стучитъ, а

Насмѣшливый, внутренній голосъ

Злую пѣсню свою затянулъ:

„Правды, одной только правды“!

1 іюля.

День, когда грозная Немезида, руководствующаяся въ своихъ поступкахъ ветхозавѣтнымъ „око за око, зубъ за зубъ“ и чуждая ученья о всепрощеніи, воздала японцамъ за гибель нашего „Петропавловска“, былъ днемъ торжества и ликованія въ Артурѣ.

Солнце ярко сіяло; море было спокойно; даль заволакивалась знойнымъ туманнымъ налетомъ, изъ котораго доносились глухіе раскаты японскихъ выстрѣловъ; броненосцы стрѣляли въ воды Желтаго моря, таившія подводныя лодки нашего флота. Гибли великаны и на нихъ шли ко дну сотни человѣческихъ жизней. А Артуръ ликовалъ.

Но и тогда уже раздавались единичные голоса, что радоваться гибели японцевъ, хотя бы и враговъ нашихъ, грѣшно, преступно, не по христіански, не человѣчно.

Сентиментализмъ глубоко вкоренился въ насъ.

А все же переполнившее чувство радости искало себѣ выраженія и нашло выходъ въ требованіи исполненія народнаго гимна, которымъ и закончилась музыка на бульварѣ.

Можно и должно жалѣть, что міръ устроенъ такъ, что войны до сихъ поръ не исчезли окончательно, можно и должно жалѣть, что христіанская проповѣдь любви и всепрощенія только на словахъ, а не на дѣлѣ имѣетъ милліоны адептовъ, но жалѣть и вздыхать о погибшихъ непріятельскихъ силахъ все равно, что жалѣть о приближеніи конца войны. Жалость о погибшихъ врагахъ недалека отъ желанія имъ побѣды.

Вотъ почему Артуръ ликовалъ и не могъ не ликовать 2 мая.

Ходятъ слухи насколько они вѣрны, конечно, другой вопросъ, что будто бы генералъ Ренненкампфъ уничтожилъ гдѣ то до 10 тысячъ японскихъ кули. Уменьшимъ эту цифру хотя бы въ 20 разъ и суть дѣла отъ этого не измѣнится. Сентиментально настроенные люди, румянящіе свои сердца поддѣльнымъ чувствомъ, уже вздыхаютъ по этимъ кули и не только вздыхаютъ, но идутъ даже дальше, видятъ въ этомъ чуть ли не варварскій поступокъ. Вѣрно, что кули безъ оружія, но они необходимы для арміи нашихъ противниковъ такъ же, какъ необходимы ей солдаты, оружіе, боевые припасы, провіантъ. Уничтоженіе одной изъ этихъ категорій ведетъ къ ослабленію силъ противника и къ скорѣйшему прекращенію дальнѣйшихъ ужасовъ войны.

Мы русскіе должны только радоваться, что уничтожены японскіе кули, а не нашъ обозъ и мы должны быть благодарны генералу Ренненкампфу, если дѣйствительно эти слухи справедливы и подобный фактъ имѣлъ мѣсто.

Сентиментализмъ всегда найдетъ къ чему прицѣпиться и люди не чуткіе душой, но которые хотѣли бы казаться такими всегда и вездѣ найдутъ подходя-

Контръ-Адмиралъ М. Ф. Лощинскій, начальникъ береговой и минной обороны.

щій случай, чтобы порисоваться своей христіанской любовью къ ближнему.

Потопленіе японскихъ транспортовъ Владивостокскими крейсерами, цифры японскихъ потерь подъ Тюренченомъ или подъ Киньчжоу—все однимъ словомъ служитъ чуднымъ предлогомъ выказать свое любвеобильное сердце. Подобные вздыхатели прикрываются евангеліемъ, о которомъ они слышали, но котораго сами не придерживаются. Принципы христіанскаго смиренья для нихъ также далеки, какъ и чувство любви къ родинѣ. Русскій человѣкъ, который говоритъ: „я не могу радоваться гибели „Хатцузе", потому что на немъ погибло 300 японцевъ", раньше всего человѣкъ безъ сердца, онъ также чуждъ своему отечеству, какъ чуждъ и тому человѣчеству, именемъ котораго онъ старается искусно прикрыться. Такой человѣкъ не способенъ ни на подвигъ ради ближняго, ни на ту милость, о которой говоритъ такъ часто цитируемая имъ священная книга—„Милости прошу, а не жертвы".

Къ сожалѣнію подобныхъ людей много, очень много.

Описаніе боя, гдѣ пестрѣютъ слова: „солдатикъ", „матросикъ" и т. д. и гдѣ грохота и дыма напущено больше, чѣмъ ихъ было на самомъ Киньчжоу, на меня производятъ по крайней мѣрѣ непріятное впечатлѣніе. Писать о томъ, гдѣ вѣялъ духъ смерти, и употреблять эти приторно слащавыя словечки,—что то фальшивое, притворное, указывающее на полное отсутствіе чувства дѣйствительнаго, а не показного.

У кого нѣтъ его, такъ поддѣлкой его не замѣнишь, какъ не замѣнишь природной свѣжести молодого лица румянами изъ косметической лавки.

Война сама по себѣ настолько ужасна, что никакія прикрасы не нужны, чтобы выставить ее тѣмъ, чѣмъ она всегда была и будетъ.

Отдавать должное врагу и вздыхать и охать при вѣсти о гибели непріятельскихъ войскъ ничего общаго между собой не имѣютъ. Кто подобными вздохами думаетъ достигнуть перваго—глубоко ошибается.

Поменьше сентиментальности и побольше чувства; если же его нѣтъ, такъ лучше полное его отсутствіе, чѣмъ поддѣлка подъ него.

7 іюля.

Два воскресенья въ осажденномъ Артурѣ.

РАНЬШЕ.

Воскресенье. День прекрасенъ,
Море гладко, какъ стекло;
Горизонтъ прозрачно ясенъ,
Какъ-то дышется легко.
Все спокойно; всѣ на мѣстѣ —
„Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“,
„Пересвѣтъ“, „Полтава“ вмѣстѣ,
„Севастополь“ и „Баянъ“.
Флаги вдругъ наверхъ взлетаютъ;
Судно съ судномъ говоритъ,
Утра добраго желаютъ
И у всѣхъ довольный видъ.

* *
*

Полдень. Пушка. Стало душно
И „Саратовъ“ шуменъ сталъ:
Принимаетъ всѣхъ радушно
Его темный, грязный залъ.
На верандѣ, какъ въ теплицѣ,
Пива выпьютъ бочекъ семь,
Раскраснѣвшіяся лица
И... извѣстно, что затѣмъ.

*
* *

Пять часовъ—полно гулянье.
Какъ весной вишневый садъ,
Бѣлоснѣжность одѣянья
Убаюкиваетъ взглядъ.
Мичмана и капитаны.
Слышенъ всюду разговоръ —
Синьючены, Вафандяны
И высоты Волчьихъ горъ.
Сверху льются звуки, звуки.
Снизу копоть, дымъ валитъ,
Но нигдѣ не видно скуки
И у всѣхъ довольный видъ.

* *
*

Шесть часовъ. Конечно надо
И на „Звѣздочку“ взглянуть;
Есть и тамъ кой-что для взгляда
Хоть и пыленъ туда путь.
Меланита, Кэти, Мэри,
И веселая Лолотъ,
Сода-виски, брэнди, шэрри,
И шампанское, и ледъ!
Напряженно ловишь слухомъ,
Мэри что-то говоритъ,
А тромбонъ надъ самымъ ухомъ
Оглушительно трубитъ.

* *
*

Скоро десять. Спать хоть рано,
Но изъ „Звѣздочки“ пора.
Видны полосы тумана,
Свѣтятъ вдаль прожектора.
Ѣдемъ быстро, но вдругъ стали,
Къ намъ подходитъ часовой,
Пропускъ шопотомъ сказали.
А теперь куда?

— Домой!

ТЕПЕРЬ.

Воскресенье. День тревожный.
Сномъ зловѣщимъ море спитъ;
Слухъ разнесся, можетъ ложный,
— Врагъ въ пяти верстахъ стоитъ!
Съ моря слышатся раскаты,
Гдѣ-то дальняя стрѣльба,
А вершинъ крутые скаты
Облѣпила ужъ толпа.
Вотъ ушли „Новикъ“, „Гремящій“
И „Отважный“, и „Гилякъ“,
„Бойкій“, „Властный“ и „Разящій“,
Лодки „Всадникъ“, „Гайдамакъ“.

* *
*

Полдень. Пушка. Стало душно,
Но „Саратовъ“ все же пустъ;
Въ немъ безмѣрно стало скучно
Съ той поры, когда для устъ
Къ влагѣ полныхъ вѣчной жажды
Вамъ даютъ воды стаканъ.
Пиво кто пивалъ однажды,
Не польститься на танзанъ,
Будь онъ съ клюквеннымъ экстрактомъ
Иль съ сиропомъ „гренадинъ“.
Слухи стали грознымъ фактомъ
И у всѣхъ развился сплинъ.

* *
*

Лишь бульваръ безъ перемѣны,
Также музыка гремитъ,
Мичмановъ живыя стѣны,
Тотъ же флиртъ кругомъ царитъ;
И идетъ стрѣльба глазами,
Что предъ ними пулеметъ!
Описать нельзя словами;
Кто не видѣлъ, не пойметъ,
Что страшнѣе пулеметовъ

Взгляды этихъ милыхъ глазъ.
Сколько юныхъ патріотовъ
Въ сердце ранены у насъ!

* *
*

Но вотъ „Звѣздочка“ пустуетъ.
Не трубитъ уже тромбонъ
И надъ нею торжествуетъ
Воздержаніе законъ.
Нѣтъ въ ней прежняго веселья,
Нѣтъ былыхъ уже картинъ,
И сидятъ, забившись въ кельи,
Меланита и Розинъ;
Превратившись въ домосѣдокъ,
Скоро постничать начнутъ
И въ Артурѣ на послѣдокъ
Вдругъ въ святыя попадутъ!

* *
*

Но пора домой однако,
День прошелъ и съ плечъ долой.
Свѣтитъ ярко среди мрака
Вдаль прожекторъ голубой.

17 іюля.

Артуръ, уже привыкшій къ ночному грохоту выстрѣловъ, за послѣдніе дни освоился и съ дневной нескончаемой канонадой, перекаты которой, какъ отдаленные раскаты, слышались 13, 14 и 15 іюля.

Два мѣсяца спустя послѣ киньчжоускаго боя японцы наконецъ приблизились къ Артуру. Микадо утвердилъ планъ штурма нашей крѣпости.

Сколько слуховъ, сколько всевозможныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ какъ и всегда изъ достовѣрныхъ источниковъ, нарождались, то тревожа нервно настроенныя сердца, то поселяя въ нихъ надежды, близкія къ увѣренности, нарождались, летали какъ бы въ воздухѣ, потомъ исчезали, испарялись, таяли какъ утренній туманъ и уходили опять въ ту же насыщенную ими атмосферу, изъ которой и появились.

Слухи и дѣйствительность, какъ мало между ними общаго! Они въ постоянной враждѣ между собой. Какъ поэзія и проза они не любятъ встрѣчаться. Чѣмъ ярче, фантастичнѣе и красочнѣе слухъ, тѣмъ проще, сѣрѣе, будничнѣе дѣйствительность и наоборотъ, чѣмъ монотоннѣе первый, тѣмъ пестрѣе вторая. Дѣйствительность какъ старинная мелодрама, любитъ эффекты, неожиданности и стремится, какъ бы нарочно, дать что либо противоположное обѣщаніямъ бѣгущаго передъ ней слуха.

Артуръ два мѣсяца послѣ Киньчжоускаго боя жилъ слухами. Онъ питалъ въ себѣ надежду, что помощь съ сѣвера не заставитъ себя долго ждать. Многіе уже слышали даже раскаты выстрѣловъ за Киньчжоу. Очевидно у Самсона идетъ бой. Этого было мало, мы вѣрили въ какую то страшную битву, чуть ли не восьмидневную съ 230 тысячами труповъ, усѣявшихъ собой горныя лощины и крутые скаты высотъ сѣвернаго Ляодуна. Киньчжоуское побоище, Бородино и Аустерлицъ, Гравелотъ и Седанъ, и всѣ три Плевны, вмѣстѣ взятыя—ничто въ сраженіи съ тѣмъ, что происходило въ какихъ нибудь 150, много 200 верстахъ отъ насъ.

Слухи разсѣялись и дѣйствительность оказалась далеко не столь кровожадной.

А японцы тѣмъ временемъ, по слухамъ, потянулись на сѣверъ. Подъ Артуромъ осталось ихъ много,

много тысячъ 20; такъ говорили китайцы; если не вѣрить китайцамъ, такъ кому же вѣрить?

13-го іюня происходитъ перестрѣлка между передовыми частями и завязывается сраженіе.

Suo proprio motu наши войска очищаютъ гору Куинсанъ. Горъ на Квантунѣ, какъ извѣстно, много; есть горы съ названіемъ, есть съ номерами, а есть и безъ названія и безъ номера, просто горы. 20, 21 и 22-го іюня мы пытаемся взять гору Куинсанъ обратно. Но попытка не удалась и гора осталась за японцами.

По пословицѣ „что имѣемъ—не хранимъ“... пожалѣли мы о Куинсанѣ.

Удивляться надо расточительности природы, которая насадила такую кучу горъ на такомъ маленькомъ полуостровѣ какъ Квантунъ!

Затѣмъ пошли слухи о какихъ-то высадкахъ японцевъ то въ Дальнемъ, то въ Таліенванѣ. По слухамъ, войска высаживались и шли на сѣверъ.

Пришли вѣсти о потопленіи осаднаго парка спеціально предназначеннаго для насъ. Мы поспѣшили поздравить японцевъ съ этимъ извѣстіемъ. Оказалось, что и имъ оно уже извѣстно; они въ свою очередь предупредительно увѣдомили насъ, что ѣдетъ уже новый транспортъ. Завязавшійся было дружелюбный обмѣнъ получаемыми свѣдѣніями, къ сожалѣнію, на этомъ прекратился, а то можетъ быть отъ нихъ мы узнали бы и еще что либо болѣе достовѣрное, нежели китайскіе слухи.

Рано утромъ 13 іюля началось наступленіе по всему фронту. Когда это произошло, то опять таки пришлось сознаться, что слухи и дѣйствительность не одно и тоже и что иногда и китайцы врутъ.

А какъ мы имъ вѣрили!

Оказалось, что японцевъ не менѣе какъ 4—5 дивизій, при 120 орудіяхъ въ числѣ ихъ есть и дальнобойныя.

Говорить о бояхъ 13, 14 и 15 іюля значитъ опять повторять тоже: хвалить доблесть русскаго солдата, его стойкость, выносливость, его преданность отечеству и Престолу, его готовность лечь костьми за родину.

Хребты Кантунскихъ горъ видѣли славныхъ потомковъ героевъ Альпъ и Балканъ.

15-го весь Артуръ утромъ уже зналъ, что въ ночь по всей линіи началось отступленіе нашихъ войскъ на заранѣе намѣченныя позиціи.

Протяженіе линіи фронтальной обороны значительно уменьшилось, что даетъ намъ возможность быть въ каждомъ данномъ пунктѣ въ большей численности, чѣмъ то было въ бояхъ только что истекшихъ дней. Кромѣ того при слѣдующемъ наступленіи японцы будутъ уже имѣть дѣло и съ батареями нашего сухопутнаго фронта.

На мѣстахъ гдѣ разыгрались бои 13, 14 и 15 іюля осталось большое количество труповъ какъ нашихъ, такъ и японскихъ.

Въ интересахъ обѣихъ сражающихся сторонъ было бы желательно войти въ соглашеніе о возможно скорѣйшемъ преданіи этихъ тѣлъ землѣ.

Высокая температура воздуха, теплые дожди и проглядывающее зачастую жаркое, палящее солнце, все это способствуетъ скорѣйшему разложенію этихъ труповъ. Это можетъ послужить источникомъ развитія эпидемическихъ заболѣваній, что, конечно, одинаково ужасно и для насъ и для японцевъ.

Соглашеніе по этому вопросу, казалось бы, можетъ и должно быть достигнуто.

20 іюля.

Военный судъ въ осажденномъ городѣ—явленіе далеко не изъ заурядныхъ. Если вамъ довелось быть постороннимъ наблюдателемъ его (слава Богу, не подсудимымъ), то одно такъ сказать созерцаніе этого явленія не можетъ не произвести огромнаго впечатлѣнія.

Не буду конечно касаться того дѣла, при разборѣ котораго мнѣ довелось присутствовать. Не буду также вдаваться въ чисто теоретическія разсужденія о пользѣ или необходимости подобнаго суда. И о томъ. и другомъ поговоримъ какъ нибудь на досугѣ, когда стихнетъ война.

Военное правосудіе, гдѣ Марсъ облекается въ тогу богини Ѳемиды, уже по существу своему рѣзко отличается отъ правосудія гражданскаго.

Если послѣднее старается обосновать свою карательную систему все въ бо́льшей и бо́льшей мѣрѣ на гуманитарныхъ началахъ исправленія преступника, то первое на оборотъ придерживается исключительно системы устрашенія.

Принципъ „чтобъ другимъ не повадно было“, хотя и заключаетъ въ себѣ и нѣкоторый элементъ воспитательный, но лишь по отношеніи къ тѣмъ, кто еще ни въ чемъ не повиненъ; въ отношеніи же лицъ. переступившихъ роковую грань, онъ требуетъ лишь примѣрной кары, строгаго возмездія.

Если къ словамъ „военный судъ“ прибавить еще слова „по законамъ военнаго времени“, то невольно жутко становится. На одну изъ чашекъ вѣсовъ правосудія Марсъ заранѣе положилъ свой остроконечный мечъ. Что бы не было положено на другую, а вѣсы станутъ въ равновѣсіе и мечъ не останется въ бездѣйствіи.

Участвующіе въ разборѣ дѣла въ качествѣ членовъ суда строевые офицеры изъ состава того же гарнизона, начальство котораго предаетъ провинившагося суду, являются вполнѣ надежной гарантіей, что принципы дисциплины не будутъ нарушены предстоящимъ рѣшеніемъ; напрасныхъ преданій суду не будетъ.

На дѣлѣ, на которомъ я присутствовалъ, многое поразило меня своей неожиданностью.

Мечъ конечно лежалъ уже заранѣе на одной изъ чашекъ вѣсовъ; обвиняемому грозило наказаніе, которому можно подвергнуться разъ въ жизни, да и то не въ серединѣ ея, а при самомъ концѣ.

И судъ и стороны, конечно, сознавали всю тяжесть грозившей кары и прилагали, насколько было въ ихъ силахъ, всѣ старанія, чтобы пролить яркій свѣтъ на не вполнѣ освѣщенныя стороны дѣла, а тѣмъ не менѣе точно силамъ ихъ былъ положенъ предѣлъ; точно заранѣе было опредѣлено—истину выясняй, а дальше этой черты не смѣй, дальше—не твое дѣло. Дойдутъ до этой точки и назадъ; казалось сейчасъ будетъ свѣтъ, и опять потемки, въ которыхъ ничего не разбираешь. Такъ продолжалось до самаго конца.

Прокуроръ обвинялъ, но обвинялъ мягко, такъ какъ шелъ ощупью въ потемкахъ, окутывавшихъ дѣло; посмотрѣть на поступокъ съ одной стороны, такъ обвиняемый достоинъ высшей мѣры наказанія, а посмотрѣть съ другой—такъ можно ограничиться и дисциплинарнымъ взысканіемъ. Прокуроръ видимо не хотѣлъ брать укоровъ на свою совѣсть и открывалъ широкій просторъ суду для оцѣнки совершеннаго.

Такое отношеніе представителя прокурорскаго надзора, не стремящагося обвинить во что бы то ни стало, что я видѣлъ зачастую раньше, была также одна изъ неожиданностей.

Другой пріятной неожиданностью было то, что,

когда заговорилъ защитникъ, то я сразу понялъ, что онъ и прокуроръ, не тѣ личные, заклятые враги, которые обыкновенно встрѣчаются въ гражданскихъ судахъ. Тутъ я не увидѣлъ и тѣни личной вражды. Зависитъ ли это отъ личныхъ отношеній между ними, или же это обычное явленіе въ военномъ судѣ, я не знаю.

Защитникъ говорилъ горячо, увлекательно, съ большимъ чувствомъ и выраженіемъ, а черезъ открытую балконную дверь залы долетали то глухіе выстрѣлы сухопутныхъ нашихъ батарей, то вдругъ врывался сухой, рѣзкій раскатъ Ретвизановской двѣнадцатидюймовки.

Во время перерыва немногочисленная публика направилась частью въ буфетъ, частью въ сосѣднюю большую залу. Въ глубинѣ залы сцена для любительскихъ спектаклей; вдоль стѣнъ большіе окна въ рѣзныхъ подъ красное дерево китайскихъ рамахъ, рѣшетчатые переплеты которыхъ остекляны разноцвѣтными квадратиками; на стѣнѣ у большой входной двери росписаніе танцевъ: шаконь, па д'эспань, вальсъ, мазурка... внизу примѣчаніе: „каждый танецъ длится 15 минутъ, перерывъ между танцами 5 минутъ“. Военная регламентація во всемъ точна.

А глухіе выстрѣлы съ сухопутнаго фронта напоминали, что мы въ осажденномъ городѣ и что далеко то время, когда мѣстные танцоры въ увлеченіи молодости вѣроятно не разъ нарушали эти требованія танцовальнаго устава.

Перерывъ кончился. Всѣ пошли въ залу засѣданія. Кончились преніи сторонъ, судьи ушли совѣщаться.

Я ушелъ домой; не было основаній сомнѣваться, что авторитетъ начальства, предавшаго суду, будетъ поколебленъ. Гдѣ то внутри чувствовалось что то щемящее, навязывались назойливыя мысли; неужели же необходимо по такимъ дѣяніямъ судить теперь же, сей-

часъ, когда непріятель въ 5, 6 верстахъ, когда три мѣсяца разобщенности со всѣмъ остальнымъ міромъ наложили свою печать на наше душевное состояніе, когда врывающіеся черезъ открытыя окна глухіе отголоски стрѣльбы на фортахъ и дребезжащіе стекла отъ выстрѣловъ „Ретвизана“ не позволяютъ хотя бы на минуту отрѣшиться отъ мысли, что мы въ осадѣ? Неужели же судъ черезъ полгода, черезъ годъ, когда война кончится, не отнесся бы также строго, но только спокойнѣе къ поступку обвиняемаго? Можетъ быть то, что по какимъ-либо соображеніямъ въ данное время не можетъ быть освѣщено полнымъ свѣтомъ, съ наступленіемъ мира не будетъ требовать полутьмы и для суда не было бы тогда той запретной черты, переступить черезъ которую онъ не властенъ.

Впрочемъ, конечно, это лишь „можетъ быть“, а какъ было бы на самомъ дѣлѣ—неизвѣстно.

Вспомнилъ я невольно, какъ попалъ я давно также въ залу судебнаго засѣданія. Былъ я тогда правда еще очень юнъ, на школьной скамьѣ, но тогда мнѣ пришлось присутствовать при томъ же самомъ. Было точно такое же дохожденіе и предсѣдателя и сторонъ до извѣстной точки, а дальше—ни шагу впередъ.

Дѣло слушалось судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей; по особому распоряженію при закрытыхъ дверяхъ. Заручившись визитной карточкой старшаго предсѣдателя палаты, съ соотвѣтствующей на ней надписью, я былъ пропущенъ въ залу.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ важный чиновникъ, человѣкъ очень не глупый, въ обществѣ чрезвычайно пріятный и гостепріимный хозяинъ у себя дома. Вращался онъ въ высшемъ петербургскомъ кругѣ. Рядомъ съ нимъ на той же скамьѣ сидѣлъ извѣстный въ свое время художникъ, его „Зимніе дни“, „Морозныя утра“, „Деревни зимой“ и т. д., написанныя „со-

всѣмъ, какъ олеографія" создали ему имя и давали большія деньги, которыхъ однако ему не хватало на его широкую жизнь. Былъ и третій подсудимый, не помню кто, какой то канцелярскій чиновникъ кажется.

Залъ, несмотря, а можетъ быть, благодаря тому, что дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ былъ переполненъ. Въ мѣстахъ за судьями сіялъ безконечный рядъ звѣздъ и пестрѣли разноцвѣтныя ленты. Самъ „Робеспьеръ", какъ тогда называлъ петербургскій свѣтъ тогдашняго министра юстиціи Манасеина, сидѣлъ тамъ же.

Крупныя величины петербургской адвокатуры, покойные кн. Урусовъ и Жуковскій, нынѣ здравствующіе поэтъ-адвокатъ Андреевскій и входившій уже тогда въ славу, послѣ процесса Мироновича, Карабчевскій защищали подсудимыхъ.

Предсѣдателю часто приходилось останавливать кого-либо изъ нихъ, такъ какъ многіе изъ вопросовъ, которые они ставили свидѣтелямъ, „къ данному дѣлу не относились".

Доходили опять-таки до извѣстной точки, а дальше „не ваше дѣло".

Прошло тому много, очень много лѣтъ, но я помню, что на меня, тогда еще впечатлительнаго, увлекающагося юнца, это оттягиванье отъ извѣстной точки назадъ произвело тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

Съ тѣхъ поръ я сталъ менѣе впечатлителенъ, но сегодня, возвращаясь домой, я испыталъ нѣчто похожее на прежнее, тогдашнее чувство.

Что то щемило сердце, ныль какой то внутренній зубъ.

2 августа.

Наша армія, какъ нѣчто цѣлое, давно уже имѣетъ, даже среди недруговъ Россіи, свою опредѣленную, завидную репутацію.

Даже на страницахъ недружелюбной намъ западной прессы не разъ приходилось читать, если не восторженныя восхваленія русскому солдату, то во всякомъ случаѣ сочувственные отзывы о его стойкости, о его преданности Царю, о его беззавѣтной любви къ Отечеству.

Духъ арміи слагается, конечно, изъ духа единицъ, составляющихъ это цѣлое; но такъ же, какъ психологія толпы отлична отъ психологіи каждаго отдѣльнаго человѣка изъ этой толпы, такъ точно и внутренній обликъ каждаго отдѣльнаго солдата, претворяясь въ этой массѣ, давая нѣчто свое для окраски цѣлаго, теряетъ свою индивидуальность и создаетъ что-то новое. Въ результатѣ получается равнодѣйствующая всѣхъ отдѣльныхъ единицъ, является *духъ арміи*, духъ цѣлаго.

Единичные Иваны, Васильи и Сидоры нашей арміи, каждый, какъ бы ни была незначительна его доля, создаютъ это цѣлое, передъ которымъ, какъ я уже сказалъ, преклоняются даже и недруги наши.

Безъименные герои, умирающіе стойко тамъ, гдѣ надо умирать, не пріобрѣтая личной славы своему имени, озаряютъ новымъ ореоломъ величія то цѣлое, въ составъ котораго они входятъ.

Черезъ годъ, а то черезъ два послѣ ихъ смерти придетъ въ волость бумага, что такой-то Иванъ по сообщенію командира такого-то полка убитъ тамъ-то, а потому подлежитъ исключенію изъ посемейныхъ списковъ. Волостной писарь зачеркнетъ его въ толстой книгѣ, сдѣлаетъ въ подлежащей графѣ отмѣтку, что

убитъ тамъ то, поставитъ внизу входящій номеръ полученной бумаги, а затѣмъ при призывѣ слѣдующему младшему брату этого Ивана дадутъ льготу третьяго разряда. Тѣмъ дѣло и кончится.

А между тѣмъ этотъ Иванъ и жизнью и смертью своей способствовалъ тому, что уважается русская армія, что страшна она для враговъ нашего Царя.

Вотъ одинъ изъ такихъ Ивановъ, отслужившихъ уже службу Царскую, изъ запасныхъ, собрался по доброй волѣ на войну. Ждалъ онъ, не будетъ ли объявленъ призывъ запасныхъ по его уѣзду, да не дождался. Поѣхалъ въ городъ къ воинскому; думалъ, не отправятъ ли его на казенный счетъ, но и тутъ не посчастливилось. Собралъ онъ кое-что изъ своихъ пожитокъ, продалъ что могъ, поплакалъ малость со старухой матерью на прощанье и, благословясь, поѣхалъ въ далекую Маньчжурію на японца.

Какъ сѣлъ онъ въ вагонъ, успокоилось его сердце; легче какъ то стало и на душѣ веселѣе. Только кажется ему, что поѣздъ идетъ какъ то медленно и остановки на станціяхъ необычно долгія. Обгоняетъ онъ такихъ же какъ и онъ запасныхъ солдатъ; только ихъ вотъ призвали, ѣдутъ они эшелонами, съ начальниками, какъ полагается. Вездѣ веселыя, довольныя лица, поютъ по вагонамъ пѣсни то боевыя, то деревенскія. Станетъ поѣздъ, а кругомъ уже толпятся мѣстные, окрестные крестьяне, идетъ общій плясъ и веселье подъ гармонику.

Добрался Иванъ до станціи „Маньчжурія“, а дальше ѣхать и денегъ нѣтъ, да и не пускаютъ. Обратился онъ было къ коменданту, чтобы онъ разрѣшилъ какъ нибудь дальше ѣхать; комендантъ отправилъ къ полиціймейстеру, а тотъ обратно къ коменданту. Такъ ничего и не вышло.

Встрѣтилъ онъ земляка, занялъ у него 2 рубля денегъ, а въ кассѣ билета безъ разрѣшенія все же не продаютъ. Дня три прошло такъ; наконецъ комен-

дантъ все же разрѣшилъ. Взялъ онъ билетъ до Харбина, а въ Харбинѣ уже безплатный выдали до Артура.

Въ Артурѣ назначаютъ его въ запасный баталіонъ.

Ѣхалъ Иванъ японцевъ бить, а тутъ и врага то не видно; пострѣляютъ тамъ гдѣ то верстъ за 15 въ морѣ, а въ лицо и невидно. Скучно стало. Но вотъ баталіонъ назначается въ Корею. Обрадовался онъ сильно; да какъ до Ляояна доѣхали, такъ назадъ вернули, а тутъ и сообщеніе съ Артуромъ прекратилось.

Пошли дни томительнаго ожиданія. Послѣ Кинь-чжоу ясно стало, что безъ боя не обойдется.

16 іюня назначаютъ роту, въ которой Иванъ, на передовыя позиціи; вызвали охотниковъ и изъ другихъ ротъ; много охотниковъ набралось.

Утромъ 17-го выстроилась рота около казармъ; ждутъ ротнаго: одно желаніе у всѣхъ, какъ бы поскорѣй оставить надоѣвшія казармы и пойти на передовыя. Наконецъ пришелъ ротный, поздоровался, поздравилъ съ предстоящимъ дѣломъ, потомъ минутъ черезъ пять опять скомандовалъ „смирно“. Вышелъ баталіонный, тоже поздоровался, скомандовадъ „справа, слѣва заходи ко мнѣ“.

„Окружили мы его, разсказываетъ Иванъ, пожелалъ онъ намъ успѣха и сопутствовалъ многими хорошими словами. Помолились Богу, да и пошли, веселые всѣ, какъ бы на маневры идемъ“.

День былъ жаркій, солнце пекло. Рота шла быстро. Скоро дошли до мѣста.

Наступилъ день 21-го іюня.

Сначала рота была во второй линіи. Потомъ ее двинули впередъ.

„Перешли мы одну гору, продолжаетъ Иванъ, залегли въ лощину, но тутъ начали осыпать насъ шрап-

нелью; начали мы впередъ подвигаться; кто то вскричалъ изъ переднихъ, заойкалъ; солдаты заробѣли будто и остановились, но мы поддержали ихъ, говоримъ, „что вы, что вы, братцы, съ нами Богъ“.

Перебѣжали вторую гору, разсыпались въ цѣпь, заняли послѣднюю лощину; тутъ меня по груди что то ударило. Позвали фельдшера. Оказалось шрапнелью. Значитъ, задѣло повыше праваго соска, да къ животу прошло, тамъ и засѣла.

Досадно мнѣ стало, какъ товарищи впередъ подались, а у меня силъ не хватаетъ подняться за ними. А стрѣльба все идетъ. Какъ стихло немного, санитары подошли, попросилъ я ихъ, что бы они занесли меня куда, гдѣ побезопаснѣе. Подняли они меня, на ноги поставили; я почувствовалъ, что и самъ могу идти. Чтобы отъ другихъ раненыхъ ихъ не отнимать, я пошелъ одинъ, только подъ гору свелъ меня солдатикъ какой то. Къ вечеру я пришелъ въ городъ. Отъ жары и отъ разболѣвшейся раны силы стали измѣнять мнѣ. Встрѣтилъ я молодого доктора одного, далъ онъ рубль денегъ на поправку и проводилъ самъ до сводного госпиталя.

На второй день вырѣзали мнѣ осколокъ, дали какой то жидкости попить и почувствовалъ я себя совершенно легко. Уходъ здѣсь хорошій и начинаю я опять быть здоровымъ; готовъ обратно въ бой, чтобы, японцу за рану отплатить“.

Находится ли теперь этотъ Иванъ русской арміи (Осипъ Колупаевъ) въ госпиталѣ, или же удалось ему исполнить свое желаніе и онъ уже отплатилъ японцу—не знаю. Но знаю только, что изъ такихъ единицъ слагается цѣлое—наше войско, такими Иванами созидается тотъ духъ его, передъ которымъ и недруги наши преклоняются.

10 августа.

Сколько горячихъ, прочувствованныхъ, неподдѣльно увлекательныхъ словъ приходилось вамъ и читать, и слышать противъ войны! Сколько ужасовъ ея, изображенныхъ на чудныхъ картинахъ, замѣнившихъ собою прежнія батальныя полотна, гдѣ все было такъ красиво, нарядно, поэтично, приходилось вамъ видѣть!

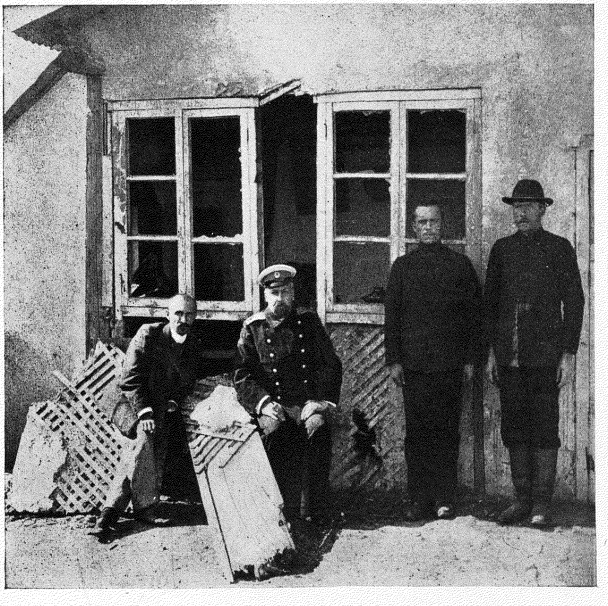
И слова, что вы слышали, и картины, что вы видѣли, дышатъ искреннимъ чувствомъ; въ нихъ есть то, что черезъ посредство нашихъ слуховыхъ и зрительныхъ нервовъ передается въ самую душу, заставляетъ ваше сердце учащенно биться. Вы начинаете сознавать, что война дѣйствительно есть величайшее бѣдствіе, что это самое тяжкое преступленіе противъ всѣхъ законовъ божескихъ, природныхъ, человѣческихъ. Вы начинаете не только сознавать, но даже отчасти и чувствовать, но чувство это не больше, какъ легкій налетъ на вашей душѣ.

Налетъ этотъ осѣлъ на поверхности черезъ посредство мозгового воспріятія. Мозгъ гальванизируетъ вашу душу легкой пленкой всѣхъ воспринятыхъ имъ при посредствѣ видѣнныхъ картинъ, при посредствѣ слышанныхъ словъ ужасовъ войны. Вы больше умомъ, нежели всѣмъ существомъ вашимъ, приходите къ сознанію, что война дѣйствительно нѣчто ужасное.

Но если вамъ довелось пережить, а не только видѣть на картинахъ или прочитать въ книгахъ объ этихъ ужасахъ, тогда только душа ваша, какъ губка, пропитается насквозь тѣмъ, что раньше осаждалось легкимъ налетомъ на поверхность ея.

Тогда каждый нервъ вашего тѣла отзовется болѣзненно, какъ жалобная струна, на малѣйшее напоми-

... «А я почемъ знаю! копаетъ, что-то, вотъ и все».. Къ стр. 23.



6 августа въ домѣ редактора «Новаго Края» послѣ разрыва 6 д. снаряда.

наніе о пережитыхъ ужасахъ, и не за себя лично, о, далеко нѣтъ, а за всѣхъ, кто переживалъ эти ужасы до васъ, кто переживалъ ихъ съ вами, кому суждены они еще въ будущемъ.

Сидите, скажемъ, вы у себя въ комнатѣ. Ваши нервы до того притупились, что неумолкающіе выстрѣлы съ нашей стороны вамъ ровно ничего уже не говорятъ и только изрѣдка непріятно дѣйствуютъ на барабанную перепонку вашего уха.

Задребезжитъ оконное стекло отъ оглушительнаго раската, прожужжитъ что то въ воздухѣ, потомъ пройдетъ секундъ 10, 15 и до васъ донесется глухой далекій гулъ разрыва упавшаго за версты снаряда. Вы къ этому привыкли и вы спокойно продолжаете заниматься своимъ дѣломъ. Вы уже не думаете о томъ, что тамъ за этой горой, за 3 за 4 версты, куда упалъ этотъ нежданный десятипудовый гость, онъ далеко нежеланный, что при удачномъ паденіи разорветъ его на сотни смертоносныхъ осколковъ, что груды камней, взрытыя имъ, перенесутъ за 50—60 саженъ скрывавшуюся подъ его стальной оболочкой разрушительную силу его, что десятокъ, а можетъ и больше человѣческихъ жизней станутъ небытіемъ, когда долетитъ до вашего слуха этотъ подавленный, глухой грохотъ далекаго разрыва.

Но вотъ въ шумѣ летящихъ снарядовъ вашъ привычный слухъ различаетъ что то новое, другое; первоначальный звукъ отъ выстрѣла едва слышенъ, но за то воздухъ почти одновременно съ нимъ оглашается быстро приближающимся къ вамъ воемъ, буквально воемъ, и свистомъ, начинается этотъ свистъ съ высокой ноты, она все понижается и переходитъ въ протяжное басовое завываніе; въ воздухѣ точно что то зашлепало и не успѣли вы повернуть вашей головы къ окну, какъ громовой, рѣзкій, сухой раскатъ разрыва оглушаетъ васъ. Это стрѣляютъ по насъ.

Вы начинаете прислушиваться. Вотъ этотъ упалъ

далеко, вотъ этотъ въ воду, но вотъ ближе... еще ближе... и вдругъ вы слышите звонъ разбитыхъ, посыпавшихся на полъ стеколъ, васъ обдаетъ мелкими камушками, пескомъ, въ ушахъ стоитъ невѣроятный трескъ; вы не сразу соображаете, но сомнѣній нѣтъ, этотъ снарядъ упалъ здѣсь, гдѣ то рядомъ, за вашимъ окномъ. Осколокъ пробилъ стѣну, ударился въ противоположную, вотъ онъ лежитъ на полу за вашимъ стуломъ еще горячій, съ кусками выхваченной имъ по дорогѣ щепы, набившейся плотно въ зубчатыя края этого стального куска разорвавшейся менелитовой гранаты.

Смерть была въ двухъ шагахъ отъ васъ, она заглянула въ вашу комнату и отчего то на этотъ разъ пощадила вашу жизнь. Для чего—неизвѣстно. Вѣроятно только для того, чтобы новый снарядъ, который прилетитъ минутъ черезъ пять, а то завтра, засталъ бы васъ еще въ живыхъ и покончилъ съ вами. Другой, какой либо разумной цѣли въ этой отсрочкѣ видѣть нельзя.

Жизнь пріобрѣтаетъ какое то новое, своеобразное теченіе.

Сознаніе случайности вашего существованія входитъ въ васъ съ непреодолимой силой; вы полагаетесь на Бога, на судьбу, на предопредѣленіе, на фатумъ, на простой слѣпой случай, на что то такое, что лежитъ внѣ васъ, передъ чѣмъ вы безсильны, передъ чѣмъ вы ничтожны, какъ песчинка на берегу морскомъ, какъ муравей на одномъ изъ безчисленныхъ міровъ необъятной вселенной.

У религіознаго человѣка крѣпнетъ вѣра, у человѣка индифферентнаго—сознаніе всемогущества случая, а у всѣхъ — пассивное отношеніе и къ жизни, и къ смерти, которыя не отъ насъ. Человѣкъ становится способенъ на дѣянія, которыя не могутъ не удивить хладнокровный міръ; подвиги и героизмъ становятся обыденными явленіями.

А ужасъ войны раскрывается весь передъ вами, ужасъ войны всецѣло захватываетъ вашу душу.

А тутъ еще мимо вашихъ оконъ везутъ, несутъ и сами идутъ цѣлой вереницей несчастные раненые: обвязанныя головы съ просочившейся сквозь марлю, побурѣвшей отъ воздуха, кровью, перевязанныя руки, вытянутыя, забинтованныя ноги...

Вчера еще разговаривали вы съ вашимъ хорошимъ знакомымъ, онъ шутилъ, смѣялся, сидя вотъ тутъ на креслѣ противъ васъ, онъ говорилъ о будущемъ, вспоминались пережитыя вмѣстѣ впечатлѣнія недавнихъ дней. А на утро вы узнаете, что при отбитіи обратно редута убитъ шрапнельнымъ осколкомъ, что сегодня его хоронятъ, что нить его жизни порвана, порвана навсегда.

А надъ головой опять все тотъ же знакомый вамъ свистъ и вой, тоже шипѣнье по воздуху, тотъ же оглушительный трескъ взрыва, и вы опять пощажены, вы еще живете, еще не перестали мыслить, слышать этотъ свистъ, видѣть этихъ раненыхъ, вы еще существуете. Для чего?.. Вѣроятно для того, чтобы совершить волю высшаго промысла.

17 августа.

Говорятъ, что когда Артуръ былъ уступленъ Россіи, то очень многіе изъ сыновъ Небесной Имперіи, которымъ пришлось въ особенности испытать лично перипетіи Японо-Китайской войны, со свойственной этому хитрому народу невозмутимостью, не только не

были опечалены, но лукаво улыбались и были видимо даже какъ-бы рады этому обстоятельству.

Артуръ былъ уже разъ потерянъ для нихъ. По предварительному мирному договору съ Японіей онъ, какъ извѣстно, былъ уступленъ послѣдней. Договоръ этотъ вызвалъ протестъ Европы и тогда Японія вмѣсто Квантуна получила Формозу.

Уступка Артура Россіи явилась уступкой того, что уже разъ было признано подлежащимъ отчлененію отъ имперіи Богдыхана.

Хитроумный Ли-хун-чангъ ясно сознавалъ, что занятіе Артура Россіей не обойдется въ будущемъ безъ осложненій и что Японія лишь до поры до времени какъ бы примирилась съ этимъ; при первомъ же удобномъ случаѣ она вновь сдѣлаетъ попытку перешагнуть одной ногой на азіатскій материкъ.

Болѣе простодушные китайцы, любящіе прежде всего миръ и тишину и чтобы ихъ не трогали, говорили, и слава Богу, что Артуръ уступленъ Россіи; по крайней мѣрѣ не имъ, а русскимъ придется испытать на себѣ тяготы неизбѣжной, новой войны съ Японіей. Что война съ Японіей изъ за Артура неизбѣжна, сознавали они всѣ.

А тяготы войны ужасны. Китайцы отлично помнили, что японцы, воюя, не признавали не только праздничныхъ дней, но и не боялись даже наступать ночью, когда темно; они не прекращали своей оглушительной, страшной отъ одного уже шума стрѣльбы и тогда, когда сама природа указала быть тишинѣ и покою.

И хитроумные сыны Небесной Имперіи покорились судьбѣ; безропотно стали они возить по стогнамъ и вѣсямъ русскаго Артура въ грязныхъ своихъ колясочкахъ бѣлолицыхъ дьяволовъ, зная, что придетъ часъ, когда надъ Артуромъ вновь будутъ летать стальныя глыбы снарядовъ, опять будетъ раздаватся ихъ

зловѣщій вой и опять будутъ всюду падать ихъ смертоносные осколки.

И часъ этотъ насталъ. Вотъ уже четвертая недѣля, что длится этотъ нѣсколько продолжительный часъ.

И праздниками, и по ночамъ, какъ и предвидѣли китайцы, не прекращается бомбардировка. Выпустятъ штукъ 60—70 снарядовъ, потомъ отдохнутъ, а затѣмъ опять; и такъ раза по четыре, по пять за сутки.

„А затѣмъ опять.....“

Этой зимой въ московскихъ кафешантанныхъ дворцахъ была въ модѣ одна игривая пѣсенка, гдѣ идетъ рѣчь о старомодномъ для нашего времени, тягуче-томномъ вальсѣ, поблекшемъ передъ бурно-страстнымъ кэкъ-уокомъ.

Зрители особо прозорливые, не уступавшіе въ этомъ отношеніи артурскимъ рикшамъ съ ихъ увѣренностью въ неизбѣжности войны, понимали подъ вальсомъ и что то другое; другіе же, на подобіе оптимистовъ-дипломатовъ, чистосердечно вѣрили, что рѣчь идетъ дѣйствительно объ этомъ граціозномъ танцѣ. Не знаю къ чести ли Москвы, или же нѣтъ, но подобные оптимисты были въ значительномъ меньшинствѣ.

Припѣвъ, иллюстрируемый соотвѣтствующимъ выраженіемъ миловиднаго личика исполнительницы и плавными, нѣги полными тѣлодвиженіями, говорилъ и за вальсъ, и за другое.

Только чу-у-уръ!
Одинъ ту-у-уръ
Я друзья никогда не танцую.
Туровъ пя-я-ять —
Отдохну-у-уть,
А затѣмъ.... опять.

Туровъ пять..... конечно для истаго танцора оно

не трудно, а все-же.... а вдругъ закружится голова, не будетъ ли это утомительно, хватитъ-ли силъ?

Вотъ насъ такъ не спрашиваютъ японцы и туровъ пять... за сутки бомбардировки мелинитовыми бомбами по городу, да еще во всѣ концы его, да еще ночью!

Пора бы и кончить,—невольно скажешь иногда себѣ, когда ужъ очень наскучитъ этотъ рѣжущій воздухъ свистъ.

Въ общемъ все же Артурецъ сжился съ бомбардировками, попривыкъ. Старанія барона Оноги не достигаютъ результата—духъ бодръ и, какъ бы не казалось это страннымъ прочему населенію земного шара, здѣсь въ этой маленькой котловинѣ, занимающей мѣста на поверхности земли не больше, чѣмъ ямка отъ булавочнаго укола на толщѣ гигантской тыквы, люди бодры духомъ, не унылы и не только еще способны постоять за себя, но еще и въ состояніи смѣяться, шутить, а при случаѣ еще и напѣвать:

Туровъ пя-я-ять —
Отдохну-у-уть,
А затѣмъ.... опять.

21 августа.

УГЛОВЫЯ ГОРЫ.

Штурмъ Трехголовой и Боковой 2 августа.

Уже вторыя сутки, какъ стойкіе защитники Угловыхъ горъ (часть 5-го В.-С. стр. полка, 4-й зап. баталіонъ и моряки Квантунскаго экипажа) выдержи-

вали ожесточенный напоръ во много разъ превосходящаго по численности непріятеля. Цѣлый рядъ отбитыхъ атакъ, непрекращающійся ни на минуту сосредоточенный, губительный огонь непріятельскихъ батарей, новыя части японскихъ войскъ, приходившія на смѣну отбитымъ—все указывало на то, что непріятель рѣшилъ завладѣть этой позиціей во что бы то ни стало.

Съ ранняго утра 2-го августа начальникъ обороны западнаго фронта полковникъ Ирманъ находился на Дивизіонной горѣ, откуда лучше всего было наблюдать за тѣмъ, что дѣлается по всему предгорью Угловыхъ горъ.

Въ 5 ч. утра пріѣхалъ туда же и подполковникъ генеральнаго штаба Іолшинъ, занимавшій должность штабъ-офицера для особыхъ порученій при штабѣ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и назначенный съ началомъ осады Артура начальникомъ всѣхъ передовыхъ постовъ, при чемъ на него же были возложены и развѣдки.

Генералъ Кондратенко, въ сопровожденіи своего начальника штаба подполковника Науменко, также не замедлилъ прибыть туда и, расположившись на батареѣ подполковника Петрова, руководилъ лично какъ артиллерійскимъ огнемъ, такъ равно и всей обороной предгорья.

Огонь непріятеля не прекращался; фугасныя бомбы и шрапнель буквально засыпали какъ самыя Угловыя горы, такъ и отроги ихъ „Боковую“ и „Трехголовую“. Всѣ непріятельскія батареи были уже извѣстны, но около 6 ч. утра обнаружилась неожиданно и еще одна новая, очевидно только что за ночь установленная.

Генералъ Кондратенко сейчасъ же приказалъ подполковнику Петрову открыть по этой новой батареѣ противника бѣглый огонь; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было отдано приказаніе поддерживать непрерывный по

ней огонь и съ другихъ батарей, съ Высокой горы и съ Длинной.

Не смотря на это, непріятель почти не отвѣчалъ на выстрѣлы нашей артиллеріи, а продолжалъ упорно и настойчиво забрасывать снарядами все предгорье. Очевидно новый штурмъ, послѣ цѣлаго ряда атакъ, уже отбитыхъ въ теченіе истекшихъ 48 часовъ непрерывнаго боя, подготовлялся настойчивымъ непріятелемъ.

Около 7 ч. утра наблюдавшіе въ бинокль съ батареи Петрова генералъ Кондратенко, полковникъ Ирманъ, подполковникъ Іолшинъ и др. замѣтили, что въ окопахъ на Боковой и Трехголовой началось какое то движеніе. Сначала люди по одиночкѣ, а затѣмъ и небольшими группами въ пять, шесть человѣкъ, выбѣгали изъ окоповъ и спускались по крутому южному склону горъ въ лежащую за ними лощину. Съ каждой минутой движеніе это усиливалось и изъ частнаго, въ отдѣльныхъ пунктахъ, переходило въ общее, по всей линіи предгорья Угловыхъ.

Опытный, боевой глазъ генерала Кондратенко сразу понялъ весь смыслъ этого движенія. Терять было нельзя ни одной минуты и нужны были неотложныя, энергичныя мѣры, чтобы остановить это начавшееся отступленіе нашихъ передовыхъ частей.

— „Полковникъ Ирманъ—на „Боксвую“ и верните всѣхъ до одного въ окопы, а вы, подполковникъ Іолшинъ сдѣлайте тоже самое на „Трехголовой“, раздался энергичный голосъ генерала.

И оба штабъ-офицера уже скакали по склонамъ Дивизіонной горы для выполненія этого категорическаго приказанія. Спокойствіе и энергія генерала Кондратенко сообщились имъ, они сознавали, что приказаніе будетъ исполнено, что оно не можетъ не быть исполнено.

А непріятель между тѣмъ, замѣтивъ начавшееся по предгорью движеніе и понявъ очевидно также весь

смыслъ его, усилилъ еще свой артиллерійскій безпощадный огонь. Онъ уже перенесъ часть его на южный склонъ, шрапнельныя облачка разрывовъ уже появились надъ лощиной. Густыя цѣпи японцевъ ползли по кручамъ и видимо стремились скорѣе добраться до нашихъ окоповъ, уже почти оставленныхъ нашими ротами, спустившимися на дно лощины.

Часть японскихъ цѣпей, вскочивъ въ окопы, открыла по нашимъ пачечный, бѣглый огонь; шрапнельные разрывы участились надъ лощиной и войска наши несли значительныя потери.

Въ это время подполковникъ Іолшинъ прискакалъ къ подножью Трехголовой горы. „Генералъ приказалъ занять свои окопы“, и вотъ люди, только что оставившіе ихъ, не выдержавшіе силы убійственнаго непріятельскаго огня, сбѣжавшіе по крутымъ скатамъ въ эту лощину, вновь строются по своимъ частямъ, развертываются въ цѣпи; вотъ роты 5 полка, вотъ цѣпь запаснаго баталіона, а тамъ уже идутъ впередъ матросы-квантунцы. Офицеровъ мало, большая половина ихъ выбыла изъ строя, но приказаніе генерала Кондратенко, переданное такъ, что не исполнить его было нельзя, сдѣлало свое дѣло, а личный примѣръ подполковника Іолшина, всюду появлявшагося на своемъ маленькомъ „монголѣ“, ободрявшаго этихъ измученныхъ людей громкимъ „ура“, находившимъ себѣ всюду откликъ, придалъ новой энергіи и какъ бы вернулъ упавшія за сорокавосьмичасовой бой силы солдатъ.

Около версты надо было подниматься до оставленныхъ нами и уже занятыхъ японцами окоповъ.

Руководимые безстрашнымъ начальникомъ, остатки собравшихся ротъ быстро двигались впередъ, пользуясь складками мѣстности, какъ прикрытіемъ отъ участившихся ружейныхъ выстрѣловъ съ гребня горы.

Съ 600—800 шаговъ наши цѣпи въ свою очередь открыли огонь пачками, не прекращая своего на-

ступленія. Вскорѣ штурмующій отрядъ попалъ въ сферу наиболѣе дѣйствительнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня непріятеля. Пули свистѣли кругомъ, какъ рой мухъ, шрапнели рвались надъ головами и съ воемъ и звономъ падали ихъ стаканчики на камни скалистой кручи ската. Но люди были воодушевлены, усталость была какъ бы забыта и усиленный огонь противника послужилъ лишь толчкомъ къ еще болѣе энергичному наступленію. Къ тому-же въ эту серьезную минуту рядомъ съ Іолшинымъ вдругъ появился и другой неустрашимый храбрецъ.

Полковникъ Ирманъ, побывавъ уже на Боковой горѣ, гдѣ также отступавшія части шли на штурмъ только что покинутыхъ окоповъ, прискакалъ на правый флангъ своего участка съ обнаженной шашкой въ рукѣ, безъ фуражки, сорвавшейся гдѣ то по пути съ его головы; съ бодрящимъ крикомъ „ура“ онъ очутился вдругъ впереди уже энергично наступавшихъ солдатъ.

Обмѣниваясь коротко впечатлѣніями съ подполковникомъ Іолшинымъ, полковникъ Ирманъ замѣтилъ, что нѣкоторыя части на лѣвомъ флангѣ боевого порядка дрогнули и какъ-бы начали отступать. Онъ сейчасъ-же приказалъ подполковнику Іолшину скакать туда, а самъ повелъ дальше наступленіе праваго фланга.

Подполковникъ Іолшинъ, съ своимъ ординарцемъ, охотникомъ — вольноопредѣляющимся Гавриловымъ, уже былъ около роты залегшихъ моряковъ, онъ выскочилъ впередъ цѣпи, и крикнувъ ура, подхваченной ротой, повелъ ее дальше. Разстояніе до противника все уменьшалось, потери штурмующихъ увеличивались съ каждымъ шагомъ, но моряки уже неудержно рвались впередъ. Въ 40—50 шагахъ отъ окоповъ подполковникъ Іолшинъ, какъ скошенный, вмѣстѣ съ лошадью падаетъ на камни. Пораженный двумя ружейными пулями и шрапнельнымъ осколкомъ въ руку и обѣ ноги, онъ не въ силахъ далѣе вести части въ атаку. Цѣпь, видя это, безъ офицера временно залегла, открыла

огонь, но вотъ уже наши въ окопахъ и штыками выбиваютъ растерявшагося непріятеля.

И Трехголовая и Боковая взяты обратно.

Опять посыпался ливень гранатъ и шраннелей. Прикрытій нѣтъ, они срыты, сравнены съ землей.

Полковникъ Ирманъ отдаетъ приказаніе очистить предгорье Угловыхъ. Части уходятъ въ порядкѣ и по оставленнымъ окопамъ сосредоточивается сильный огонь батарей западнаго фронта, что-бы не дать японцамъ занять вновь эти позиціи.

Благодаря смѣлому, рѣшительному штурму Угловыя горы остаются нейтральны и весь день 2 августа проходитъ въ артиллерійской перестрѣлкѣ. Японцы уже не рѣшаются возобновлять своихъ атакъ.

Смѣлое рѣшеніе генерала Кондратенко вернуть войска въ оставленные окопы остановило начавшееся было общее движеніе нашихъ передовыхъ частей съ Угловыхъ горъ и прекратило дальнѣйшее стремительное наступленіе противника. Войска выдержали двое сутокъ упорнаго боя и послѣ того штурмомъ взяли еще высоты предгорья; бодрость духа и энергія были укрѣплены въ нихъ и физическая усталость забывалась отъ нравственнаго впечатлѣнія одержанной побѣды. Важность всего этого ясно сознавалась генераломъ Кондратенко, когда въ стекла своего бинокля онъ увидѣлъ дрогнувшія части защитниковъ Боковой и Трехголовой высотъ. Сознаніе важности минуты сообщилось и исполнителямъ его приказаній полковнику Ирману и подполковнику Іолшину, неустрашимымъ героямъ 2 августа.

Генералъ отлично сознавалъ, что штурмъ только что оставленныхъ позицій повлечетъ неизбѣжныя жертвы, но этотъ мягкій, гуманнѣйшій начальникъ не остановился передъ ними по тому, что онъ видѣлъ, что обстоятельства требуютъ этихъ жертвъ,

Полковникъ Ирманъ, какъ всегда и вездѣ, въ этотъ день выдѣлялся своей храбростью. По счастью онъ остался невредимъ, подъ нимъ была убита лишь лошадь.

Подполковникъ Іолшинъ, къ сожалѣнію, получилъ три раны, но слава Богу, и этотъ герой находится теперь на пути къ выздоровленію и жизнь его внѣ опасности.

Подъ подполковникомъ Іолшинымъ и подъ его ординарцемъ Гавриловымъ также были убиты лошади. Ординарецъ Гавриловъ раненъ въ ногу. Этотъ неустрашимый охотникъ-вольноопредѣляющійся уже ранѣе успѣлъ совершить боевой подвигъ: онъ проѣхалъ изъ Ляояна съ кн. Гантимуровымъ въ Артуръ и привезъ пакетъ отъ Куропаткина, за что и былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 4 степени. За выдающуюся храбрость, оказанную имъ въ дѣлѣ 2 августа на Угловыхъ горахъ, онъ награжденъ тѣмъ же знакомъ 3 степени.

Во время штурмовъ Трехголовой и Боковой горъ, противникъ открылъ учащенный огонь по батареѣ Дивизіонной горы. Одинъ изъ снарядовъ, разорвавшись на самой батареѣ, убилъ наповалъ командира подполковника Петрова. Генералъ Кондратенко, стоявшій тутъ-же, былъ осыпанъ камнями и пескомъ, и къ общей, искренней радости всего Артура, остался цѣлъ и невредимъ.

Герои нужны Артуру, да хранитъ ихъ Богъ!

Контръ-Адмиралъ И. К. Григоровичъ, командиръ порта.

23 августа.

Не кажется ли вамъ иногда, что все это только сонъ?

Тяжелый, давящій, гнетущій кошмаръ. Стоитъ только проснуться и все исчезнетъ.

Дѣйствительность, хорошая, спокойная, чуждая всѣхъ этихъ нагромождающихся, какъ горы, ужасовъ и страховъ, охватитъ собой опять все—и васъ, и этихъ бѣдныхъ, мечущихся людей, живущихъ какой то войной, какими то сраженіями, штурмами, атаками, вылазками, развѣдками, бомбардировками.

Нѣтъ ни раненыхъ, ни потоковъ льющейся человѣческой крови, ни пресѣченныхъ людскихъ жизней, изъ которыхъ каждая кому-нибудь на землѣ особенно дорога. Нѣтъ горячихъ, неутѣшныхъ слезъ, нѣтъ горя и печали, охватившихъ всю ширь необъятной Россіи при вѣстяхъ о павшихъ близкихъ въ далекой Маньчжуріи.

Чудная ночь.

Южная, бархатная — она обдаетъ васъ своимъ теплымъ дыханьемъ; точно живое существо смотритъ она міріадами мерцающихъ, какъ свѣтлячки, звѣздъ. Жемчужными переливами дробится лунный свѣтъ въ ряби дремлющаго рейда; жидкимъ пламенемъ, какъ голубоватый огонекъ горящаго спирта, искрятся зыблемыя вѣтеркомъ полусонныя воды.

Кругомъ тишина теплая, свѣтлая, ласкающая; бархатная тишина бархатной ночи.

Городъ спитъ.

Ни одного звука не доносится изъ чернѣющей массы зданій, принявшихъ какія то причудливыя, со-

всѣмъ иныя чѣмъ днемъ очертанія. Равномѣрный всплескъ прибойной волны о плиты набережной точно вторитъ тишинѣ, какъ бы отбивая тактъ, не нарушая ея.

Мысли уходятъ подъ звѣздный куполъ неба. Тамъ имъ привольно, хорошо. Ихъ тянетъ туда невѣдомая, манящая сила. Эта сила величіе вселенной, такъ ясно сказывающееся при созерцаніи неисчислимыхъ, далекихъ міровъ, разбросанныхъ въ ночномъ, залитомъ луннымъ сіяніемъ небѣ.

Какъ малъ, какъ ничтоженъ передъ нею нашъ земной шаръ. Какъ незначущи и ничтожны всѣ людскія дѣла, всѣ споры, всѣ распри, всѣ счеты ихъ сводимые съ помощью огня и меча. Къ чему эти слезы, это горе, эти смерти? И вѣчность, смотрящая на землю своими звѣздными очами, какъ бы не понимаетъ ужасовъ и жестокостей, творимыхъ людьми.

А ужасы нагромождаются. Совершается то, чему умъ человѣческій отказывается вѣрить.

Какъ въ первые дни мірозданія они, наподобіе безформенныхъ массъ, въ круговоротѣ смѣняющихся явленій, наползаютъ другъ на друга, ломятся подъ своей собственной тяжестью, рушатся; надвигаются новые громадные пласты; изъ подъ обломковъ рухнувшихъ глыбъ скрытая сила толкаетъ ихъ наружу; ломая застывшую было, затвердѣвшую кору, они стремятся въ высь, то остроконечными, еще дымящимися вершинами, то снова зіяя пропастью бездонной расщелины, раскрывшейся между разошедшимися нежданно краями.

Но вотъ хаосъ принимаетъ опредѣленныя формы. Затвѣрдѣвшая поверхность покрывается живописными складками горныхъ кряжей. Ущелья и склоны горъ блестятъ изумрудомъ новорожденной зелени. Побѣжали ручьи; зазеркалились озера и плещутъ океаны въ затвердѣвшіе берега темными волнами своихъ водъ.

И небесный сводъ, то сіяющій, какъ радостью, живительнымъ солнцемъ, то озаренный жемчужнымъ,

матовымъ блескомъ луны, какъ пологомъ, затканнымъ звѣздами, покрылъ то, что еще такъ недавно было хаосъ.

Красота воцарилась на землѣ и съ нею вмѣстѣ пришли миръ и истина, вѣчная правда и безпредѣльная, какъ сама вселенная, любовь.

Какъ красиво, какъ спокойно, какъ тихо спятъ эти темнѣющіе холмы.

Но вотъ блеснуло... выстрѣлъ.

Хаосъ не кончился.

Хаосъ не міровой, а хуже; хаосъ въ сердцахъ людей, хаосъ людской непріязни, людской злобы, людской кровожадной, звѣриной вражды.

То, что за минуту казалось сномъ, давящимъ, гнетущимъ кошмаромъ, то со звукомъ раздавшагося выстрѣла стало дѣйствительностью.

Хаосъ не кончился.

Придетъ ли день, когда вражда, непріязнь и злоба застынутъ, какъ эти глыбы и пласты первыхъ дней мірозданія, когда, какъ изумрудомъ новорожденной зелени, покроются они миромъ; когда слезы горя и скорби сбѣгутся въ радостныя струи журчащихъ ручьевъ, когда, какъ океанъ, волны всеобъемлющей любви будутъ плескать о берегъ людскихъ сердецъ?

Придетъ ли такой день?

. . . . . .

Девятнадцать вѣковъ тому назадъ любовь была увѣнчана крестнымъ страданьемъ.

Тотъ, Кто любилъ, какъ никто, былъ преданъ смертной казни.

Когда духъ Его покидалъ изстрадавшуюся плоть, вражда и злоба, торжествуя надъ любовью, вонзили еще разъ остріе копья въ обнаженное тѣло Его.

Девятнадцать вѣковъ тому назадъ на вопросъ, что есть истина—Онъ молчалъ.

Девятнадцать вѣковъ тому назадъ одинъ изъ преданнѣйшихъ учениковъ, усумнясь въ конечномъ торжествѣ истины и правды, отрекся отъ Него, а другой ученикъ не повѣрилъ наставшему торжеству той же истины, пока не вложилъ свои руки въ зіяющіе раны Его тѣла.

Девятнадцать вѣковъ лжи, вражды и злобы прошли съ тѣхъ поръ.

Хотѣлось бы вѣрить...

Хотѣлось бы также вложить свои руки въ зіяющія раны истины и любви, торжествующей въ концѣ концовъ надъ неправдой и злобой.

26 августа.

БЛИНДАЖИСТЫ.

Иду я на дняхъ по улицѣ.

Вдругъ меня кто то окликаетъ. Обарачиваюсь. Кажется лицо знакомое, гдѣ то видѣлъ какъ будто, но положительно не могу узнать.

— „Хорошъ. Что же это, батенька, уже старыхъ знакомыхъ не узнаете?“

— „Какъ, это вы, Семенъ Парамоновичъ? Извините, право не узналъ. Что съ вами? Вы больны? Вы такъ измѣнились“.

Семенъ Парамоновичъ дѣйствительно до того измѣнился, что узнать его положительно трудно. Осу-

нулся, пожелтѣлъ, поморщинился и точно даже сталъ меньше ростомъ.

— „Блиндажъ, батенька, блиндажъ проклятый. Жду не дождусь, когда японцы залѣпятъ въ него; можетъ будетъ тогда конецъ этимъ мукамъ".

Я не удержался и разсмѣялся.

— „Зачѣмъ же японцамъ залѣплять въ вашъ блиндажъ? Если онъ такъ отражается на вашемъ здоровьѣ, такъ не ходите въ него, вотъ и все".

— „Не ходите! Вамъ легко говорить такъ; вы вѣроятно ни одной бомбардировки не сидѣли въ блиндажѣ, а вотъ если бы посидѣли бы, такъ и опять пошли бы, и завтра, и послѣ завтра, а тамъ смотришь и кровать свою туда перетащили бы. Засасываетъ онъ подлый; такъ вотъ въ себя и тянетъ".

Онъ перевелъ духъ.

— „Останусь, если дастъ Богъ, живъ — думаю, такъ послѣ войны этой могилы не доставать будетъ".

— „Что вы, что вы Семенъ Парамоновичъ"... Хотѣлъ было я успокоить его. Онъ говорилъ это такъ серьезно и съ такимъ возбужденнымъ видомъ, что всякое предположеніе о шуткѣ съ его стороны должно было исчезнуть.

— „Пробовалъ было дома одну ночь ночевать, такъ повѣрите ли—не спится, и не отъ страха, не думайте; я не то чтобы боялся, а вотъ не достаетъ этого земляного запаха, этой могильной сырости, этого спертаго погребнаго воздуха; недостаетъ шоколадно-коричневыхъ стѣнъ, и не достаетъ всей этой гадости да и только".

— „Слава Богу, что у меня служба, пошутилъ, было я, а то пожалуй, что добраго и я..."

— „Что служба! Попробуйте только, такъ и

службу забудете; а то телефонъ въ блиндажъ къ себѣ проведете и будете по телефону ряспоряженія давать; служба не помѣха. Вы вотъ все смѣетесь, батенька, а попробуйте, такъ и узнаешь что такое блиндажъ".

Въ это время неожиданно раздался выстрѣлъ. Семенъ Парамоновичъ насторожился.

— „Успокойтесь, это наши; съ Ручьевской или съ Саперной", сказалъ я.

— „Нѣтъ, батенька, не проведете; нѣтъ... я ужъ знаю".

Семенъ Парамоновичъ, не простившись, крупной рысью бѣжалъ уже отъ меня.

Онъ былъ шагахъ въ пятидесяти, когда раздался второй выстрѣлъ. На этотъ разъ и я услышалъ, что стрѣляютъ японцы, а не наши и хотѣлъ что то крикнуть ему въ догонку, но его уже и слѣдъ простылъ.

* *
*

— „Капитанъ ю?" спросилъ я боя отворившаго мнѣ дверь.

— „Капитанъ мею".

— „Зачѣмъ врешь, а вотъ его шапка", указалъ я на висѣвшую на вѣшалкѣ фуражку.

Китаецъ улыбнулся.

— „Капитанъ спи, буди не вели". Онъ не отходилъ отъ двери, видимо не желая впустить меня въ комнату.

На другой день моя попытка повидать пріятеля имѣла тотъ же исходъ.

Дня черезъ четыре я встрѣтилъ его въ „Саратовѣ."

— „Да что же это такое? ты теперь спишь по цѣлымъ днямъ; три раза былъ у тебя и три раза ты все „спи, будить не вели".

— „Что жь подѣлаешь, ночью спать не могу. У насъ, братецъ ты мой, въ блиндажѣ такъ и мертвый кажется проснулся бы, а не то что живому уснуть“.

— „Да что же такое?“

— „А то, что прямо невыносимо. Представь себѣ этотъ маленькій, ну какъ его..., съ усиками, черненькій... да ты его знаешь“... наконецъ онъ назвалъ фамилію.

— „Ты не можешь себѣ представить какъ онъ храпитъ! Это что то стихійное; подобныхъ звуковъ, кажется сама природа не создавала. Вагнеръ со своей шумной оркестровкой мальчишка и щенокъ передъ храпомъ этого человѣка. Оркестръ, бомбардировка, стукотня въ докѣ, гдѣ чинятся броненосцы, звѣринецъ передъ кормленіемъ звѣрей, все, понимаешь ли, — все блѣднѣетъ передъ тѣмъ концертомъ, что задаетъ онъ намъ по ночамъ. Невѣроятное смѣшеніе всевозможныхъ звуковъ; начинаетъ тихо, точно далекая флейта, а затѣмъ и пошелъ, и пошелъ, все crescendo, да crescendo. Повторяю тебѣ, что знаменитый финалъ Вагнеровской „Гибели Боговъ“, гдѣ контробасъ старается заглушить тромбонъ, а турецкій барабанъ стремится прорвать барабанныя перепонки слушателей, нѣжнѣйшая мелодія передъ его храпомъ. Такъ длится минутъ десять, четверть часа и кончается все взрывомъ, буквально точно разрывъ мелинитовой бомбы тутъ же, въ самомъ блиндажѣ. Тогда онъ переворачивается на другой бокъ. Минуты двѣ, три тишина, а затѣмъ опять уже слышится издали проклятая флейта... Это что то невыносимое“.

— „А это что? На лбу то?“, спросилъ я пріятеля.

— „Это?“, онъ тронулъ себя по лбу. „Это? Да, все изъ за него же. Задремалъ я какъ то въ блиндажѣ пока флейта пѣла, а потомъ, какъ дошло дѣло до разрыва бомбы, я съ спросонья вскочилъ, да и двинулся

лбомъ о блиндажный сводъ. Теперь что, а дня три тому назадъ такъ прямо хоть на улицу не выходи; шишку раздуло во какъ, раскрасило ее во всѣ цвѣта радуги, какъ сторублевка прежняя.

Я, братецъ ты мой, тутъ уже и не выдержалъ. Я ему прямо сказалъ, что это неделикатно, разъ онъ знаетъ за собой такой порокъ, идти спать въ блиндажъ".

Я не могъ удержаться и разсмѣялся.

— „Голубчикъ, ну тутъ ужъ ты не правъ, какъ хочешь. Во первыхъ храпѣть — это не порокъ, во вторыхъ, вѣдь онъ спитъ, когда храпитъ и потому себя не слышитъ, а въ третьихъ — что же по твоему — если храпитъ такъ ужъ не смѣй и въ блиндажъ идти?"

— „Правъ я или не правъ, мнѣ безразлично; только я ему утромъ тогда же сказалъ, что если онъ еще разъ придетъ ночевать въ нашъ блиндажъ, то я не ручаюсь за себя и, какъ только онъ заведетъ свою флейту, собственноручно задушу его. Я, братецъ ты мой, сказалъ ему это серьезно и даю тебѣ слово, что я это сдѣлалъ бы. Третью ночь онъ уже не ходитъ къ намъ; днемъ — милости просимъ; отчего же, въ макао играемъ, шутимъ, смѣемся; все какъ слѣдуетъ быть. А на ночь— нѣтъ, извините. Ей Богу задушилъ бы".

Въ голосѣ моего пріятеля звучала такая рѣшимость, что я увѣренъ, что онъ привелъ бы дѣйствительно свою угрозу въ исполненіе.

Онъ сталъ мнѣ страшенъ съ его расходившимися нервами и я поспѣшилъ съ нимъ проститься.

22 сентября.

Кто то сказалъ, что русскій человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ—души, тѣла и паспорта.

Опредѣленіе очень близкое къ истинѣ.

Самый положительный и необходимый элементъ, дающій такъ сказать основу и устой бытію русскаго человѣка, это конечно документъ, удостовѣряющій его личность, такъ какъ безъ паспорта онъ становится бродягой, проходимцемъ, чѣмъ угодно, но не человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Затѣмъ вторымъ по важности элементомъ является тѣло, какъ нѣчто все же реальное, видимо—сущее.

Тѣло и особенно нѣкоторыя изъ его частей способны воспринимать ощущеніе физической боли. Черезъ посредство тѣла дѣлаются и соотвѣтствующія „родительскія внушенія“, въ преподаніи которыхъ одна половина русскихъ людей ощущаетъ какъ бы врожденную потребность, родъ недуга; другая же, бо́льшая половина, обречена къ воспріятію этихъ внушеній при посредствѣ своего тѣла.

Самый ненужный и въ буквальномъ смыслѣ третьестепенный элементъ русскаго человѣка составляетъ душа.

Эта третья его составная часть настолько расплывчата, отвлеченна и туманна, что настоятельной необходимости въ ней положительно не ощущается и, если она тѣмъ не менѣе существуетъ, то болѣе для нуждъ и потребностей стихосложенія. Трудно обойтись безъ нея только въ стихахъ, гдѣ подъ часъ даже невозможно было бы замѣнить ее чѣмъ либо другимъ;

для примѣра возьмемъ хотя бы такое, всѣмъ извѣстное стихотвореніе, какъ

Вотъ идетъ Петруша
Черный трубочистъ,
Хоть онъ съ виду грязенъ,
Но душою чистъ.

Трудно найти у трубочиста-Петруши чистое мѣсто на тѣлѣ; тутъ душа и выручаетъ и становится положительно незамѣнимой.

Вотъ для подобныхъ стихотворныхъ антитезъ русскому человѣку положено имѣть, помимо паспорта и тѣла, еще и душу.

Не даромъ Пушкинъ сказалъ еще:

Но ты мнѣ душу предлагаешь,
На кой мнѣ чертъ душа твоя!

Такимъ образомъ придя къ заключенію о полной ненужности души для повседневнаго обихода жизни русскаго человѣка и признавая нежелательность полнаго ея упраздненія лишь въ интересахъ отечественнаго стихосложенія, мы болѣе подробно остановимся на первыхъ двухъ элементахъ.

Тутъ мы не можемъ не видѣть ихъ постояннаго взаимнѣйшаго и тѣснаго единенія.

„Безписьменность“ роковымъ образомъ отражается на человѣческомъ тѣлѣ. Водвореніе этапнымъ порядкомъ къ мѣсту приписки, по отзывамъ лицъ совершившимъ подобное путешествіе, мало въ чемъ напоминаетъ странствованія любознательныхъ туристовъ. Таже „безписьменность“ создаетъ для человѣческаго тѣла положеніе на подобіе „res nullius“, „вещи ничьей, переходящей въ собственность перваго захватившаго“.

„Безписьменное“ тѣло какъ бы проситъ наставленія на путь истины и первый, кто преподалъ ему „ро-

дительское", тотъ и пріемлетъ на себя какъ бы власть надъ нимъ.

„Документы не въ порядкѣ"—это собственно говоря первая стадія безписьменности, но достаточно, чтобы подобная фраза была бы о комъ нибудь произнесена, какъ этотъ человѣкъ становится уже близкимъ къ положенію „res nullius".

На него начинаютъ смотрѣть косо, и хорошо еще если сторонятся, а то на оборотъ—та часть рода человѣческаго, которая одержима родомъ недуга, зудомъ воздаянія каждому „должнаго" начинаетъ при подобной фразѣ ощущать въ себѣ необычайный приливъ физической силы, просящей, даже требующей себѣ примѣненія на второмъ элементѣ русскаго человѣка, у котораго документы оказались не въ порядкѣ.

Порядокъ въ документахъ—это главное. Придя къ этому выводу, на который меня натолкнули нѣкоторые мелкіе факты изъ жизни, до того мелкіе, что о нихъ не стоитъ даже и говорить, я вдругъ почему то ощутилъ нѣкоторый страхъ.

Не то мурашки, не то дрожь пробѣжали по моему второму элементу.

Я поспѣшилъ заглянуть въ свой письменный столъ.

И съ чего бы, казалось?!

Вѣдь пригрезится же такой абсурдъ!

Мнѣ почудилось, что мои документы, самые законные, выданные, придержащей властью изчезли. Какимъ путемъ состоялось ихъ исчезновеніе передъ грозностью самого факта и передъ возможностью самолично удостовѣриться въ тѣсномъ взаимодѣйствіи обоихъ моихъ составныхъ элементовъ, конечно не представлялось важнымъ. Весь ужасъ заключался въ самомъ фактѣ исчезновенія.

Какъ отлегло у меня на сердцѣ, когда я увидѣлъ, что лежатъ они на томъ же самомъ мѣстѣ, куда я ихъ положилъ вчера.

Боже ты мой, какъ я былъ радъ! Отъ радости я впалъ въ состояніе близкое къ прострацiи, и началъ мечтать и грезить.

Въ мечтаніяхъ я видѣлъ самого себя, но въ нѣсколько иномъ видѣ; такъ сказать въ увеличенномъ масштабѣ, разъ въ десять противъ натуральной величины. Я видѣлъ себя власть имущимъ, несокрушимой силой, воплощеніемъ безграничнаго могущества и конечно, это само собой разумѣется, безпредѣльнаго произвола, ибо безъ произвола нѣтъ главнаго—нѣтъ упоенія властью. Второй элементъ моего бытія — тѣло подавляло своей колоссальной массой, какъ олицетвореніемъ силы физической.

Я сталъ высокъ и недосягаемъ, какъ скалистый Дагушань, грудь моя была, что Золотая гора, голосъ, какъ ревъ тайфуна, а кулакъ..... двѣнадцатидюймовый, настоящій, что называется

Кулакъ скулодробительный,
Кулакъ скуловоротъ!

И оглашалъ я окрестный воздухъ своимъ ревомъ: „въ зубы!.. въ ухо!.. драть!.. пороть!.. повѣсить!..“

Власть, какъ ты хороша и какъ иногда пріятно помечтать въ осажденномъ городѣ, особенно на такія невинныя темы!..

Сказаніе о священномъ городѣ Рутрѣ, о раджипутонскомъ вождѣ Эльсамонсорѣ и о маленькой Правдѣ.

(Изъ индійскихъ легендъ).

Вотъ что разсказалъ мнѣ на досугѣ одинъ изъ индусовъ, на подобіе вѣрныхъ евнуховъ султанскихъ гаремовъ, стерегущихъ сокровища лѣсопромышленнаго товарищества въ осажденномъ Артурѣ.

„Это было давно, очень давно", началъ онъ, покручивая блестящіе волосы своей черной, лоснящейся бороды, подвязанной тонкимъ шнуромъ.

„Это было давно.

Городъ Рутра держался противъ полчищъ царя Адинасора уже сто дней.

Сто разъ уже солнце заходило за линію, отдѣляющую зеленоватыя воды океана отъ голубой завѣсы неба.

Сто разъ поднималось оно изъ за туманныхъ, лиловыхъ очертаній хребта Крылатаго Льва, кольцомъ облегавшаго священный городъ съ суши.

Сто разъ раскаленные полуденные лучи его заставали на тѣхъ же мѣстахъ отдыхающія полчища Адинасора, богатый ковровый шатеръ котораго былъ разбитъ въ глубокой лощинѣ между горами Крылатаго Льва.

Храбрый Эльсамонсоръ, прославленный за подвиги свои въ предшествующую войну Раджипутонскаго царства съ царемъ Джефирабадскимъ, стоялъ во главѣ раджипутонскихъ войскъ.

Прежніе подвиги его были несомнѣнны. О нихъ говорили всѣ.

Въ чемъ заключались они доподлинно однако не зналъ никто, но изъ боязни прослыть за невѣжду

всѣ говорили о подвигахъ Эльсамонсора, не перечисляя ихъ.

Трудно признаться въ незнаніи того, что кажется извѣстно всѣмъ.

Когда дерзкій царь Адинасоръ объявилъ войну миролюбивому царю раджипутонскому, Эльсамонсоръ жилъ въ священномъ городѣ Рутрѣ.

Началась война.

Случилось то, чего никто не ожидалъ.

Царь Адинасоръ вмѣсто того, чтобы идти на столицу царства, двинулъ полчища свои къ священному городу и Рутра оказалась отрѣзанной отъ Раджипутона.

Если бы храбрый Эльсамонсоръ могъ предвидѣть такую дерзость царя Адинасора, то конечно онъ ранѣе уѣхалъ бы изъ Рутры, не желая другимъ вождямъ раджипутонскаго царства, менѣе прославившимся чѣмъ онъ, мѣшать покрыть имена свои боевой славой въ предстоящей войнѣ.

Натискъ Адинасора былъ такъ неожиданъ и такъ стремителенъ, что уѣхать было нельзя.

И храбрый Эльсамонсоръ, помимо своей воли, очутился во главѣ раджипутонскихъ войскъ, находившихся въ священномъ городѣ.

Онъ выслалъ свои войска на встрѣчу вражьимъ полчищамъ.

Вѣроломный царь Адинасоръ, избѣгая рѣшительнаго сраженія, искусственными движеніями своихъ войскъ тѣснилъ противника и надвигался все ближе и ближе.

Раджипутонцы отступали.

Не разъ ихъ боевые слоны, судя по оживленію ла-

геря, уставившись длинными хоботами своими въ землю, думали, что насталъ часъ лечь костьми или же въ честномъ бою побѣдить вражескихъ слоновъ.

Но и слоны иногда ошибаются.

Ошиблись они и этотъ разъ. Лагерь снимался не для боя. Войска отступали.

Эльсамонсоръ не покидалъ священнаго города и отдавалъ оттуда распоряженія.

И вотъ насталъ день, когда царь Адинасоръ разбилъ свой шатеръ въ лощинѣ горъ Крылатаго Льва и войска его стали у стѣнъ священнаго города.

Пока раджпутонцы отступали Эльсамонсоръ посылалъ гонцовъ въ столицу съ извѣстіями, что благодаря новой хитрости съ его стороны, непріятель, неподозрѣвая ожидающей его ловушки, двигается впередъ и занялъ сначала Лунныя горы, затѣмъ перевалъ Носороговъ и наконецъ сталъ лагеремъ и въ хребтѣ Крылатаго Льва.

Хотя въ Раджпутонѣ вѣрили въ непобѣдимость Эльсамонсора, но его отступленія начали внушать серьезныя опасенія и нашлись даже люди, которые въ хитростяхъ его видѣли побѣды Адинасора.

Многіе съ грустью ожидали извѣстія о новой, самой хитрой изъ всѣхъ его хитростей—извѣстія о паденіи священнаго города.

Жрецы богини Исторъ ежедневно возносили молитвы въ богатомъ храмѣ, посвященномъ ей, о ниспосланіи Эльсамонсору побѣды безхитростной.

Но Исторъ, богиня войны и любви, обыкновенно столь благоволившая къ Раджпутону, на этотъ разъ какъ бы не внимала мольбамъ жрецовъ и опечаленнаго народа.

Въ Раджпутонѣ царило уныніе.

Вѣсти о непрекращающихся отступленіяхъ Эльсамонсора начинали не на шутку гнѣвить царя.

Меркла слава Эльсамонсора и близилось паденіе священнаго города.

Передъ зеленоватыми водами океана, смотря на линію отдѣлявшую ихъ отъ голубой завѣсы небесъ, стоялъ раджипутонскій вождь и думалъ объ участи его ожидавшей.

Думы его были мрачны.

И подошли къ нему прочіе вожди осажденнаго войска.

— „Великій Эльсамонсоръ“, сказалъ ему престарѣлый Алисадекъ, „ты сдѣлалъ все, что ты могъ. Слава твоя велика, какъ великъ ты и самъ въ каждомъ шагѣ твоемъ, что приближалъ тебя къ океану. Дерзкій, но безумный Адинасоръ въ ослѣпленіи кажущимися ему побѣдами своими не можетъ понять, что отступленіе твоихъ войскъ хитрѣйшая изъ хитростей. Ты великъ тѣмъ, что врагъ нашъ, стоя подъ стѣнами священной Рутры, не знаетъ истинной причины, почему онъ стоитъ здѣсь. Если падетъ священный городъ, то и тогда слава твоя не померкнетъ, такъ какъ тайну твоихъ замысловъ поглотятъ воды океана съ бреннымъ тѣломъ твоимъ“.

Поглощеніе водами океана тайны хитроумныхъ замысловъ, а въ особенности же бреннаго тѣла не очень радовало храбраго Эльсамонсора и упоминаніе объ этомъ было ему непріятно.

Онъ грозно посмотрѣлъ на престарѣлаго Алисадека, но тотъ, какъ бы не замѣчая этого взгляда, продолжалъ, переведя дыханіе.

Слоны раджипутонскихъ вождей, стоявшіе тутъ же поотдаль, стали тоже прислушиваться и ихъ плоскія, широкія, какъ лопухи, уши лѣниво шевельнулись.

— „Не разрѣшитъ ли намъ, великій Эльсамонсоръ, воспользоваться теперь плодами твоихъ хитростей и повести войска въ бой?"

Эльсамонсоръ думалъ.

Всѣ молчали.

Онъ далъ свое разрѣшеніе и произошелъ бой.

Раджипутонцы, чувствуя за собой океанъ и зная, что отступать значитъ погибнуть въ его водахъ, дрались какъ львы.

Адинасоръ понесъ первое пораженіе. Но все же стойкость противника не сломила его упорства и онъ не покидалъ горъ Крылатаго Льва.

Когда неожиданная вѣсть о первомъ успѣхѣ Эльсамонсора достигла до столицы, то ликованію народа не было конца.

Въ Рутру поскакали гонцы и царскія милости, оказанныя храброму раджипутонскому вождю, говорили о той радости, что исполнило сердце царя эта неожиданная вѣсть.

Тогда Эльсамонсоръ, не покидавшій все время домашняго капища своего въ честь богини Исторъ, находившагося въ саду его дворца, выѣхалъ на покрытомъ ковромъ слонѣ къ войскамъ.

Слонъ медленной поступью своей не торопливо везъ героя вдоль рядовъ раджипутонцевъ, которые восторженно привѣтствовали своего вождя.

Храбрый Эльсамонсоръ именемъ царя щедрой рукой раздавалъ награды. Въ осажденной Рутрѣ было ликованіе и священный городъ ожилъ.

И вотъ второй разъ попытка дерзкаго царя Адинасора взять городъ окончилась новой неудачей и новымъ торжествомъ раджипутонцевъ.

Престарѣлый Алпсадекъ былъ всюду, гдѣ была опасность и войска начинали вѣрить въ него.

Понялъ Эльсамонсоръ, что священный городъ не падетъ и что Адинасору послѣ новой неминуемой неудачи придется снять осаду.

И вышелъ Эльсамонсоръ опять на берегъ океана.

Долго онъ думалъ, смотря вдаль на линію, отдѣляющую зеленоватыя воды отъ голубой завѣсы неба.

Долго думалъ онъ и провелъ послѣ этого тревожную ночь.

На утро храбрый Эльсамонсоръ былъ спокоенъ, какъ былъ спокоенъ и океанъ, отражавшій въ этотъ день гладью своей лазурный сводъ небесъ.

Роздалъ онъ въ этотъ день еще не малое количество наградъ и получили ихъ тѣ, кто меньше всего разсчитывалъ на нихъ. Многимъ, мало дѣлавшимъ, были приписаны великіе подвиги, а въ дѣлахъ тѣхъ, кто много дѣлалъ, были найдены ошибки.

И лютъ сталъ Эльсамонсоръ съ ошибавшимися. Еще полчища Адинасора стояли подъ стѣнами священнаго города, а въ стѣнахъ его пошли уже казни провинившихся.

Провинившихся было много.

Палъ и престарѣлый Алисадекъ, въ дѣлахъ котораго также были найдены ошибки и оплошности.

Пали и многіе другіе.

А награжденные славили храбрость и мудрость Эльсамонсора, въ строгости своей каравшаго достойное кары и награждавшаго достойнаго награды.

Для спасенія священнаго города Эльсамонсоръ не жалѣлъ и бывшихъ помощниковъ своихъ, впавшихъ въ ошибку.

Когда Адинасоръ, послѣ третьей неудачной попытки овладѣть Рутрою былъ принужденъ отступить и

покинуть горы Крылатаго Льва, то слава Эльсамонсора возросла необычайно.

Всѣ, кто не былъ казненъ, были награждены имъ превыше заслугъ, и награжденные не по достоинству еще болѣе славили и военные подвиги его и его справедливость.

Пока городъ былъ въ осадѣ, населеніе Рутры терпѣло голодъ и лишенія.

Никто не ожидалъ, чтобы дерзкій царь Адинасоръ окружилъ священный городъ. Запасы, что были, скоро истощились и народъ бѣдствовалъ.

Среди бѣднаго населенія города скиталась и маленькая Правда.

Это было неизвѣстно откуда появившаяся дѣвочка, маленькая, бѣдная, безъ близкихъ и родныхъ.

Появилась она въ Рутрѣ не задолго до прихода полчищъ Адинасора. Откуда никто не зналъ; да никто этимъ впрочемъ и не интересовался.

Въ лохмотьяхъ, полунагая, полуголодная, грязная бродила она по базарамъ священнаго города, по харчевнямъ, гдѣ бѣдный людъ Рутры еще находилъ себѣ кое-какую пищу.

Бѣдный людъ не зналъ Правды и порой даже прислушивался къ ея непонятнымъ для него, страннымъ рѣчамъ. Отдѣльныя слова ея рѣчей всѣ были понятны, но общій смыслъ былъ туманенъ и неясенъ. Въ томъ, что говорила Правда было все не то, во что заставляли вѣрить этихъ людей и что говорили имъ другіе, которымъ они привыкли вѣрить.

У маленькой Правды были очень красивые, черные, большіе глаза. Смотрѣли они пристально и какъ то не по дѣтски.

Когда храбрый Эльсамонсоръ или его прибли-

женные встрѣчались на ея пути, то Правда, какъ дикій звѣрь, сторонилась отъ нихъ.

Если въ своихъ скитаніяхъ по городу она по ошибкѣ заходила на дворъ Эльсамонсоровскаго дворца, то Правду гнали. Грязный и полуоборванный видъ ея слишкомъ возмущалъ чувство красиваго и потому не гнали ее только тамъ, гдѣ кругомъ было также бѣдно, какъ и она сама.

Когда царь Адинасоръ послѣ третьей попытки своей отступилъ отъ стѣнъ священнаго города и когда слава Эльсамонсора не знала себѣ уже никакихъ преградъ, царь Раджипутонскій захотѣлъ побывать самъ въ Рутрѣ, чтобы возблагодарить богиню войны и любви, великую Исторъ за ниспосланную побѣду, что бы оказать своимъ прибытіемъ особую честь славному Эльсамонсору, справедливому и храбрѣйшему изъ вождей Раджипутонскаго царства, и что бы лично осыпать милостями всѣхъ жителей устоявшаго города.

Въ чудный лѣтній день состоялся въѣздъ его въ священную Рутру. Океанъ былъ спокоенъ и въ величественномъ покоѣ своемъ отражалъ бирюзовый сводъ залитаго солнцемъ неба. Вершины Крылатаго Льва были усѣяны народомъ. Длинные ряды воиновъ стояли по пути его слѣдованія. Вереница побѣдителей слоновъ, какъ дикія сѣрыя скалы, стояли съ позолоченными клыками, уткнувшись хоботами въ землю, обвѣшенные дорогими цвѣтными тканями и гирляндами вьющихся цвѣтовъ. Путь между этими недвижными громадами былъ устланъ пушистыми коврами. Толпы народа тѣснились и по холмамъ, и у воротъ священнаго города и привѣтствовали царя при его въѣздѣ.

Цѣлую недѣлю шли празднества, а мѣсяцъ этотъ былъ названъ мѣсяцемъ Эльсамонсора.

Многочисленные храмы богини любви и войны, великой Исторъ, были переполнены молящимися и

дѣвственницы священнаго города спѣшили принести ей свои жертвы. Жрецы утомлялись служеніемъ ей.

Царь показывался всюду съ Эльсамонсоромъ. Онъ былъ безконечно благодаренъ ему и заставлялъ оказывать ему царскія почести.

И всюду, куда не появлялся царь, толпы народа слѣдовали за нимъ и всюду была въ этой толпѣ маленькая, бѣдная Правда.

Какъ не гнали ее, она всегда успѣвала протолкаться впередъ.

Царь замѣтилъ ее, замѣтилъ ея красивые черные глаза, смотрѣвшіе не по дѣтски.

Когда онъ увидѣлъ эту маленькую, полунагую, грязную дѣвочку, онъ велѣлъ умыть ее, одѣть и представить къ нему во дворецъ.

Когда привели ее умытую и одѣтую передъ царемъ, всѣхъ поразила красота этой дѣвочки.

Царь обласкалъ ее и, узнавъ что у Правды нѣтъ ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни близкихъ друзей и знакомыхъ, повелѣлъ бездомной и безпріютной Правдѣ жить при немъ.

Царь очень полюбилъ Правду.

И узналъ онъ отъ нея все, какъ было при осадѣ священнаго города. Узналъ онъ всю правду объ Эльсамонсорѣ и о томъ, что не только не совершилъ онъ никакихъ подвиговъ, но что даже казнилъ достойныхъ награды и возвеличилъ достойныхъ кары.

И гнѣву царя не было границъ.

И пала слава Эльсамонсора, какъ пала власть его и могущество, передъ лицомъ бѣдной, полунагой, полуголодной, гонимой имъ маленькой Правдой, ставшей любимицей царя.

Съ тѣхъ поръ раджпутонскій царь не разстается съ ней никогда и всюду она слѣдуетъ за нимъ.

Она говоритъ ему все, что видятъ ея красивые, черные глаза, глядящіе не по дѣтски; она говоритъ ему то, что другіе хотѣли бы отъ него скрыть.

„Это было давно, очень давно“, закончилъ свой разсказъ индусъ.

Я ушелъ отъ него.

Долго еще точно стояли передъ моими глазами и эта грязная, ставшая красивой маленькая Правда съ ея черными глазами, глядящими не по дѣтски, и эти вожди былыхъ временъ, и эти полчища царя Адинасора, и осажденный священный городъ Рутра, и зеленоватый океанъ кругомъ нея, и горы Крылатаго Льва и думающіе съ золочеными клыками слоны индійской легенды.

22 сентября.

23 сентября.

Мѣсяца полтора тому назадъ съ одной изъ случайныхъ почтъ, дошедшей окольными путями до Артура, я получилъ длинное письмо отъ моего пріятеля изъ Москвы.

Пользуясь тѣмъ, что мы теперь отрѣзаны и что мой пріятель если и узнаетъ, такъ не скоро о томъ, что я предалъ его письмо огласкѣ, а такъ-же удостовѣрившись, что дѣвицы Danton, о которой онъ пишетъ, въ Артурѣ нѣтъ, я и рѣшаюсь это письмо занести на странички дневника и подѣлиться имъ съ читателями.

Онъ увѣдомляетъ меня, что въ началѣ апрѣля проѣхала черезъ Москву его хорошая знакомая, нѣкая Blanchette Danton, направляясь въ Артуръ.

По описанію ея наружности, а также зная хорошій вкусъ моего пріятеля, лично я очень сожалѣю, что m-lle Danton не попала сюда, а вѣроятно остановилась въ Харбинѣ или Ляоянѣ.

Сообщая о ея скоромъ пріѣздѣ, онъ просилъ меня не отказать на первыхъ порахъ въ тѣхъ мелкихъ услугахъ, которыя имѣютъ особое значеніе при водвореніи на новомъ мѣстѣ жительства особенно въ незнакомомъ, новомъ городѣ.

О самой дѣвицѣ Danton онъ мнѣ писалъ слѣдующее:

Blanchette въ крошечной уборной „Ливадіи“ совершала свой туалетъ, готовясь къ выходу на сцену, когда я былъ введенъ къ ней. Этимъ началось наше знакомство.

Для того, чтобы надѣть трико, унизанное отъ таліи внизъ блестками на подобіе рыбьей чешуи, ей потребовалось по крайней мѣрѣ часъ времени. Трико кончалось какъ бы мѣшкомъ, куда прятались ея ноги, и имѣло видъ длиннаго рыбьяго хвоста. Когда съ помощью горничной, а иногда и добровольныхъ помощниковъ изъ любителей, она забиралась въ этотъ мѣшокъ, то ни стоять, ни сидѣть она уже не могла и ей приходилось лежать на кушеткѣ, пока не наступало время ея „номеру“.

Тогда на особыхъ носилкахъ два дюжихъ кулисныхъ мужика выносили ее на сцену. Сцена превращалась какъ бы въ большой акваріумъ, съ коралловыми рифами, жемчужными раковинами и какими то невѣроятными подводными чудищами между разбросанными всюду морскими звѣздами и другими атрибутами океанскаго дна.

Blanchette опускали туда и она плавала; хвостъ ея изгибался, а электричество играло въ блесткахъ его чешуи. Красивыя ея формы, обтянутыя въ трико тѣлеснаго цвѣта, переходившія въ рыбій хвостъ, вызывали среди зрителей бурю восторговъ и аплодисменты стояли во всей залѣ.

Blanchette ныряла вглубь, выплывала на поверхность, отдыхала на коралловомъ рифѣ или на морской звѣздѣ, а главное, виляла во всѣ стороны своимъ хвостомъ. Въ этомъ заключался весь ея „номеръ“, но когда послѣ пяти минутъ занавѣсъ падалъ, театръ гудѣлъ отъ рукоплесканій. Еще разъ передъ зрителями появлялась полудѣвица—полуделфинъ и наконецъ тѣ же два мужика уносили ее на носилкахъ обратно въ уборную. Черезъ часъ она уже гуляла по саду, смѣялась со знакомыми, съ несвойственнымъ дельфинамъ аппетитомъ ужинала иногда по пяти разъ въ вечеръ и послѣ съѣденнаго въ одной компаніи персика начинала въ другомъ кабинетѣ со спаржи или артишока, переходила на рябчика и заканчивала опять персикомъ.

Главное, что интересовало меня познакомиться съ нею—это, посмотрѣть вблизи устройство ея хвоста. Но познакомившись съ нею, я увидѣлъ, что и она сама не менѣе интересна, чѣмъ ея рыбій хвостъ.

Она была мила, разговорчива, остроумна, не особенно цинична, а главное молода. Молодость сквозила въ каждой ея голубенькой жилкѣ, била ключемъ во всемъ ея существѣ. Ей было лѣтъ двадцать, не больше.

Мы скоро съ ней сошлись.

Жить съ ней было удивительно легко. Не смотря на свою молодость, это была замѣчательно уравновѣшенная натура. У нея были установившіеся взгляды на все и свой особый кодексъ морали. Такъ, напримѣръ, сойдясь со мной, она уже не заставляла меня черезмѣрно обогащать содержателя Ливадійскаго бу-

фета и не требовала шампанскаго, когда ей не хотѣлось пить. Заводить какія нибудь интрижки за моей спиной она считала недостойнымъ d'une honnête femme qui se respecte, какъ она часто говорила про себя, но тутъ же прибавляла, что, когда мы разойдемся, то она, конечно, не пойдетъ въ монастырь. Что наша совмѣстная жизнь будетъ имѣть конецъ, она это отлично сознавала и, не накладывая на меня никакихъ обязательствъ въ будущемъ; тѣмъ самымъ придавала особую цѣну настоящему. Точно также, напримѣръ, брать деньги или даже подарки у другихъ, ничего не давая взамѣнъ, она считала непорядочнымъ и потому оплата всѣхъ ея счетовъ входила въ мою исключительную обязанность; впрочемъ въ особомъ транжирствѣ упрекнуть ее было нельзя.

Она не тяготила и была лишена той спеціальной женской черты, заключающейся въ поразительной способности стѣснять личность и свободу близкаго человѣка, на которую слабая половина человѣческаго рода могла бы взять патентъ въ соотвѣствующемъ департаментѣ. Она не висѣла пудовой гирей на моей шеѣ, не требовала моего всегдашняго присутствія тамъ, гдѣ и она, и не видѣла въ уничтоженіи личности другого доказательства своего могущества и обаянія. Никакихъ „обязательныхъ постановленій“ относительно моего поведенія ею издано не было и въ основу нашихъ отношеній былъ положенъ принципъ обоюднаго согласія. Вѣроятно поэтому малѣйшій капризъ ея пріобрѣталъ особую силу и исполненіе его становилось необходимостью, но необходимостью легкой и пріятной.

Моя всегдашняя страсть къ картамъ, напримѣръ, не была стѣснена и я по прежнему зачастую игралъ въ клубѣ и у себя дома въ кругу моихъ близкихъ знакомыхъ.

Сражаемся мы бывало въ chemin de fer. Свѣчи уже потушены; утро яркое солнечное, красивое даже и въ Петербургѣ, смотритъ въ окно. И вотъ на порогѣ

неожиданно появляется Blanchette. Что-бы попасть изъ „Ливадіи“ къ себѣ, ей надо было проѣзжать мимо моей квартиры. Зачастую, окончивъ срокъ своего обязательнаго пребыванія въ загородномъ саду, она по пути заѣзжала ко мнѣ, зная, что если я не въ „Ливадіи“, такъ играю въ карты. Не смотря на яркое утреннее солнце, на безсонную ночь, на ужины въ трехъ, четырехъ компаніяхъ, Blanchette была всегда свѣжа какъ „утро мая“; какъ яркій лучъ солнца, появленіе ея радовало и веселило всѣхъ, а ея привѣтливое „bonjour messieurs“ даже проигравшаго заставляло забывать о неудачѣ и посуляло надежду на поворотъ счастья.

Если она видѣла, что я въ проигрышѣ, то съ вопросомъ:—„хочешь, я принесу тебѣ счастья?“ садилась рядомъ со мной.

Все, что я выигрывалъ, она придвигала къ себѣ.

— „Вотъ видишь, какъ тебѣ повезло“, говорила она, когда груда ассигнацій передъ ней начинала расти.

Съ ея приходомъ проигрыши всецѣло относились ко мнѣ, а выигрыши цѣликомъ шли въ ея пользу.

Всѣ смѣялись и поздравляли меня съ необыкновеннымъ везеньемъ. Blanchette смѣялась не меньше другихъ и всѣмъ было весело. Впрочемъ, игрой она не увлекалась, черезъ полчаса мѣшала карты и говорила: „assez de ça“. Мы переходили тогда въ столовую. Сидѣть за чайнымъ столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, доставляло ей удовольствіе; она находила это „такъ семейно, такъ патріархально“.

Если во время игры она подсаживалась къ кому нибудь другому, то, не смотря ни на какія просьбы играть на тѣхъ же основаніяхъ, не соглашалась, и, ставя на чужую карту, при проигрышѣ разсчитывалась самымъ педантичнымъ образомъ.

Семейное чаепитіе кончалось часовъ въ 8 и Blanchette ѣхала къ себѣ на Караванную спать. Часовъ въ 6 я обыкновенно кончалъ свою службу въ департаментѣ, заѣзжалъ за ней, мы ѣхали куда нибудь обѣдать, а часовъ въ 8 она уже спѣшила въ „Пивадію“, чтобы облекаться въ свой рыбій хвостъ.

Съ моими товарищами и пріятелями Blanchette держала себя очень просто, не существомъ, претендующимъ на полученіе преміи за добродѣтель, но и безъ той излишней фамильярности, которая могла бы возбудить во мнѣ хоть тѣнь неудовольствія.

„Blanchette t'est fidèle“, не разъ говорила она, „ты можешь быть спокоенъ, какъ если бы на мнѣ былъ всегда ma queue de poisson“, но при этомъ всегда прибавляла, что когда наступитъ пора и я буду уволенъ „въ чистую“, то она сама мнѣ это скажетъ.

Случилось это очень просто; пора пришла.

Какъ то разъ намъ почему то наскучило играть въ клубѣ и часа въ 2 ночи двое или трое изъ моихъ пріятелей рѣшили идти ко мнѣ. Уже уходя, въ дверяхъ карточной я столкнулся съ моимъ начальствомъ, вице-директоромъ того департамента, гдѣ я служилъ. Это былъ человѣкъ не первой молодости, въ обществѣ очень милый, но по службѣ педантъ и мелоченъ. Послѣ двухъ трехъ словъ взаимныхъ извиненій онъ спросилъ куда это мы собрались такъ рано, если домой, и такъ поздно, если не домой. Я отвѣтилъ, что идемъ ко мнѣ, гдѣ думаемъ еще часокъ — другой поиграть въ желѣзку.

— „А я вамъ не помѣшаю?“

Оставалось конечно только позвать и его.

Генералъ, какъ за глаза мы называли его, заигрался, и когда въ 5 часовъ по обыкновенію пріѣхала Blanchette, то онъ еще сидѣлъ съ нами за зеленымъ столомъ.

Неожиданное появленіе въ дверяхъ моего „полудельфина“ произвело на него самое благопріятное впечатлѣніе. Свѣжая, молодая, жизнерадостная Blanchette еще на ходу сказала свое обычное „bonjour, messieurs“ и, не здороваясь съ каждымъ отдѣльно, начала снимать свою шляпку и перчатки.

Присутствіе посторонняго, ей незнакомаго человѣка, нисколько ее не смутило. Все исполнялось согласно всегдашней программѣ.

Мнѣ не везло и она приносила мнѣ счастье. Черезъ полчаса карты оказались смѣшаны и мы уже, сидя за самоваромъ въ столовой, пили утренній чай по семейному, такъ патріархально. Генералу очевидно льстило и то, что Blanchette, несмотря на его болѣе солидный возрастъ, не дѣлала видимаго различія въ своемъ обращеніи съ нимъ и нами. Это молодило его въ его-же собственныхъ глазахъ.

Около 8 часовъ Blanchette уѣхала домой и сейчасъ-же всѣ разошлись.

Днемъ въ департаментѣ генералъ былъ также педантиченъ въ служебныхъ требованіяхъ, но затѣмъ, кончивъ со мной разговоръ по дѣламъ, улыбаясь, спросилъ меня, давно-ли я знакомъ съ этимъ очаровательнымъ Маратомъ или Робеспьеромъ. Я поправилъ его, сказавъ, что это только Danton.

Пришлось сообщить ему подробно, гдѣ и на какой сценѣ появляется передъ публикой мой полудельфинъ.

Лѣтній Петербургъ былъ уже въ полной своей неприглядности. Іюль стоялъ жаркій; дома ремонтировались, мостовыя чинились, строились новыя громады зданій; вездѣ были барикады, подмостки, лѣса, загородки; на люлькахъ покачивались неустрашимые маляры и отряхали свои длинныя кисти на головы прохожихъ; воздухъ былъ пыленъ, кирпичная и известко-

вая пыль смѣшивалась съ пылью мостовыхъ; пахло асфальтомъ и сырымъ деревомъ новыхъ торцовъ. На улицахъ было пусто и казалось, что столица полна исключительно каменьщиковъ, плотниковъ, маляровъ, мостовщиковъ и барочниковъ. Въ министерствахъ и департаментахъ все шло также по лѣтнему, главные исполнители были замѣнены дублерами и наступила пора товарищей, вицовъ и помощниковъ. Кто только могъ, уже покинулъ Петербургъ и чиновничій городъ жилъ на холостомъ положеніи; жены и семьи были отправлены или на дачи, или въ деревню, или на воды за границу. Вечеромъ всѣ товарищи, вице и помощники отправлялись въ загородные рестораны „подышать свѣжимъ воздухомъ“ буфета и открытыхъ сценъ.

Прошла, можетъ быть, недѣля послѣ того, какъ мой генералъ познакомился у меня съ Blanchette, и она смѣясь, разсказала мнѣ, что наканунѣ въ Ливадіи онъ подошелъ къ ней и что она ужинала съ нимъ и съ какимъ-то другимъ военнымъ; вѣроятно тоже съ генераломъ. Скука, по ея словамъ, была страшная и черезъ часъ она отъ нихъ ушла въ другой кабинетъ.

Прошло еще недѣли двѣ и вотъ, какъ говорится, въ одинъ прекрасный день Blanchette объявляетъ мнѣ, что пришло время прекратить наши отношенія.

Я полагалъ, что это шутка; такъ я былъ далекъ отъ подобной мысли. Но Blanchette не шутила; да, наши отношенія не могутъ далѣе оставаться тѣми-же; она никогда не измѣняла мнѣ, принципы ей этого не позволяютъ и теперь, разъ она *должна* принадлежать другому, тѣ-же принципы ей не позволятъ обманывать и этого другого; отъ меня будетъ зависѣть продолжать ли съ нею знакомство или нѣтъ, запретить ей этого никто не можетъ, но если я буду продолжать, то на другихъ основаніяхъ.

Я понялъ, что конецъ наступилъ безповоротно. Не скрою, что самолюбіе мое было чрезвычайно задѣто

данной мнѣ отставкой. Тѣмъ не менѣе я себя сдерживалъ, сколько могъ, и старался быть съ Blanchette если не изысканно любезенъ, то по крайней мѣрѣ не грубъ. Что касается продолженія знакомства, то я далъ уклончивый отвѣтъ.

— „Я вижу, что ты считаешь себя оскорбленнымъ“, сказала Blanchette, вставая съ кресла и начиная надѣвать свою перчатку, „но повѣрь, mon chèri, что совершенно напрасно; ты со временемъ оцѣнишь меня и дай тебѣ Богъ никогда съ горечью не подумать, отчего это не всѣ женщины такія же, какъ была Blanchette. Вѣдь рано или поздно наши отношенія должны были кончиться, не такъ-ли“? Я молчалъ.

— „Я не жена для тебя, продолжала она, а во-вторыхъ я никогда и ни за кого замужъ не выйду; я по натурѣ *старый холостякъ*; мои принципы гарантировали тебѣ мою вѣрность, пока я была твоя; я нахожу, что я поступаю честно какъ по отношенію къ тебѣ, такъ и по отношенію къ тому новому, которому я буду принадлежать теперь; къ тебѣ я чувствую больше чѣмъ расположеніе, я не скрываю этого и это чувство я хочу сохранить въ своемъ сердцѣ; если-бы мы продолжали съ тобой нашу связь и обманывали-бы его, то я перестала-бы уважать и тебя и себя. Вотъ все, что я могу сказать на прощаніе, а затѣмъ до свиданья, если ты этого хочешь, или-же прощай—зависитъ отъ тебя“.

Она застегнула послѣднюю пуговицу своей перчатки и ушла; мы разстались. Все было кончено.

Скоро я ужиналъ какъ-то въ компаніи въ той-же „Лпвадіи“. Въ кабинетѣ съ нами была и одна изъ подругъ Blanchette по сценѣ. Отъ нея я узналъ, что мой счастливый преемникъ и замѣститель никто иной, какъ мой вице, мой генералъ! Я узналъ даже больше, хотя предполагаю, что это только сплетни, ходившія среди садовыхъ служительницъ искусства. Будто-бы изъ-за Blanchette чуть не состоялась дуэль между моимъ вице

и его пріятелемъ, военнымъ генераломъ, что Blanchette, желая какъ-бы примирить ихъ, вѣроятно шутя, чтобы отдѣлаться отъ ухаживаній и того и другого, сказала цифру въ 10 тысячъ рублей, которые должны перейти въ ея собственность раньше побѣды одного изъ нихъ и не въ счетъ дальнѣйшихъ расходовъ. Подобный матеріализмъ, былъ, какъ мнѣ казалось, не въ характерѣ Blanchette, но въ данномъ случаѣ это отчасти было мнѣ даже пріятно. Военный генералъ, ссылаясь будто-бы на жену, семью и дѣтей, просилъ о сбавкѣ, но мой далъ эту сумму полностью и побѣда осталась за нимъ.

Мнѣ это было разсказано съ нѣкоторымъ злорадствомъ, черезъ которое сквозила доля зависти къ полу-дельфину, превратившемуся въ генеральшу.

И вотъ, эта то Blanchette зачѣмъ то ѣхала въ Артуръ; вѣроятно не для того, чтобы изображать у насъ рыбу.

Со случайной почтой, „съ оказіей“, какъ въ старину, я отвѣтилъ пріятелю, что, къ моему сожалѣнію, Blanchette до Артура очевидно не доѣхала, что вообще полу-дельфиновъ у насъ теперь не имѣется, доморощенные, что были до войны, и тѣ перевелись, что у насъ теперь есть только сестры милосердія, что дѣло это у насъ организовано, какъ слѣдуетъ, и что даже были устроены для незнакомыхъ съ уходомъ за ранеными особые курсы. Всѣмъ сестрамъ составленъ подробный списокъ, даже съ указаніемъ ихъ точнаго адреса; въ спискѣ этомъ никакой дѣвицы Danton не значится. Я, не ограничиваясь этимъ, зная наши, такъ сказать, обрусительныя наклонности, допускаю, что полу-дельфинъ Blanchette Danton могъ бы превратиться по паспорту въ дѣвицу Ѳеклу Антонову, но и таковой въ опубликованномъ спискѣ не значится.

Я выразилъ пріятелю сожалѣніе и отправилъ письмо.

6 октября.

Достаточно огородить пустопорожнее мѣсто и на заборѣ написать „входъ постороннимъ лицамъ воспрещается“, какъ это пустопорожнее мѣсто получаетъ особый интересъ и притягательную силу.

Россія велика и обильна, а потому и пустопорожнихъ мѣстъ у насъ много; да и любителей заборной литературы, со включеніемъ въ нее и надписей о воспрещеніи входа, не мало.

Попробуйте указать на какой нибудь изъ обвѣтшалыхъ заборовъ и запнуться о томъ, не лучше ли его разобрать, какъ на васъ закричатъ со всѣхъ сторонъ.

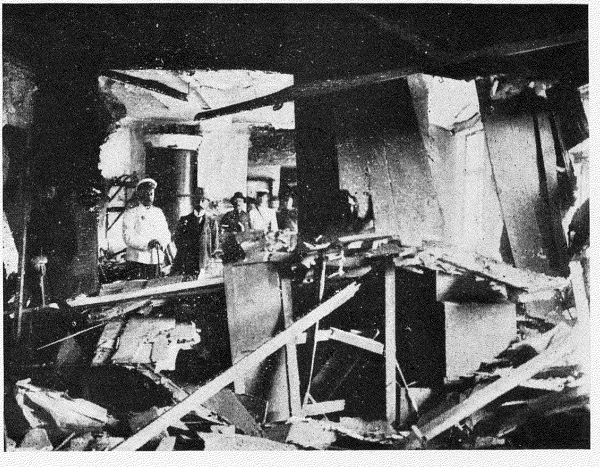
Какъ можно трогать то, что стоитъ вѣками!

Казалось бы именно потому то и надо снести заборъ, что отъ долговѣчнаго стоянія онъ можетъ рухнуть; на дѣлѣ же оказывается иное: въ силу этого долголѣтняго стоянія заборъ превратился въ „основу“ и трогать его отнюдь нельзя.

Вспоминаю одинъ случай. Пришла мнѣ въ голову какъ то, лѣтъ десять—двѣнадцать тому назадъ, фантазія заняться сельскимъ хозяйствомъ. Заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ средней Россіи при господствовавшемъ уже тогда взглядѣ на наше отечество, какъ на страну заводско-фабричную (когда фабрикъ то почти не было!), конечно можно было только, обладая богатой фантазіей. У меня она оказалась богатой.

Верстахъ въ пяти жилъ ближайшій мой сосѣдъ. Мы часто видѣлись съ нимъ. Бывало въ праздникъ, а то и такъ иной разъ, какъ кончатся полевыя работы, велишь запречь въ бѣговыя дрожки лошадь и къ нему.

1-го октября на Пушкинской улицѣ, у помѣщенія редакціи «Новаго Края».



1-го октября въ типографіи «Новаго Края» послѣ взрыва 6 д. снаряда.

Вотъ, за бугоркомъ показалась уже деревенская церковь съ своимъ зеленымъ остроконечнымъ шпилемъ, какъ палецъ указующій на небо; вотъ начались выселки: за ними поворотъ въ право и черезъ небольшую ложбинку уже потянулась длинная улица деревни; опять поворотъ, новая ложбинка, и ворота Крутояровской усадьбы.

И дорога въ Крутояровку, и каждый сарай выселокъ, и каждая изба въ деревни, и сателки для конопли подлѣ мостика и изумрудная ложбинка передъ самой усадьбой—все знакомо, извѣстно; кажется съ завязанными глазами попалъ бы сюда.

А между тѣмъ при всякой моей поѣздкѣ къ Андрей Семеновичу я находилъ что нибудь новое; тамъ, гдѣ я еще недѣлю тому назадъ проѣзжалъ свободно, стоитъ изгородь; гдѣ шла прямая дорога, перекопана канава и нужно объѣзжать; всюду появлялись то тынъ, то заборъ, то жердевая ограда. У него была манія городить.

— „Ну, что Андрей Семеновичъ, опять новый заборъ поставили?“ спрашивалъ я чуть не каждый разъ, сходя съ дрожекъ, когда онъ съ обычнымъ ему гостепріимствомъ встрѣчалъ меня на крыльцѣ своего дома.

— „Да; нельзя, батенька, для порядка“, обыкновенно отвѣчалъ онъ.

Городилъ онъ на выгонѣ, городилъ онъ по лугамъ, городилъ у себя на усадьбѣ, городилъ даже и кругомъ пахоти, городилъ всюду.

Онъ дошелъ до того, что попасть въ клинъ, который напрямикъ былъ отъ дома въ полуверстѣ, надо было ему же самому дѣлать крюкъ версты въ три.

Когда вечеромъ, часовъ въ десять я уѣзжалъ отъ него, обыкновенно происходила такая сцена:

— „А вы, Николай Николаевичъ, не вздумайте

ѣхать на Ендовище по старой памяти; я тамъ дорогу то перепахалъ и изгородку поставилъ".

— „Спасибо, что сказали, а то прямо бы и поѣхалъ".

— „Вы какъ послѣднюю Крутояровскую избу проѣдете, такъ поверните направо, а тамъ, не доѣзжая Гороватаго, свернете на лѣво полевой дорогой, что сзади выселокъ идетъ, тутъ прямо въ болотокъ и упретесь".

— „Въ потьмахъ какъ бы не заблудиться, Андрей Семеновичъ".

— „И то правда. Ей, кто тамъ есть, Афонька, Ириней... кто тамъ..." крикнетъ онъ на весь дворъ своимъ зычнымъ голосомъ.

— „Чаво?" доносится изъ людской избы!

— „Проводи-ка барчука на Гороватое".

Рѣдко уѣзжалъ я отъ Андрей Семеновича безъ провожатаго.

„Для порядка" было единственное объясненіе всѣмъ этимъ загородкамъ.

Лѣто прошло, хлѣбъ уже былъ снятъ; озимые засѣяны; пришло время молотьбы.

Ѣздитъ бывало мой приказчикъ и вечеромъ и съ ранняго утра, еще до солнца, по деревнямъ за поденщиками, а все ихъ не хватаетъ.

Мужикъ самъ при хлѣбѣ и на работу идетъ лѣниво.

Пріѣдешь, бывало, къ Андрей Семеновичу, а у него полный сарай, молотьба во всю, народа хоть отбавляй.

Что за притча? думаешь, бывало.

Ларчикъ, какъ и всегда, открывался просто. Ѣдетъ, бывало, еще въ лѣтнюю пору мужикъ „на прямки",

какъ еще вчера ѣздилъ; ѣдетъ и вдругъ смотритъ—огорожено, проѣзду нѣтъ; онъ и туда и сюда.

А съ балкона, со второго этажа Андрей Семеновичъ уже увидѣлъ его; въ бинокль разсмотрѣлъ—это Парѳенъ; онъ къ нему.

— „Ну, что братецъ, заѣхалъ“, говоритъ онъ обыкновенно, когда Парѳенъ уже стоялъ, снявъ шапку, и недоумѣваетъ откуда баринъ взялся.

— „Ты это, что же? не видѣлъ развѣ, что огорожа поставлена, а? Вѣдь, небось, гдѣ у тебя огорожено, не поѣдешь, такъ? А тутъ господское, такъ вали на прямки?“

Парѳенъ молчитъ.

— „За потраву знаешь, что полагается, а?“

„Такъ то оно такъ“... мнется Парѳенъ, „да значитъ, еще намеднясь ѣзжалъ здѣсь Ѳомка .. по нашему... знамо дѣло... потрава“...

— „Чего тамъ; обижать тебя не буду, Богъ съ тобой. За мѣсто штрафа по таксѣ денекъ съ лошадкой на молотьбу по осени выйдешь“, и Андрей Семеновичъ уже пишетъ въ своей книжкѣ—„Парѳенъ Аксеновъ за потраву лужка, что за Ендовищами,—одинъ конный день на молотьбу“.

— „Покорно благодаримъ... а вотъ...“ Парѳенъ опять мнется, „коли милость ваша была бы... чтобы, значитъ, не вертать...“

Парѳенъ почесываетъ затылокъ и стоитъ, не трогаясь съ мѣста.

— „Ну, что жъ съ тобой подѣлаешь; пошелъ ужъ прямо“, махнетъ бывало рукой Андрей Семеновичъ, точно Богъ вѣсть какое одолженіе онъ дѣлаетъ; „жердину вынь, только потомъ обратно наладь ее; а за это, какъ по осени на поденку выѣдешь, такъ и Аксинью

ужъ за одно прихвати, она у тебя баба хорошая, работящая".

— „Благодаримъ покорно", говоритъ Парѳенъ, спѣша вынуть жердину и чмокая на лошадь, что бы она тронулась впередъ.

А въ книжкѣ между тѣмъ уже приписано „съ бабой".

Осенью я уразумѣлъ „политико-экономическій" смыслъ городьбы Андрей Семеновича. При помощи заборовъ „для порядка" его хозяйство и въ странѣ заводско-фабричной шло не въ убытокъ.

Связь подобныхъ заборовъ съ „основами" его сельскохозяйственнаго благополучія отрицать конечно трудно.

Но вѣдь заборъ забору рознь.

Теперь напримѣръ, пока мы сидимъ здѣсь, въ Артурѣ отрѣзанные, тамъ на родинѣ рухнулъ одинъ изъ заборовъ, стоявшихъ вѣками; одинъ изъ тѣхъ заборовъ, что считался еще не такъ давно основою всѣхъ основъ могущества русской державы.

Послѣдовала отмѣна тѣлеснаго наказанія.

Русскій мужикъ признанъ настолько совершеннолѣтнимъ, что „родительское" для него больше не требуется. Всѣ, конечно, порадовались этому громадному событію, за исключеніемъ впрочемъ... князя Мещерскаго.

Откроется сообщеніе и на страницахъ „Гражданина" мы вѣроятно прочтемъ прочувствованный некрологъ розги; почтенный князь вѣроятно облекся въ подобающій трауръ и быть можетъ возопіялъ о „потрясеніи".

А сколько еще подобныхъ заборовъ стоитъ по лицу земли русской!

13 октября въ типографіи «Новаго Края» послѣ разрыва 2-хъ 11 д. снарядовъ.

Хочется вѣрить, что съ окончаніемъ войны рухнетъ и еще одинъ изъ нихъ.

Не достигла ли наша отечественная пресса, на подобіе русскаго мужика, того возраста и той доли самостоятельности, которая и для нея дѣлаетъ уже излишнимъ ея „родительское“, ея „тѣлесное наказаніе“?

27 октября.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ встряхнуло несчастную Мартинику и богатѣйшій городъ превратился въ груду развалинъ, когда столѣтіями дремавшій вулканъ вздумалъ проснуться и это его просыпанье стоило десятки тысячъ человѣческихъ жизней, то казалось, что люди уже не будутъ больше селиться по склонамъ этого страшнаго владыки острова.

Прошелъ годъ.

Вулканъ еще изрѣдка вздрагивалъ. Онъ засыпалъ, онъ какъ-бы потягивался въ полудремотѣ; подземный гулъ еще говорилъ, что клокочущая въ нѣдрахъ лава не успокоилась, что она можетъ еще новой огненной волной захлестнуть всю окрестность, что жизнь здѣсь зыбкой гранью отдѣляется отъ смерти, слишкомъ зыбкой, а между тѣмъ люди... люди уже селились на этихъ страшныхъ склонахъ и жизнь возобновилась.

Ураганъ близкой смерти пронесся нежданно надъ Артуромъ въ ночь съ 26 на 27 января.

Все что могло бѣжать—бѣжало.

И, вотъ, девять мѣсяцевъ какъ гулъ, но не подземный, а гулъ въ небесахъ, гулъ отъ летящихъ надъ

головами снарядовъ, не замолкая, твердитъ намъ объ ежесекундной опасности, о томъ, что и здѣсь грань перехода конечнаго въ безконечное несоизмѣримо ничтожна, что перешагнуть ее легче легкаго, что открыть восьмерку въ картахъ куда труднѣе, чѣмъ попасть на тотъ свѣтъ.

Потенціальной возможности смерти полонъ воздухъ, которымъ мы дышемъ здѣсь, но возможность смерти еще не смерть.

Мы продолжаемъ жить.

Мы продолжаемъ надѣяться, продолжаемъ вѣрить и сомнѣваться, продолжаемъ ѣсть и пить, любить и ненавидѣть, злословить и шутить, а подчасъ даже не прочь и посплетничать.

Жизнью пользуйся живущій.

Сущій въ гробѣ мирно спи.

Вотъ принципъ, который руководитъ всѣми нами и который безсознательно, но съ тѣмъ большей силой, всецѣло завладѣлъ нашимъ существованіемъ.

Притупился слухъ, притупилось зрѣніе, притупилось сердце...

— „А, опять поѣхали колесницы“, говоритъ дама, стоя на мосту и разговаривая со знакомой. „У Кунста я не нашла прошивокъ, такая досада“.

— „Да, это уже третій или четвертый снарядъ; вонъ, смотрите, около „Ретвизана“ упалъ“, такимъ-же равнодушнымъ тономъ отвѣчаетъ ея собесѣдница. „Неужели не нашли? Пойдемте къ Чурину, можетъ быть тамъ есть еще“, болѣе оживленно продолжаетъ она.

И онѣ идутъ мимо „новокраинскихъ“ развалинъ за прошивками, а снаряды летятъ надъ головами и рѣжутъ со свистомъ окружающій воздухъ.

Встрѣчаете раненыхъ, обвязаны головы, все

больше головы: но глазъ привыкъ и вы ихъ даже почти не замѣчаете.

Вчера въ „Общинѣ“ умеръ вашъ хорошій знакомый. Жалко его, очень жалко, но жалко не по мирному, а какъ-то иначе, по другому. Нѣтъ этой щемящей жалости, нѣтъ сердечной боли, а есть жалость..... только на словахъ.

И слухъ, и зрѣніе, и сердце—все притупилось.

А все живемъ.

Живемъ по новому. Живемъ *коммунами*.

Встрѣчаю знакомаго.

— „Что-же вы не зайдете къ намъ? Приходите въ коммуну часамъ къ семи, поужинаемъ чѣмъ Богъ послалъ“.

Прихожу въ назначенное время.

Всѣ „коммунары“ на лицо.

На столѣ закуски, вино, водка.

Садимся за столъ.

— „Ну, что новенькаго?“

— „Да, ничего; все тоже.“

— „А что это сегодня подъ утро на правомъ флангѣ было?“

— „Не на правомъ; это на фортъ второй опять лѣзли.“

Никто ничего опредѣленнаго не знаетъ. Начинаемъ дѣлиться слухами. У каждаго оказывается большой запасъ самыхъ послѣднихъ свѣдѣній. Свѣдѣнія все больше оптимистическаго характера. Въ этомъ также сказывается извѣстное знаменіе времени. Мѣсяцъ или полтора тому назадъ оптимисты были всѣ наперечетъ; теперь ихъ стало много.

Подѣлились слухами; закусили рѣдькой и корнбифомъ, выпили по рюмкѣ, другой и—японцы отошли на второй планъ.

— „А у насъ еще цѣлая бочка солонины непочатая“, говоритъ Василій Ивановичъ, закуривая папироску.

— „Это что! А грибы сушеные у васъ есть?“ спрашиваетъ Константинъ Семеновичъ, такой же случайный гость въ этой коммунѣ, какъ и я. Онъ членъ другой коммуны.

— „Не знаю. Вотъ сейчасъ хозяйку спросимъ. Петръ Петровичъ, а что грибы сушеные у насъ есть?“

— „Нѣтъ, грибовъ у насъ нѣтъ“, отвѣчаетъ Петръ Петровичъ съ другого конца стола.

Разговоръ съ „воинственнаго“ перешелъ на „съѣдобное“. Бесѣда о продовольствіи даетъ богатый матеріалъ; горохъ, солонина, сардинки, сало, макароны, бѣлый хлѣбъ; о чемъ только не говорили и говорили оживленно.

Коммунары разныхъ общинъ хвастались другъ передъ другомъ изобиліемъ своихъ заготовокъ, а сытный не „по осадному времени“ ужинъ закончился чаемъ.

Часовъ въ 11 я съ Константиномъ Семеновичемъ, ощущая пріятную тяжесть въ желудкѣ и теплоту въ тѣлѣ, идемъ домой; намъ по дорогѣ.

Кое гдѣ за горой блеснетъ вспышка, раздастся глухой, отдаленный раскатъ, потомъ опять все стихнетъ. Вотъ слышатся отдѣльные ружейные выстрѣлы. За Высокой горой взвилась ракета; сначала огненной змѣйкой метнулась она по темному небу ночи, а затѣмъ посыпался каскадъ электрическихъ звѣздъ.

Все тотъ же призракъ смерти витаетъ надъ окрестными холмами. Близость ея ощущается и въ темныхъ, неосвѣщенныхъ окнахъ домовъ, мимо которыхъ

мы идемъ, и въ этихъ далекихъ звукахъ выстрѣловъ, и въ лучахъ свѣтящаго прожектора, и въ змѣйкѣ взметнувшейся ракеты.

Но то, что еще полгода тому назадъ страшило и заставляло холодѣть кровь въ жилахъ, то теперь стало обычно, знакомо, чуть чуть что не скучно по своей монотонной повторяемости.

Нервы притупились.

Съузились интересы. Въ любой изъ безчисленныхъ коммунъ осажденнаго Артура рѣчь дальше какъ „о хлѣбѣ насущномъ“ рѣдко заходитъ. Изрѣдка развѣ зададутся вопросомъ болѣе общаго характера и заспорятъ, напримѣръ, о томъ, какъ будетъ мужское отъ слова „стрекоза“. Послѣ долгихъ и оживленныхъ дебатовъ рѣшатъ, что мужъ стрекозы долженъ быть „стрекозелъ“, и опять переходятъ на грибы, на горохъ, на жестянки...

6 ноября.

То было раннею весной.

Трава едва всходила, на „этажеркѣ“ играла музыка, мы гуляли съ пріятелемъ подъ звуки „Гейши“ и... злословили, хотя и безъ особой желчи и злобы, добродушно, но все же, каюсь, лучше было бы этимъ не заниматься.

Читали ли вы когда нибудь романы Понсонъ дю Терайля? Если читали, то вѣроятно слѣдующія строки вамъ ихъ напомнятъ:

„Въ одинъ сѣрый, холодный, осенній день въ душномъ, мрачномъ подвалѣ (какой ужасъ!) я впервые увидѣла свѣтъ Божій. Мало радости доставила я своимъ рожденіемъ тѣмъ, кто мнѣ далъ жизнь и скоро, очень скоро поняла весь ужасъ ея".

О степени радости и удовольствія, испытаннаго родителями, конечно лучше судить могутъ они сами, но въ чемъ можно сомнѣваться, такъ это въ томъ, что само это существо „скоро, очень скоро" поняло весь ужасъ жизни; для большей ясности и точности было бы желательно опредѣленно указать на которомъ мѣсяцѣ отъ роду явилось столь ясное пониманіе своего положенія, такъ какъ выраженіе „скоро, очень скоро" крайне неопредѣленно.

Далѣе идетъ обычная повѣсть—мать трудящаяся женщина, отецъ пьяница; сырой подвалъ и кабакъ; зимой холодно, а лѣтомъ жарко (жалко, что не наоборотъ, неправда-ли?). Къ этому еще прибавьте, что расточительная судьба надѣлила ненужной, но неотразимой красотой. Года идутъ, красота разцвѣтаетъ. Является вельможа—обольститель. Клятвы вѣчной любви, блаженство, впереди роскошь, богатство; въ результатѣ же опять таки непрошенный и довольно некстати являющійся ребенокъ, вѣроятно, впрочемъ, одаренный столь же блестящими способностями по части очень скораго уразумѣнія всѣхъ ужасовъ жизни.

Что же дальше?

А дальше то, что она „перестаетъ быть женщиной", какъ негодующе восклицаетъ авторъ „страничекъ изъ дневника" въ одномъ изъ №№ „Новаго Края".

„Бичуя насъ въ печати, Артурскій Обыватель обрушился на насъ своимъ праведнымъ гнѣвомъ за то, что мы дерзаемъ на равнѣ съ другими подышать свѣжимъ воздухомъ (ну, не извергъ-ли!), вносимъ рѣзкій диссонансъ въ „ewig weibliches", нарушаемъ этику

нравственности особъ той же людской породы, но мужскаго пола.

Грозный пуританинъ съ ненавистью смотритъ на наши шляпки, волосы, на кружева нашихъ „dessous“ и т. д. (да не подумаетъ читатель, что это „и т. д.“ поставлено мною; это слова подлинника; могу сослаться на свидѣтеля — моего пріятеля, что никогда на этажеркѣ я съ ненавистью не смотрѣлъ на шляпки и волосы, какъ никогда не заглядывалъ на кружевныхъ dessous, а особенно и такъ далѣе). Его раздражаетъ нашъ смѣхъ, наряды, выжитые (?) слезами, нуждой и стыдомъ. Онъ не заглянетъ намъ въ душу. Онъ забываетъ, что мы давно, раньше его, осудили себя.

„Разрядившись во что побогаче, заглушивъ накипающія въ груди рыданія, мы съ проклятіемъ идемъ на борьбу. Голодъ грозно кричитъ „иди“. Не понять ему видно (бѣдный Артурскій Обыватель, какъ далеко ему до того Wunderkind'a, который „скоро, очень скоро“ понялъ весь ужасъ жизни), что жизнь наша одно сплошное страданье, что сознанье испытаннаго стыда и позора наполнили ее муками ада. Развратъ не убилъ въ насъ души.

Да, съ нашимъ появленіемъ среди гуляющихъ вкрадывается диссонансъ въ мягкіе полутоны, которыхъ ищутъ на бульварахъ; не укоръ-ли совѣсти эти диссонансы (вопросъ вполнѣ основательный и я думаю, что отчасти это такъ) и не рано-ли забыто, что такихъ блудницъ самъ Христосъ милосердный простилъ“.

Вѣрно, что Христосъ простилъ, но вѣдь при этомъ онъ прибавилъ „иди и не грѣши“; объ окончаніи всегда почему то умалчиваютъ, какъ умолчала объ немъ и „одна изъ многихъ“, столь рѣзко напавшая на бѣднаго Артурскаго Обывателя въ вышеприведенномъ письмѣ.

Жалко, что въ письмѣ этомъ такъ много книж-

наго и вычурнаго и такъ мало искренности и простоты.

А вотъ другое письмо, привожу его съ незначительными сокращеніями:

... „Въ концѣ концовъ она попадаетъ далеко отъ всего, что хотя немного было дорого ея сердцу. Живетъ она въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ, издерживаетъ всѣ свои деньги, которыя понадобились для водворенія на новомъ мѣстѣ жительства. Вдругъ какъ снѣгъ на голову, эта ужасная война. Что дѣлать? Куда дѣваться? Уѣхать? Зачѣмъ, да и на какія средства? Видя ужасъ окружающаго, ея молодое сердце забилось, а горячій умъ, мало заглядывающій впередъ, озарился мыслью—вѣдь и я могу принести пользу!

Идетъ она въ одинъ изъ госпиталей; проситъ, чтобы ей позволили работать. Въ то время было не до нея. На случай записали адресъ. Сначала эта неудача огорчила ее и она думала уже бросить все и начать все и начать прежнюю жизнь. Но вотъ, приходитъ посланный съ пакетомъ отъ главнаго врача, не будетъ ли она любезна явиться въ госпиталь, такъ какъ теперь ея услуги понадобились.

Боже, радости ея не было конца!

Она можетъ работать, она можетъ приносить пользу; какъ молилась она въ это утро передъ уходомъ въ лазаретъ.

Она усердно посѣщаетъ госпиталь и отдается дѣлу всей душой.

Проходятъ дни. Послѣднія сбереженія ея приходятъ къ концу. Какъ и чѣмъ жить дальше? Обратиться къ начальству — страшно, а вдругъ откажутъ; мало того фальшивый можетъ быть, но тѣмъ не менѣе непреодолимый стыдъ—уронить себя въ его глазахъ.

Въ госпиталь поступилъ офицеръ, также какъ и она закинутый сюда случайно. Началось ухаживаніе.

„Вы добрая, вы милая, вы хорошая...“ Сошлись. Характеры ихъ оказались подходящи другъ къ другу.

Онъ выздоравливаетъ. Боже, спаси, сохрани его тамъ, на позиціи!

Госпиталь и та же работа, новые раненые, тѣ же косые взгляды дамъ (т. е. законныхъ женъ), которыя также, какъ и она, стали сестрами милосердія.

Его убили.

„Опять вопросъ—что же дальше, куда дѣваться, чѣмъ жить?“

Я думаю, что читатели согласятся со мной, что это второе письмо производитъ нѣсколько иное впечатлѣніе.

Что отвѣтить на заключительные вопросы—что же дальше, чѣмъ жить?

Отвѣтить трудно.

Дай Богъ, чтобы сама жизнь дала отвѣтъ и чтобы этотъ отвѣтъ жизни былъ теплымъ, сердечнымъ; что бы надъ этой ищущей дѣйствительнаго выхода изъ своего тяжелаго положенія, а не драпирующейся въ него, судьба сжалилась и улыбнулась той привѣтливой своей улыбкой, съ которой встрѣчаетъ она своихъ избранныхъ.

Дай Богъ, что бы жизни отвѣтъ былъ простъ и милостивъ—„иди и не грѣши“.

1 декабря.

Страдные дни!

Болѣе двухъ недѣль почти не прекращающійся грохотъ и гулъ орудійныхъ выстрѣловъ стоялъ надъ Артуромъ. Какъ барабанная дробь переливались пулеметы; отдѣльные ружейные выстрѣлы слышались лишь рѣдкими минутами, когда внезапно прерывался общій гулъ.

Надъ Высокой комочками пухлой, какъ-бы взбитой ваты бѣлѣли частые шрапнельные разрывы, то надъ самымъ гребнемъ горы, то высоко въ лазури голубого, равнодушнаго неба.

Взметы черной пыли и клубы бѣложелтаго дыма поднимались поминутно тамъ, на этой многострадальной вершинѣ, грудью встрѣчавшей удары двадцатипудовыхъ гранатъ, дробившихъ въ щебень скалу.

Видны были обломки разрушенныхъ прикрытій и блиндажей. Что кромѣ провидѣнія, можетъ спасти и укрыть отъ стальной глыбы, пронизывающей толщу 18-ти дюймовой брони съ такой же легкостью, какъ и листъ папиросной бумаги!

А между тѣмъ тамъ на этомъ гребнѣ, въ этомъ царствѣ смерти, разрушенія, потрясающихъ землю разрывовъ, мелькаютъ силуэты живыхъ существъ.

Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, очевиднѣе невозможность держаться тамъ. Каждый убитый, каждый искалѣченный помимо новой потухшей жизни, кромѣ новыхъ жгучихъ мучительныхъ страданій—невознаградимая потеря въ рядахъ геройскаго гарнизона, гдѣ каждый боецъ такъ дорогъ, такъ необходимъ.

Артуръ, уже восьмой мѣсяцъ предоставленный самому себѣ, борется съ непріятельскими полчищами исключительно своими силами. Но это далеко не то, какъ говорятъ обыкновенно, что онъ борется тѣми силами, что были здѣсь въ моментъ нашего разобщенія съ внѣшнимъ міромъ. Притока свѣжихъ силъ нѣтъ, а убыль есть. Вѣдь за эти 7 мѣсяцевъ стотысячная японская армія растаяла. Сто тысячъ людей убито, искалѣчено, уничтожено! Дорого обошлась Японіи дерзкая попытка овладѣть Артуромъ, но чтобы достичь подобныхъ результатовъ сколько жертвъ принесено и нами!

Новыя японскія силы приходили на смѣну ослабѣвшимъ. Раненые и больные размѣщались по госпиталямъ, по которымъ никто не стрѣлялъ. Многіе увезены обратно на родину и тамъ въ кругу своихъ близкихъ пользуются и необходимымъ покоемъ, и уходомъ, и даже комфортомъ.

То ли у насъ?

Что переживаетъ Артуръ, то описать нельзя. Россія узнаетъ, что испытываютъ ея вѣрные сыны, узнаетъ конечно, но самыя живыя краски, самыя выразительныя слова не въ силахъ передать дѣйствительности и самое пылкое воображеніе не создастъ правдивой, точной картины переживаемаго нами.

Также, какъ не вѣрится, чтобы тамъ, на Высокой могли бы еще быть живые люди, такъ не будутъ вѣрить разсказамъ тѣхъ, кто уцѣлѣетъ въ Артурѣ. Тѣ изъ насъ, что увидятъ когда нибудь опять родное небо, родную землю, близкихъ, дорогихъ—будутъ, какъ выходцы съ того свѣта, вызывать сомнѣнія даже въ своемъ реальномъ бытіи. Не призраки ли?

Уже днемъ 22-го всѣмъ Артуромъ съ мучительно тревожнымъ чувствомъ сознавалось невозможность и безцѣльность дальнѣйшаго упорства въ защитѣ Высокой. Дорогой цѣной доставалась непріятелю пози-

даемая нами вершина. Къ 3 часамъ ночи съ 22 на 23 ноября окопы были покинуты послѣдними борцами и наступило сравнительное затишье. Смолкли наши пушки, затихли пулеметы. Смерть, не знавшая отдыха въ теченіи послѣднихъ *шестнадцати* дней, отдыхала.

Но страдные дни Артура не кончились.

Взрывъ на „Полтавѣ“ и пожаръ, а затѣмъ ужасающее, душу леденящее зрѣлище!

Да, это было зрѣлище. Мы въ ужасѣ созерцали, безсильные что либо сдѣлать. Мы созерцали, какъ наши броненосцы одинъ за другимъ принимали своей стальной грудью удары врага. Снарядъ за снарядомъ тяжело летѣлъ надъ нашими головами и то падалъ въ воду, поднимая около нашихъ судовъ гигантскіе водяные столбы, то ударялся въ толщу брони. Клубы пара, какъ жалобы боли, какъ стоны вырывались изнутри ихъ и уходили къ небу.

„Севастополь“, уцѣлѣвшій при этомъ избіеніи броненосцевъ, вышелъ на внѣшній рейдъ. Съ нимъ вмѣстѣ вышли въ море и три ласточки войны—три миноносца.

Стихли штурмы. Броненосцы на половину погрузились въ воду. Ждемъ что нибудь новаго. И новое не замедлило. Началась бомбардировка Новаго города, стрѣльба по госпиталямъ!

То тамъ, то тутъ развѣвающійся флагъ съ краснымъ крестомъ заволакивается дымомъ и пылью, поднятой упавшимъ снарядомъ. Раненые и больные, тѣ, которые не могутъ встать съ постели, слышатъ зловѣщій свистъ; черезъ окно имъ видно, какъ гдѣ то близко, напротивъ уже упало, разорвалось. Слѣдующій вѣроятно упадетъ ближе, а можетъ быть и здѣсь, рядомъ, въ сосѣднюю стѣну... Но упалъ онъ не рядомъ, не въ сосѣднюю стѣну, а на крышу, надъ головой. Рушатся стропила, потолочныя балки колятся въ щепы,

Генералъ-Маіоръ Р. И. Кондратенко.

грохочатъ посыпавшіеся кирпичи. Сквозь шумъ и грохотъ разрушенія уже слышенъ новый зловѣщій свистъ... летитъ второй, третій. Лежать въ постели и слышать все это—да вѣдь это же ужасъ, это хуже пытки!

Война... и только война!

Перебить раненыхъ; перебить сестеръ, докторовъ, санитаровъ—почему же и нѣтъ? Вѣдь раненые поправляются, больные выздоравливаютъ, возвращаются въ строй. А доктора? Вѣдь они посвящаютъ свои знанія, свой трудъ леченію этихъ раненыхъ и больныхъ; благодаря заботливости сестеръ, благодаря уходу санитаровъ они, эти раненые, получаютъ опять возможность взяться за оружіе и снова защищать крѣпость, снова наносить вредъ, снова убивать наступающихъ.

А женевская конвенція, а конференція въ Гаагѣ?

Красивыя слова, мечтанія идеалистовъ, необычныя грезы!

Упорядочить войну, урегулировать способы убійства другъ друга... развѣ же это не мечты, не грезы?

7 декабря.

Не стало генерала Кондратенко.

Слухи о томъ, что случилось вечеромъ 2-го декабря, уже съ ранняго утра на другой день стали достояніемъ всего Артура, но не вѣрилось этимъ слухамъ; не хотѣлось имъ вѣрить.

Сердце не хотѣло допустить возможности того, что къ сожалѣнію такъ естественно и такъ просто на войнѣ, въ особенности же для людей не прячущихся отъ вражескихъ пуль и гранатъ, для людей, личнымъ

примѣромъ показывающихъ остальнымъ, какъ надо служить родинѣ въ годину постигшаго ее бѣдствія.

Защита Артура и Кондратенко представляются для насъ чѣмъ то слитнымъ, нераздѣльнымъ и какъ то жутко становится, что онъ убитъ, что онъ задавленъ блиндажемъ, рухнувшимъ подъ тяжестью удара одиннадцатидюймовой бомбы.

Мы притупились къ смерти, сознавая ежесекундную возможность ея наступленія для каждаго изъ насъ. Мы почти равнодушно внимаемъ извѣстіямъ о новыхъ убитыхъ, о томъ, что того или другого изъ героевъ - защитниковъ не стало, но при этомъ извѣстіи и окаменѣвшіе, казалось, навсегда сердца дрогнули.

Казалось блиндажи, въ которые глубоко запрятались всѣ наши человѣческія чувства, какъ бетонные своды фортовыхъ казематовъ не пропустятъ уже болѣе въ наши сердца ни чувства жалости, ни чувства острой боли. Но бетонъ не выдержалъ удара двадцатипятипудовой глыбы, такъ и вѣсть объ этой утратѣ потрясла окаменѣвшіе сердца; они дрогнули подъ ошеломляющей тяжестью этого ужасающаго событія.

Стали извѣстны всѣ подробности этого несчастья, а также и имена всѣхъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ на фортѣ № 2. Стало извѣстно, что тѣла убитыхъ доставлены въ ночь въ покойницкую Своднаго госпиталя.

Обычная работа валится изъ рукъ. Какъ то не сидится на мѣстѣ; я иду изъ дома; самъ не знаю куда и зачѣмъ. Чудная ясная погода. По складкамъ и извилинамъ Ляотешана змѣятся бѣлыя полосы снѣга, отчетливо вырисовывающіяся на темномъ фонѣ скалистаго кряжа. Выстрѣловъ не слышно; молчатъ наши, молчатъ и японцы. Вѣроятно имъ стала извѣстна роковая утрата, постигшая нашъ гарнизонъ, и они, какъ бы удовлетворенные достигнутымъ, отдыхаютъ.

Голыя деревья городского сада не скрываютъ горизонта, а сквозь обезлиствившіе одиночные прутья кустовъ видна почти зеркальная гладь бухты съ осѣвшими на дно ея броненосцами.

Дорожки сада пустынны. Только наверху, на скамейкѣ подлѣ бесѣдки, что вѣнчаетъ собою гротъ, ставшій блиндажемъ-убѣжищемъ для нѣсколькихъ семей артурскихъ жителей, сидятъ двое штатскихъ. Я иду наверхъ; сидятъ знакомые.

— „Неужели правда?“ спрашиваетъ меня одинъ изъ нихъ вмѣсто обычныхъ словъ привѣтствія.

— „Къ сожалѣнію—да“.

Не понять вопроса конечно было нельзя. О чемъ другомъ могъ спрашивать житель крѣпости, душа защиты которой вдругъ отлетѣла?

Мы сидимъ молча. Но вотъ, тишина воздуха нарушается знакомымъ, привычнымъ шумомъ надъ нашими головами; прошло секундъ пятнадцать и въ Западномъ басейнѣ около „Монголіи“ высокій столбъ воды поднялся надъ гладкой поверхностью моря.

— „Ангару подбили, теперь кажется за Монголію принялись“, говоритъ мой знакомый.

— „Нѣтъ, это по Бобру стрѣляютъ“, возражаетъ другой.

— „А вы что же, все еще не допускаете возможности стрѣльбы по госпиталямъ, хоть и сквозятъ они всѣ какъ рѣшето? По Бобру! А зачѣмъ же они Ангару и Казань разстрѣляли?“

Послышался звукъ второго выстрѣла. Снарядъ опять упалъ въ бухту, но на этотъ разъ гораздо ближе къ берегу. Вотъ и третій; этотъ очевидно упалъ уже на сушу, такъ какъ вмѣсто водянаго столба онъ поднялъ цѣлое облако пыли, которая, смѣшавшись съ дымомъ отъ разрыва, долго стояла въ недвижномъ безвѣтренномъ воздухѣ.

На этотъ разъ было ясно, что стрѣльба шла по Бобру.

— „Вотъ вамъ—взятіе Высокой“, сказалъ опять мой сосѣдъ, „сейчасъ и въ Бобра попадутъ. Пойдемтека лучше; тяжело смотрѣть.“

И дѣйствительно, смотрѣть было тяжело; но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда послѣ необычной тишины утра раздались привычные звуки возобновившейся бомбардировки, нервы, сдавшіе подъ впечатлѣніемъ вчерашняго несчастья, снова натянулись, возвращалась окаменѣлость сердца. Эти три, четыре выстрѣла краснорѣчиво говорили и о продолжающейся настойчивости непріятеля и о томъ, что Артуръ нашъ стоитъ, что онъ не палъ, что онъ не будетъ взятъ. Силы еще не истощены и, дастъ Богъ, скоро настанетъ день нашего торжества.

Гнетущее чувство, заставившее меня безцѣльно выйти изъ дому, не позволившее мнѣ взяться за обычную работу, мало по малу теряло свою острую жгучесть. Боль перваго впечатлѣнія притуплялась и что то внутри говорило настойчиво, что смерть генерала Кондратенко будетъ отомщена, что память о немъ создастъ новыхъ героевъ и вызоветъ ихъ на новые подвиги.

Когда я пришелъ домой, мое маленькое, скромное дѣло, что дѣлалъ я въ осажденной крѣпости, всецѣло завладѣло мной.

На столѣ лежали гранки для двухъ цензуръ, гранки всего набраннаго матеріала; работа ждала меня.

Рядомъ, въ комнатѣ за стѣной стучитъ американка, на которой раньше печатались визитныя карточки, а теперь печатается номеръ газеты.

ПЕРСОНАЛЪ «НОВАГО КРАЯ», ОТБЫВШІЙ ОСАДУ ПОРТЪ-АРТУРА.

Средній рядъ: Корректоръ Б. И. Пузыревъ. Пом. ред. Н. Н. Веревкинъ. Сотр. И. С. Левитовъ. Ред.-изд. П. А. Артемьевъ. Секр. ред. П. П. Лассманъ. Метранпажъ А. С. Михайловъ.
Задній рядъ: И. д. фактора Н. В. Апрѣлевъ. Конторщ. Туренко и К. Н. Деулинъ. Наборщ. А. Х. Истоминъ и Ф. К. Коршуновъ. Зав. книжн. магаз. И. Т. Приходько. Наборщики А. И. Слуцкій и П. А. Ештокинъ. Эксп. Ф. М. Гавриловъ. И. д управл. типогр. М. С. Томаровичъ.
Нижній рядъ: Наборщ. И. С. Чихачевъ. Ученики: Ефиценко, Нероновъ, Вишня и Шикъ.

28 декабря.

Съ какой невѣроятной быстротой наступила развязка!

Случилось то, чего никто не ожидалъ, чего не могъ ожидать ни одинъ артурецъ. Все что было перенесено за девять мѣсяцевъ тѣсной осады, всѣ лишенія и горе, всѣ ужасы, что переносилъ Артуръ во имя славы Россіи,—все это вдругъ, въ одинъ день стало ненужной, лишней жертвой и послѣдняя позорная страница испортила всю лѣтопись геройской защиты.

Еще 19-го не вѣрилось, что это возможно; не вѣрилось, когда настойчивые слухи утверждали, что фактъ уже совершился, что все кончено.

Да и теперь, когда кругомъ японцы, когда наши войска уже отправлены въ Дальній, когда въ присутствіи иностраннаго принца въ стѣнахъ этой крѣпости былъ уже парадъ войскамъ побѣдителя, подчасъ въ забытьи ночи упрямый слухъ старается еще уловить знакомый звукъ летящихъ снарядовъ; такъ хотѣлось бы, чтобы дѣйствительность было кошмаръ, наваожденіе!

Вечеромъ 18-го числа былъ взорванъ минный городокъ. Рядъ послѣдующихъ потрясающихъ взрывовъ съ болью въ сердцѣ приписывался несчастному случаю или же, наконецъ таки, доброшенному непріятелемъ снаряду. Казалось еще новое испытаніе, усугубляющее тяжесть нашего положенія; но никто не могъ предполагать, что это начало позорнаго конца.

Японскія батареи молчатъ, а между тѣмъ то тамъ, то здѣсь видны какія то непонятныя вспышки. Ночное звѣздное небо озаряется какъ бы заревомъ далекихъ пожаровъ. Вотъ освѣтились контуры Золотой

горы; слышатся глухіе раскаты. Что то недоброе чуется во всемъ этомъ.

Это рвали орудія Электрическаго утеса.

Итакъ, все кончено...

Чувствуешь себя выбитымъ изъ колеи — точно вся цѣль вашего существованія исчезла, точно смыслъ жизни утратился; потеряно любимое, близкое, дорогое, всеобъемлющее васъ существо.

Какъ хотѣлось новыхъ ужасовъ, какъ хотѣлось новыхъ лишеній, какъ хотѣлось того, что идетъ наперекоръ желаніямъ человѣка.

Помню 22-го числа, наканунѣ вывода нашего гарнизона изъ Артура, пошелъ я утромъ со знакомымъ въ Старый Городъ. По всему нашему пути вся дорога была буквально усѣяна ружейными патронами цѣльными, неразстрѣлянными; они валялись и по штучно разбросанными, валялись обоймами, валялись даже цѣлыми пачками. На площади около зданія городской гостинницы стоялъ батальонъ японской пѣхоты, маленькіе желтые люди, въ желтыхъ вродѣ верблюжьей шерсти длинныхъ пальто, съ собачьими околышами на фуражкахъ, съ желтыми лисьими пристяжными воротниками. Они стояли въ рядахъ, но вольно. Маленькіе ихъ черные глаза съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на проходившихъ мимо нашихъ солдатъ и матросовъ, большею частью, не смотря на сравнительно ранній часъ, бывшихъ на веселѣ.

Не доходя моста насъ обогнали два японскихъ офицера на лошадяхъ; ихъ сабли въ металлическихъ ножнахъ ударяли по впалымъ бокамъ высокихъ, но изнуренныхъ лошадей; эти лошади имѣли болѣе печальный видъ, чѣмъ наши обозныя полковыя, доставшіяся теперь въ руки побѣдителей. За офицерами, ѣхавшими полевой рысью бѣжали двое вѣстовыхъ. Не знаю, по недостатку ли лошадей въ японской, осаждавшей Ар-

туръ арміи, или же это такъ сказать общій, установившійся порядокъ, но видъ бѣгущихъ сзади вѣстовыхъ какъ то рѣзалъ глазъ и не вязался съ общераспространеннымъ представленіемъ объ усвоенной японцами культурѣ.

Мы прошли мостъ, тѣмъ временнымъ нижнимъ настиломъ, что былъ сдѣланъ уже въ послѣднее время осады, чтобы непріятель не могъ видѣть передвиженія нашихъ войскъ и обозовъ между фортами и позиціями лѣваго и праваго фронтовъ обороны. Море было въ отливѣ. Изъ обмелѣвшей бухты высовывались почти наружу затопленныя полевыя орудія, ружья, артиллерійскіе снаряды и опять масса, невообразимая масса ружейныхъ патроновъ.

У переѣзда черезъ полотно желѣзной дороги японскіе часовые. Мы нагоняемъ японскаго офицера; онъ съ фотографическимъ аппаратомъ и на ходу снимаетъ все, что попадается на глаза; онъ снялъ и Гиляка перевернутаго вверхъ дномъ, и группу повстрѣчавшихся нашихъ пьяныхъ солдатъ и желѣзнодорожную больницу съ отбитымъ угломъ, и обгорѣвшіе вагоны, стоящіе на линіи, и несчастные полупогруженные броненосцы.

Повернувъ на набережную, мы услышали за собой грохотъ колесъ; мы поспѣшили посторониться; крупной рысью неслись 4 полевыхъ орудія, наши съ русскими буквами на передкахъ, запряженныя нашими крѣпкими, круглыми лошадьми, на лошадяхъ сидѣли ѣздовые и уносные фейверкера—японцы.

Какъ это все было больно, какъ было обидно видѣть все это!

Идя Старымъ Городомъ, вдоль развалинъ Пушкинской улицы, мы наталкиваемся премущественно на группы японскихъ матросовъ; эта часть города, какъ портъ, вѣроятно въ воздаяніе за нападеніе на Артуръ съ моря занято японскимъ дессантомъ. Какъ оказы-

вается, моряки, хотя и въ незначительномъ количествѣ, но все же принимали участіе въ осадѣ крѣпости и съ сухопутнаго фронта.

Мы подходимъ къ дому, въ которомъ жилъ еще не такъ давно мой знакомый. Одно время, когда одиннадцатидюймовки заставили покинуть меня Перепелочную гору, я нашелъ пріютъ у него на этой же квартирѣ. Она и для меня была связана съ воспоминаніями пережитаго совмѣстно за дни нескончаемыхъ бомбардировокъ Артура.

Обыкновенно запертая на глухо наружная дверь, выходившая на улицу (здѣсь до войны находился японскій магазинъ) была настежъ отворена; около двери толпилось много японскихъ солдатъ; стояли двѣ или три японскихъ двуколки, а надъ дверями былъ вывѣшенъ японскій флагъ.

Мы вошли внутрь. Въ квартирѣ хозяйничали японскіе солдаты. Оказывается устраиваютъ центральную телефонную станцію; шумный говоръ, удары молотковъ по вколачиваемымъ гвоздямъ, проба телефонныхъ звонковъ, постоянно входящіе и выходящіе солдаты. Мы проходимъ въ слѣдующую комнату. Здѣсь, у письменнаго стола моего знакомаго человѣкъ пять или шесть японцевъ разсматриваютъ оставленныя на столѣ вещи, а нѣкоторые стараются выдвинуть запертые на замокъ ящики. На насъ смотрятъ косо, не довѣрчиво, но никакихъ мѣръ къ выдворенію насъ принять видимо не рѣшаются. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ на лицахъ насъ даже пропускаютъ къ столу. Когда мой знакомый отперъ находившимся при немъ ключемъ ящики стола, то японскіе солдаты очевидно сообразили, что это хозяинъ квартиры или во всякомъ случаѣ человѣкъ, имѣющій нѣкоторыя права распоряжаться въ ней.

Отношеніе ихъ къ намъ измѣнилось и недовѣрчивость на ихъ лицахъ исчезла. Безпрепятственно мы вынули нѣкоторыя нужныя бумаги и мелкія вещи, но

когда они увидѣли фотографическія карточки, то сразу нѣсколько рукъ протянулись къ намъ. Мой знакомый отобралъ два или три вида разрушенныхъ артурскихъ зданій и отдалъ имъ. Послышалось какъ бы змѣиное шипѣнье, японцы втягивали въ знакъ благодарности въ себя воздухъ и изгибались въ поклонахъ.

Затѣмъ изъ книжнаго шкапа мы отобрали нѣсколько книгъ. Кое какъ при посредствѣ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ словъ удалось мнѣ объяснить, что мы желали бы взять всѣ отобранныя нами вещи и можно ли это сдѣлать. Появился японскій унтеръ-офицеръ; кивкомъ головы онъ далъ соотвѣтствующее разрѣшеніе.

Слишкомъ тяжело и обидно становилось намъ ихъ общество и мы поспѣшили уйти.

Нагруженные случайно вырученными вещами идемъ мы молча; не хочется дѣлиться впечатлѣніями потому что оба мы сознаемъ, что впечатлѣнія наши одинаковы, тождественны.

Обѣдать заходимъ къ знакомымъ. Разговоръ кружится около скораго отъѣзда, строимъ планы, кто куда, на Ллойдѣ ли, или на Messagerie, какъ пріятно будетъ встрѣтиться въ Россіи. О сдачѣ, о позорной сдачѣ только не упоминается; какъ бы съ молчаливаго согласія всѣхъ этотъ пунктъ обходится.

Пока мы сидимъ еще въ ожиданіи скораго обѣда, входитъ, опираясь на палку и волоча раненую ногу поручикъ Ф., бывшій комендантъ форта № 2, форта на которомъ былъ убитъ генералъ Кондратенко. Ф. былъ раненъ тогда же.

Онъ садится на стулъ, вытягивая раненую ногу; шея его обвязана. Онъ сейчасъ изъ госпиталя Краснаго Креста; онъ выписался послѣ большихъ хлопотъ, такъ какъ его раны еще не закрылись, что бы завтра быть на сдаточномъ пунктѣ подъ пятымъ фортомъ, что бы слѣдовать оттуда въ Японію съ своими солдатами.

— „Вѣдь это же безразсудно, говоритъ хозяйка, она была сама добровольной сестрой милосердія; какъ же можно съ незакрывшимися еще ранами ѣхать въ Дальній: вамъ надо еще лежать.“

— „Ничего, Богъ дастъ вынесемъ, говоритъ смѣясь поручикъ; не хочется оставаться, когда всѣ наши уходятъ.“

Я смотрю на него и невольно щемитъ мое сердце. Мнѣ становится обидно за этого настоящаго героя. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ онъ былъ комендантомъ форта № 2, я изрѣдка встрѣчалъ его, онъ рѣдко съѣзжалъ съ форта; онъ часто разсказывалъ про то, что дѣлаютъ японцы, что дѣлаютъ его солдаты, но про себя онъ никогда не говорилъ, хотя другіе говорили о немъ часто, много, порой какъ бы съ нѣкоторой завистью, порой съ нескрываемымъ восхищеніемъ передъ его хладнокровіемъ, выдержкой, храбростью.

Я смотрѣлъ и повторяю, мнѣ становилось обидно за него, обидно, что позорный конецъ Артура своей страшной черной тѣнью затемнитъ и его, затемнитъ и ему подобныхъ героевъ защиты.

Позоръ сдачи заставитъ въ глазахъ большинства, если не всѣхъ, завянуть тотъ лавровый вѣнокъ, что заслужили эти люди; часть листьевъ изъ этого вѣнка опадутъ, опадутъ незаслуженно.

И думалось мнѣ, что обязанность насъ всѣхъ, случайно оставшихся живыхъ свидѣтелей обороны Артура сказать тамъ, въ Россіи, все что мы здѣсь видѣли, все что здѣсь было, чтобы изъ общаго комка грязи, которыми заканчивается лѣтопись Артурскаго сидѣнья, выдѣлить то, что неповинно, непричастно къ ней. Пусть же низкій поступокъ генералъ-адьютанта Стесселя и его присныхъ всей своей тяжестью ляжетъ на него и не затемнитъ собою то, что должно составить гордость нашей арміи.

Будемъ же требовать суда надъ нимъ, суда гласнаго, открытаго, съ пролитіемъ возможно полнаго свѣта на все, что творилось въ Артурѣ со времени его отрѣзанія отъ міра, со времени диктатуры Стесселя.

Человѣкъ, который въ приказѣ о сдачи крѣпости пишетъ—„великій Государь нашъ и дорогая родина не будутъ судить насъ“, этими самыми словами выдалъ себя съ головой. Тотъ, кто правъ не боится суда и если бы генералъ Стессель былъ правъ, сдавая крѣпость, то и въ приказѣ объ этомъ онъ сказалъ бы совершенно противуположное, онъ сказалъ бы прямо—„я сдаю крѣпость, пусть судятъ меня за это Царь и Россія“.

Во имя изстрадавшагося Артура судъ надъ генераломъ Стесселемъ необходимъ!

Когда мы возвращались домой, въ Новомъ Городѣ намъ пришлось проходить мимо складовъ торговаго дома Чурина. Наши солдаты грабили его.

Вечеромъ по направленію къ торговымъ рядамъ стояло громадное зарево. То горѣли казармы. Японцы захватили на поджогѣ шесть нашихъ солдатъ и тутъ же разстрѣляли ихъ.

1905 годъ.

15 января.

Тюрьма, другого названія нельзя даже придумать.

На входныхъ дверяхъ русская надпись „Контора для плѣна.“ На разстояніи шаговъ около ста въ одну и другую сторону отъ входа въ это большое кирпичное еще не оконченное зданіе, куда насъ загнали, стоятъ часовые и дальше не пускаютъ.

Мы томимся здѣсь уже пятый день.

Днемъ рѣже, а по вечерамъ ежеминутно входятъ японскіе солдаты. Нисколько не стѣсняясь они подходятъ и смотрятъ, что вы дѣлаете, чѣмъ заняты; они останавливаются рядомъ съ вами; нѣкоторые, какъ бы убѣдившись въ вашей платежной способности, вынимаютъ изъ подъ полы своихъ желтыхъ пальто бутылку японской водки, пива, или шанхайскаго хереса, какъ значится на этикетѣ; другіе просто прислушиваются къ вашему разговору; одинъ молоденькій приходитъ обязательно съ записной книжкой, и подсаживаясь то къ одному, то къ другому изъ заключенныхъ, начинаетъ разспрашивать, какъ по русски карандашъ, чашка, часы, ножикъ и т. д., однимъ словомъ все, что попадаетъ на глаза; онъ все это записываетъ японскими знаками въ свою книжку; вѣроятно его соблазняетъ положеніе переводчиковъ при арміи и онъ мечтаетъ сдѣлаться имъ. Если вы читаете книгу или отъ скуки играете въ карты, то не удивляйтесь увидѣть за частую за вашимъ плечемъ японскую физіономію. Если япон-

скій солдатъ видитъ на вашемъ жилетѣ цѣпочку, то онъ не стѣсняясь лѣзетъ въ вашъ карманъ за часами; въ случаѣ отпора и при отсутствіи въ вашихъ жестахъ особой предупредительности исполнить его желаніе, на лицѣ его вы можете прочесть неподдѣльное изумленіе, обыкновенно сопровождаемое нѣсколькими словами на непонятномъ вамъ языкѣ; вѣроятно нелестныя слова по вашему адресу о недостаточной вашей культурности.

Это Дальній, тотъ самый Дальній, о которомъ въ Артурѣ намъ говорили японцы: „мы ничего не можемъ, мы здѣсь люди военные, мы пришли воевать и никакихъ точныхъ свѣдѣній къ сожалѣнію вамъ дать не можемъ; когда пріѣдете въ Дальній, все узнаете: тамъ вамъ все разъяснятъ; тамъ введено уже гражданское управленіе и конечно вы найдете полное содѣйствіе всѣмъ вашимъ законнымъ требованіямъ".

Съ одной стороны полное игнорированіе мирныхъ жителей при заключеніи капитуляціи, съ другой не менѣе полная индифферентность гражданскихъ властей поспѣшившихъ тотчасъ же послѣ сдачи суммъ и всѣхъ бумажныхъ дѣлъ оставить Артуръ и, наконецъ, какъ противовѣсъ, увѣренія японцевъ, что въ Дальнемъ мы найдемъ если не Эльдорадо, такъ по крайней мѣрѣ уже строгій, установившійся порядокъ — дѣлаютъ вѣроятно понятнымъ то чувство радости, съ которымъ прочли мы рано утромъ 7 января слѣдующее объявленіе:

„Сверхъ допускавшагося до сихъ поръ выѣзда мирныхъ жителей изъ города Портъ-Артура исключительно изъ Голубиной бухты съ сегодняшняго числа кромѣ того еще разрѣшается выѣхать черезъ городъ Дальній. Желающіе выбрать этотъ путь должны заявить объ этомъ въ жандармское управленіе стараго или новаго города (бывшіе полицейскіе участки). Послѣ осмотра багажа уѣзжающихъ жителей они могутъ отправиться на станцію Чинлиндзе, на 19-ой верстѣ, откуда они будутъ увезены въ городъ Дальній по желѣзной дорогѣ.

Изъ Дальняго будутъ ходить пароходы въ Портъ-Чифу. Административный Комитетъ Императорской японской арміи". Къ объявленію была приложена печать, а затѣмъ красными чернилами была сдѣлана приписка: „отправляющіеся по этому пути не слѣдуетъ платить за перевозку до Чифу".

Затѣмъ шло еще примѣчаніе: — „На дняхъ будетъ особенно много пароходовъ".

Понятно, какъ манилъ насъ къ себѣ Дальній.

Любезный переводчикъ въ жандармскомъ управленіи объяснилъ все, что надо. Разрѣшенія на выѣздъ даны, багажъ въ управленіе доставлять не надо, черезъ часъ будутъ присланы на домъ жандармы для осмотра вещей, а затѣмъ на 19 версту необходимо быть къ 1 часу дня, такъ какъ поѣздъ въ Дальній идетъ около 2—3 часовъ.

Съ нѣмецкой пунктуальностью черезъ часъ пришли два жандарма. Они наклеили ярлыки на вещи, сдѣлавъ лишь видъ, что осматриваютъ содержащееся въ сундукахъ. Отъ денегъ, предложенныхъ имъ по окончаніи осмотра, предложенныхъ чисто инстинктивно въ силу усвоенной нами чуть ли не съ дѣтства привычки, они отказались. Тотъ же инстинктъ впрочемъ подсказалъ, что есть и другой способъ выраженія благодарности; отъ бутылки рома они не отказались, и любезность за любезность, одинъ изъ нихъ тайкомъ отъ другого передалъ нѣсколько запасныхъ ярлыковъ на всякій случай; другой также тайкомъ отъ перваго сдѣлалъ тоже.

Все было готово.

Долго не спалось мнѣ эту ночь. Завтра въ 5 ч. утра я оставляю Артуръ, гдѣ случайно пришлось мнѣ пробыть всю осаду, съ которымъ невольно сроднился, въ которомъ видѣлъ я столько горя людскаго, столько человѣческой крови, столько нечеловѣческихъ страданій.

Было еще темно, когда пришли китайскія арбы подъ вещи. Около 7 ч. утра мы тронулись въ путь; сзади и съ боку арбъ шли мы, девятнадцать человѣкъ, точно странствующіе актеры, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ.

Не смотря на январь мѣсяцъ, погода была почти лѣтняя, солнце свѣтило ярко и тепло, да и на душѣ, кажется, первый разъ послѣ капитуляціи Артура, не то чтобы было радостно, но точно какъ бы полегчало. Чувство горечи оставленія Артура отходило на задній планъ передъ впечатлѣніемъ послѣднихъ дней пребыванія среди японцевъ-побѣдителей.

Не доходя моста изъ Новаго города къ станціи желѣзной дороги, мы свернули влѣво, дорога шла лощиной, огибая Соборную гору. Мы миновали заводъ Ноюкса, миновали порванную во многихъ мѣстахъ линію нашихъ проволочныхъ загражденій, миновали наши передовые окопы. Вотъ уже сзади видны по правую руку безформенныя очертанія фортовъ № 2 и № 3, а по лѣвую еще стройные, грозно очерченные контуры фортовъ 4 и 5, доставшихся неприкосновенными въ руки непріятеля.

На пути встрѣчаются груженыя, японскія двуколки, длинные обозы движутся по направленію къ Артуру; ѣдутъ также и китайскія арбы съ курами, съ яйцами, съ лохматыми, продолговатыми кочанами китайской капусты. Вотъ линія передовыхъ японскихъ окоповъ, земляная насыпь обращена въ сторону крѣпости, и валъ на нихъ, да и самый ровъ идетъ не прямыми полосами а зигзагами. На небольшомъ разстояніи отъ окоповъ змѣится узенькая колея дековильки; она протянулась, какъ видно, отъ Голубиной бухты или можетъ быть отъ бухты Лунзы къ Тахэ.

Проходимъ деревню Шуйшуинъ; почти ни одного цѣльнаго дома, всѣ фанзы разбиты. Вотъ китайская кумирня, безъ крыши. На пробитыхъ, мѣстами

обрушившихся стѣнахъ съ внутренней ихъ стороны китайскія фрески, безъ тѣней, одни очертанія, одни ярко обрисованныя контуры; что то прорафаэлитское сквозитъ въ этой сухой, не признающей перспективы китайской живописи.

Шуйшуинъ разрушенъ нашими снарядами; мѣстами видны крупные осколки, мѣстами же лежитъ и цѣльный неразорвавшійся снарядъ нашей двѣнадцатидюймовки съ броненосцевъ.

Вотъ тамъ Куинсанъ; дорога огибаетъ подножье горы и поворачиваетъ лощиной вправо. Шагахъ въ 50 отъ дороги два высокихъ, большихъ въ своихъ основаніяхъ холма, какъ бы двѣ маленькія сопки. Мѣстами изъ подъ оползшей по бокамъ холмовъ земли видны высунувшіеся наружу полуистлѣвшіе, расползшіеся холщевые мѣшки, набитые человѣческими трупами.

Идемъ дальше.

На склонѣ небольшого холма двѣ свѣжія могилы; каменныя доски стоймя, съ японскими знаками, написанными въ вертикальный столбецъ, у изголовья каждаго изъ холмовъ, а кругомъ нихъ ограда изъ цѣльныхъ, неразорвавшихся шестидюймовыхъ гранатъ. Какъ потомъ, въ Дальнемъ, я узналъ—это мѣсто временнаго погребенія двухъ сыновей Ноги, убитыхъ подъ Артуромъ.

На встрѣчу намъ ѣдетъ блестящая кавалькада, человѣкъ двадцать, въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ. Всадники съ любопытствомъ на лицахъ смотрятъ на наше шествіе, похожее, какъ я уже сказалъ, на группу странствующихъ артистовъ; мы также всматриваемся въ нихъ. До меня долетаютъ отдѣльныя нѣмецкія и французскія слова. Это военные агенты. Только теперь дано имъ разрѣшеніе на посѣщеніе Артура. Предусмотрительные японцы не желали показать имъ закулисную сторону закончившейся такъ позорно для насъ трагедіи и позволили имъ проѣхать въ заня-

тую крѣпость лишь теперь, 9-го января (22-го января н. ст.), послѣ того, какъ всѣ войска наши выведены, да и изъ мирныхъ жителей ушла добрая половина.

Вотъ и станція Чинлиндзе.

Двѣнадцать, начало перваго.

Мы застаемъ довольно много народа, не мало знакомыхъ. Отъ нихъ мы узнаемъ, что сегодня поѣзда на Дальній не будетъ. Во всю длину временной станціонной платформы стоятъ близко, поставленныя вплотную другъ къ другу, снятыя съ передковъ полевыя японскія орудія, съ своими длинными, узкими жерлами, опущенными къ низу. Оказывается ихъ сейчасъ будутъ грузить; ихъ отправляютъ на сѣверъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ Артура.

Намъ придется ждать.

Мы волнуемся.

Перспектива провести ночь чуть не подъ открытымъ небомъ, въ этомъ циновочномъ, наскоро сколоченномъ сараѣ, съ окнами изъ бумаги замѣняющей стекла, вмѣсто того, чтобы провести ее въ заманчивомъ, такъ манившемъ къ себѣ Дальнемъ, казалось намъ далеко не привлекательной.

На станціи оказывается одинъ изъ наиболѣе любезныхъ Артурскихъ переводчиковъ, нѣкто Такусима. Онъ очень радъ насъ видѣть. Мы приглашаемъ его къ себѣ, т. е. къ нашимъ сундукамъ подъ навѣсъ сарая. Мы располагаемся на вещахъ и за рюмкой вина ведемъ съ нимъ бесѣду.

По японскому обыкновенію онъ старается быть любезенъ, главное по возможности ничему не противорѣчить, ни въ чемъ не отказывать, все обѣщаетъ, что только въ его силахъ, а силъ мы предполагаемъ въ немъ много.

Дѣйствительно поѣзда сегодня не будетъ, хотя онъ отлично понимаетъ, что ночевать здѣсь не особенно

удобно и было бы пріятнѣе въ Дальнемъ, но къ сожалѣнію, дѣла такъ сказать военнаго свойства на первомъ планѣ и въ виду спѣшной отправки артиллеріи поѣздъ на Дальній сегодня отмѣненъ. За то вмѣсто завтрашняго дневного намъ будетъ предоставленъ поѣздъ утромъ и мы уже къ 10. много 11 часамъ, утра будемъ въ Дальнемъ.

Впрочемъ, онъ начинаетъ какъ бы сдаваться на наши доводы, при чемъ не забываетъ похвалить и наше вино; человѣка три или четыре могли бы, можетъ быть, проѣхать въ Дальній съ нимъ; часа въ 3 будетъ служебный поѣздъ, хотя поѣздка эта по его мнѣнію и не вызывается необходимостью, напрасно мы безпокоимся о квартирахъ, гостинницѣ и т. д., все это будетъ намъ предоставлено отъ японскаго правительства. Тѣмъ не менѣе онъ постарается исполнить наше желаніе, и если возможно, то для 3 или 4 изъ насъ похлопочетъ о проѣздѣ на служебномъ поѣздѣ.

Вотъ подошелъ и пробный, первый изъ Артура поѣздъ; это былъ маленькій паровозикъ и одинъ маленькій, весь изъ оконъ, вагонъ.

Я былъ въ числѣ тѣхъ четырехъ счастливцевъ, которымъ удастся проѣхать въ Дальній сегодня же.

Я немного замѣшкался съ своимъ багажемъ. Когда я бѣжалъ уже по платформѣ, я услышалъ свистокъ маленькаго паровоза, вотъ я уже у вагона, но каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ и остальныхъ трехъ моихъ спутниковъ стоящими со своими вещами на платформѣ; лица у нихъ странныя, недоумѣвающія; а изъ одного изъ оконъ мимо движущагося вагона мнѣ видно улыбающееся лицо раскланивающагося Такусимы.

Что же случилось?

Да ничего больше, какъ только то, что это были лишь одни обѣщанія. Японская система не противо-

рѣчитъ, своего рода „непротивленіе злу“ и дѣланіе по своему.

Вечеромъ въ 11 часовъ, какъ оказывается, долженъ быть еще одинъ поѣздъ. Помощникъ начальника станціи говоритъ по французски. И онъ, какъ японецъ, очень любезенъ и предупредителенъ. Онъ соглашается со мной, что ждать здѣсь на полустанкѣ, когда есть возможность попасть сегодня же въ Дальній, очень непріятно, но лично онъ ничего не можетъ сдѣлать. Онъ можетъ только снестись съ Артуромъ, что онъ сейчасъ же и сдѣлаетъ при мнѣ по телеграфу.

Мы вошли въ маленькій, сколоченный изъ циновокъ сарайчикъ; тутъ помѣщался телеграфъ и телефонная станція. Онъ велѣлъ подать мнѣ стулъ. Два или три телеграфныхъ аппарата работало. Мой любезный японецъ подошелъ къ телефону, позвонилъ, что то сказалъ, опять позвонилъ и началъ съ кѣмъ то говорить.

Разговаривалъ ли онъ съ Артуромъ или съ Нангалинымъ и если съ Артуромъ, то съ жандармскимъ ли управленіемъ, отъ котораго по его словамъ зависѣло разрѣшеніе, или же просто это былъ дружескій разговоръ съ начальникомъ Артурской желѣзнодорожной станціи, но только черезъ три или четыре минуты телефоннаго собесѣдованія, онъ ломаннымъ французскимъ языкомъ заявилъ, что къ сожалѣнію разрѣшенія не послѣдовало и что волей не волей мнѣ придется ожидать завтрашняго утра. Завтра поѣздъ уйдетъ въ 8 часовъ и къ 11 мы будемъ въ Дальнемъ.

Было уже поздно и замѣтно темнѣло. Небо заволокло сплошными тучами, вмѣсто дневного тепла и яркаго солнца, наступалъ холодъ зимней ночи; поднялся рѣзкій холодный вѣтеръ и чувствовался надвигающійся морозъ. Въ сараѣ размѣстились пришедшіе съ утра; снаружи, на вещахъ, на чемоданахъ, на сундукахъ расположились тѣ, кто пришелъ позже; среди нихъ были и женщины, были и дѣти. Въ сараѣ царила полутьма;

кое гдѣ мерцали одинокія свѣчи въ бутылкахъ; на стѣнахъ висѣло два или три масляныхъ фонаря, почти не дававшихъ свѣта. Большинство уже лежало на импровизированныхъ постеляхъ изъ сундуковъ.

Скоро легъ и я. Циновка — стѣна сарая холодила мнѣ бокъ и спину; надъ головой отъ крѣпчавшаго порывистаго вѣтра бумага въ окнѣ шелестила. Не смотря на холодъ, вѣроятно благодаря раннему уходу изъ Артура и 25-ти верстному моціону, послѣ пертурбацій дня, я скоро уснулъ.

Сѣрое съ вѣтромъ, холодное, скверное утро.

У временнаго станціоннаго помоста стоятъ 10 товарныхъ платформъ; вагоновъ не полагается; это поѣздъ для насъ. Размѣщались тѣсно и неудобно; ѣдущихъ набралось до 300 человѣкъ. Кое какъ изъ нашихъ вещей стараемся мы сдѣлать хоть маленькую защиту отъ пронизывающаго встрѣчнаго вѣтра. Поѣздъ двинулся. Не смотря на медленный его ходъ, руки и лицо коченѣютъ отъ холода и большинство согрѣваются на продолжительныхъ остановкахъ въ Инченцзы и Нангалинѣ и бѣгаютъ взадъ и впередъ по платформѣ размахивая руками. „Надняхъ будетъ особенно много пароходовъ“, вспоминаешь заманчивое оффиціальное объявленіе и въ этой надеждѣ миришься съ дѣйствительностью.

Вотъ Таліенванъ; вотъ наконецъ и Дальній!

Спѣшу среди толпящихся на дебаркадерѣ японскихъ солдатъ и китайскихъ кули увидѣть знакомую форму переводчика. Въ отличіе отъ Артурскихъ онъ оказывается крайне грубъ и не разговорчивъ. Онъ первымъ дѣломъ заявляетъ, что въ городъ нельзя до соблюденія нѣкоторыхъ формальностей. Попытались было мы вдвоемъ съ однимъ знакомымъ вопреки этому категорическому заявленію пройти со станціи; но японскій часовой протянулъ передъ нами поперекъ ружье и пришлось смириться.

Съ нашихъ платформъ сгруживали вещи. Солдаты и кули помогали пріѣхавшимъ.

Черезъ полчаса мы увидѣли, что дорога въ городъ свободна, что часового, преградившаго намъ путь уже больше нѣтъ. Надо спѣшить, чтобы занять гдѣ нибудь номеръ и узнать, нѣтъ ли сегодня парохода на Чифу.

Едва поднялись мы по деревянному помосту, что ведетъ со станціи въ городъ, какъ попадаемъ въ какой то проволочный лабиринтъ. Идя вдоль этихъ проволочныхъ загражденій, какъ бы кружащихся на одномъ мѣстѣ, и недоумѣвая передъ назначеніемъ этого лабиринта мы попадаемъ въ какой то видимо временный, на скорую руку сколоченный сарай. Человѣкъ 20 шли тѣмъ же лабиринтомъ передъ нами. По срединѣ зданія, гдѣ оканчивается лабиринтъ, стоитъ группа японцевъ, человѣкъ пять. Насъ останавливаютъ, одинъ изъ нихъ показываетъ намъ языкъ, приглашая очевидно и насъ показать ему свой, у нѣкоторыхъ щупаютъ пульсъ, у нѣкоторыхъ по русски спрашиваютъ „здоровъ?“ и пропускаютъ дальше. Оказывается, это карантинный осмотръ. Къ чему, зачѣмъ? Вѣдь мы всѣ изъ Артура, гдѣ, какъ извѣстно японцамъ, никакихъ заразныхъ болѣзней не было и нѣтъ! Чего могъ достичь подобный осмотръ, если бы даже и попался среди трехсотъ пріѣхавшихъ случайный больной съ какой либо эпидемической болѣзнью?

Вотъ, очевидно тѣ формальности, о которыхъ заявилъ мнѣ несловоохотливый переводчикъ.

Наконецъ то мы на свободѣ!

Но едва сдѣлали мы двадцать или тридцать шаговъ и вышли изъ широкихъ воротъ временнаго зданія, какъ опять таки японскіе солдаты съ ружьями преграждаютъ намъ дорогу. Здѣсь уже собралось насъ русскихъ человѣкъ пятьдесятъ.

— „Да что же это такое?“ слышется всюду одинъ и тотъ же негодующій вопросъ.

— „По тетыре, по тетыре“, какъ бы въ отвѣтъ раздается команда японскаго унтеръ-офицера, очевидно обращенная къ намъ.

Мы недоумѣваемъ. Японскіе солдаты хватаютъ насъ за рукава, за плечи, строятъ насъ по четыре въ рядъ; женщинъ выдѣляютъ въ отдѣльную группу. Затѣмъ разъ пять, если не больше, пересчитываютъ. Насъ набралось человѣкъ 80, наконецъ два солдата съ ружьями впереди, по солдату съ боковъ и сзади и передъ нами отодвигается деревянная перекладина, преграждавшая намъ выходъ. Насъ ведутъ. Куда? Не знаемъ. Ведутъ куда то подъ конвоемъ; вѣроятно опять какія нибудь формальности. Едва мы сдѣлали шаговъ 50, какъ ряды нашего импровизированнаго отряда сбились. Насъ останавливаютъ, опять раздается команда „по тетыре“ и опять мы двигаемся.

Ведутъ насъ черезъ весь Дальній. Во время пути исполнительный унтеръ-офицеръ, которому было вручено командованіе надъ нами, раза четыре или пять водворяетъ порядокъ и перестраиваетъ сбившіеся ряды. Одинъ разъ онъ даже сдѣлалъ было попытку заставить насъ идти въ ногу, но стараніе его не увѣнчалось успѣхомъ и не смотря на всѣ его труды, послѣ получасовой прогулки, мы все же нестройной толпой подходимъ къ какому то большому, двухэтажному каменному зданію, еще неоконченному и очевидно лишь теперь приспособленному японцами для временнаго жилья.

Это и есть наша теперешняя тюрьма, неоконченное зданіе реальнаго и техническаго училищъ.

У входа виситъ вывѣска „контора для плѣна“.

Прошло около часа послѣ нашего прихода; спросить или объясниться было не съ кѣмъ; солдаты были грубы, смотрѣли недружелюбно и держали насъ

въ скученной толпѣ. Наконецъ вынесли на улицу столъ и два стула; скоро появился японскій офицеръ и переводчикъ, они сѣли и началась перепись всѣхъ насъ, пригнанныхъ сюда. Къ этому времени со станціи пригнали въ два или три пріема и остальныхъ прибывшихъ одновременно съ нами.

Перепись подвигалась крайне медленно; офицеръ не торопился; переводчикъ по нѣсколько разъ спрашивалъ имя, отчество, фамилію, званіе, родъ занятій и уроженецъ какой мѣстности Россіи. Запись крестьянъ шла сравнительно быстрѣе, но чуть подходившій къ столику заявлялъ, что онъ мѣщанинъ или дворянинъ, то возникали недоразумѣнія; переводчикъ настаивалъ на указаніи уѣзда и деревни; упоминаніе города или губерніи казалось ему не достаточнымъ и въ умолчаніи названія деревни онъ видѣлъ, если не что нибудь подозрительное, то во всякомъ случаѣ что то непонятное. Съ однимъ изъ записавшихся, заявившимъ себя мѣщаниномъ г. Старой Руссы онъ особенно долго возился и положительно не могъ ничего понять.

— „Русскій, русскій, твердилъ онъ ему, надо сказать деревня“. Названіе старорусскій мѣщанинъ онъ очевидно понималъ лишь въ смыслѣ утвержденія, что стоящій передъ нимъ русскій, а не итальянецъ или китаецъ, и не успокоился, пока тотъ не сказалъ названіе первой ему пришедшей на умъ деревни.

Прошло не меньше двухъ часовъ, пока офицеръ и переводчикъ озябли на улицѣ; только когда холодъ и вѣтеръ дали имъ себя знать, они сообразили, что перепись можно произвести и внутри зданія, гдѣ оказались широкіе, просторные корридоры вполнѣ отвѣчавшіе въ смыслѣ помѣщенія для производства этой работы.

Когда переписанныхъ набиралось двадцать человѣкъ, то ихъ пропускали внутрь помѣщенія.

Нижнимъ корридоромъ, какъ я уже сказалъ окаймлявшимъ все зданіе, приходилось идти мимо дверей, на каждой изъ которыхъ были сдѣланы по русски надписи на особыхъ дощечкахъ; на первой была надпись „для дамъ“, на второй „для женщинъ“, на третьей „санитарный департаментъ“. Какъ потомъ оказалось, надписи „для дамъ“ и „для женщинъ“ далеко не означали того, что связывается въ нашемъ представленіи при чтеніи подобныхъ надписей на тѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ, куда не мѣшало бы хоть изрѣдка заглядывать чинамъ „санитарнаго департамента“, если подобный существовалъ у насъ. Оказалось, что это такія же палаты для заключенныхъ, какъ и наша, но только для лицъ женскаго пола. Санитарный же департаментъ оказался, не смотря на свое громкое названіе, не больше какъ пріемнымъ покоемъ, гдѣ дѣйствительно ежедневно бывалъ докторъ и фельдшера и всѣмъ нуждавшимся подавали безвозмездно необходимую медицинскую помощь.

Какъ я сказалъ, когда переписанныхъ набиралось двадцать человѣкъ, ихъ вели внутрь зданія и въ комнатѣ, куда ихъ вводили, имъ сейчасъ же выдавали на каждую такую партію три большихъ банки корнбифа, по три или по четыре кочана китайской капусты и по большой жестянки японскихъ галетъ, къ стати сказать, очень вкусныхъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда перепись была окончена.

Я, въ числѣ другихъ, попалъ хотя въ большую комнату, но наша партія въ ней была уже третья, такъ что насъ оказалось шестьдесятъ человѣкъ.

Голыя, неоштукатуренныя стѣны комнаты были непривѣтливы; большіе прорѣзы венеціанскихъ оконъ были наскоро заложены однимъ рядомъ кирпичей и для свѣта были оставлены лишь незначительныя квадратныя окна; 2 чугунныхъ печки съ проведенными отъ

нихъ въ окно трубами были единственнымъ убранствомъ нашего помѣщенія, если не считать еще рядъ полокъ шедшихъ кругомъ всей комнаты и рядъ близко наколоченныхъ гвоздей подъ этими полками; полъ былъ устланъ циновками. Ни лавокъ, ни наръ, ни табуретки или стола въ комнатѣ не было.

Къ вечеру были доставлены съ вокзала на китайскихъ арбахъ наши вещи. Менѣе громоздкія можно было взять въ помѣщеніе, другія же предоставлялось намъ размѣстить въ корридорѣ или же оставить на улицѣ у входа, гдѣ стоялъ часовой; цѣлость ихъ, по заявленію переводчиковъ, была вполнѣ гарантирована присутствіемъ послѣдняго.

Въ городъ ходить никому нельзя и когда уѣдемъ въ Чифу неизвѣстно.—Вотъ все что мы узнали опредѣленнаго въ „конторѣ для плѣна".

Такъ встрѣтилъ насъ Дальній. Да, это было не то временное, военное управленіе Артура, гдѣ если нельзя было ничего добиться, то во всякомъ случаѣ всѣ были любезны и свобода вашей личности не подвергалась тѣмъ грубымъ, ничѣмъ не вызваннымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, что ждала насъ здѣсь при установившемся уже постоянномъ японскомъ режимѣ. Здѣсь ненужныя маски любезности были сброшены; все на что мы могли только разсчитывать—даровое помѣщеніе, даровая кормежка, которая конечно въ тридорого будетъ поставлено на счетъ нашему правительству. Чего же мы могли ожидать больше!

Солнце всходитъ и заходитъ,

А въ тюрьмѣ моей темно...

Соединеніе ночлежки съ острожными порядками; шестьдесятъ, на другой день къ намъ помѣстили еще одну партію и насъ оказалось восемьдесятъ, загнанныхъ въ одну комнату, спящихъ въ повалку на полу, на циновкахъ. Вечеромъ, когда всѣ лягутъ,нельзя пройти до двери въ корридоръ, что бы не наступить на чью нибудь

голову, руку или ногу. Съ пяти часовъ утра въ остуженной за ночь не смотря на все количество ночлежниковъ, комнатѣ начинается неистовый кашель на всѣ тоны и лады; кто поближе къ печкѣ начинаетъ ее затапливать; мало по малу всѣ встаютъ; въ корридорахъ стоятъ большія лохани, тутъ же въ родѣ нашихъ ушатовъ; вода на дворѣ въ колодцѣ; скользкія обледенѣлыя отъ расплесканной воды ступени лѣстницы, ведущей въ нижній этажъ, не позволяютъ идти скоро и васъ пронизываетъ со всѣхъ сторонъ вѣтеръ изъ постоянно открывающейся входной двери. Въ 11 часовъ идетъ раздача пищи, обыкновенно въ жестянкахъ изъ подъ галетъ; капуста и корнбифъ — получается что то вродѣ щей. А главное—это томительное бездѣйствіе, неизвѣстность будущаго и прикованность къ одному мѣсту. Впрочемъ, можно безпрепятственно бродить по корридорамъ; можно даже заходить къ знакомымъ, въ другія палаты для заключенныхъ; даже больше, можно выходить на улицу и передъ домомъ гулять на протяженіи 200—300 шаговъ отъ одной пары часовыхъ до другой.

Въ корридорѣ встрѣчаю я двухъ представительницъ прекраснаго пола; обѣ иностранныя подданныя, обѣ не прекращавшія во время осады въ Артурѣ приносить свои жертвы великой античной богинѣ.

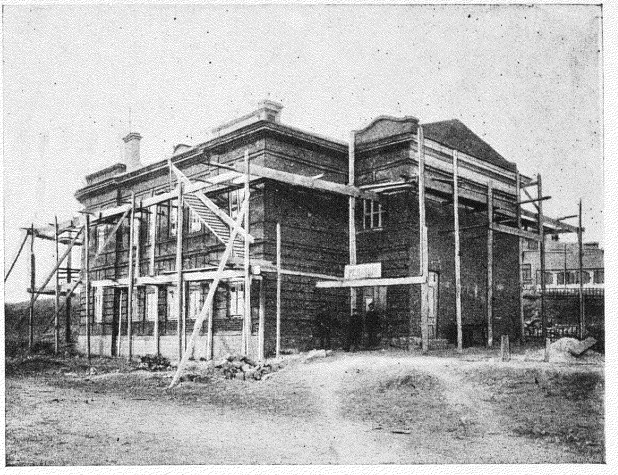
— „Mais ça n'a pas de nom, il y a de quoi protester“, возмущается брюнетка.

— „Tout de même c'est amusant“, говоритъ блондинка, „pourvu que cela ne dure pas trop“.

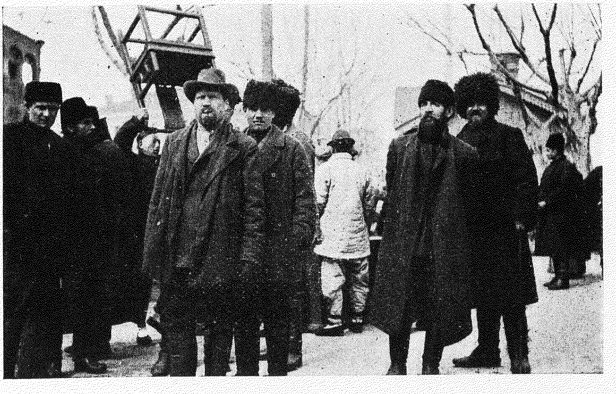
Дѣйствительно, какіе могутъ быть тутъ протесты, когда переводчики уже избѣгаютъ говорить съ нами; приходится подчиняться и ничего больше.

Но когда же наступитъ конецъ этому незаслуженному нами тюремному заключенію?

Сегодня уже шестой день что мы томимся здѣсь.



Послѣднее помѣщеніе редакціи и типографіи «Новаго Края» въ Новомъ городѣ, пострадавшее отъ непріятельскихъ снарядовъ.



Артурцы во время эвакуаціи.

Чифу, 25 января.

Всему бываетъ конецъ. Насталъ конецъ и нашему Дальнинскому плѣну.

Черезъ одиннадцать дней нашего пребыванія тамъ насъ посадили на пароходы и наконецъ то мы въ Чифу.

Сколько разъ за эти одиннадцать дней у насъ возникали неосновательныя надежды на скорый отъѣздъ. Эти надежды, какъ и большинство надеждъ, рушились, не переходя въ дѣйствительность. Не удивительно, поэтому, что и 18-го числа часовъ въ 6 вечера, когда намъ объявили, что надо брать въ нижнемъ корридорѣ билеты на пароходъ и что завтра къ 8 часамъ утра надо быть готовыми къ отъѣзду, намъ все же какъ то не вѣрилось.

Въ корридорѣ давка была невѣроятная. Всѣ 700 человѣкъ толпились и на перебой спѣшили получить простой кусочекъ бѣлой бумаги съ написаннымъ на немъ карандашемъ названіемъ парохода.

Семейнымъ выдавались билеты на пароходъ „Спнькоу-Мару“, одинокимъ на „Сейтоку-Мару“. Къ чему надо было устраивать эту давку, къ чему нужна была личная явка каждаго, когда фамиліи получившихъ билеты не записывались и даже не спрашивались, положительно не понятно. Гораздо проще можно было устроить раздачу билетовъ по камерамъ при посредствѣ тѣхъ же переводчиковъ; на что теперь потребовалось четыре часа, то могло быть съ большимъ удобствомъ сдѣлано въ полчаса. Несообразительность японцевъ сказывалась въ каждомъ ихъ распоряженіи и лишь одно что нельзя при всемъ желаніи отнять у нихъ—это строгое и точное исполненіе разъ принятаго рѣшенія.

За дни нашего сидѣнія въ Дальнемъ насъ посѣтили три „знатныхъ“ японца. Одинъ изъ нихъ, по словамъ переводчика, членъ парламента, другой какой то филантропъ - благотворитель, вродѣ уполномоченнаго Краснаго Креста и третій „микадо-бой“, что должно было означать генералъ-адъютантъ микадо.

Къ чему были эти посѣщенія, для насъ осталось тайной. Насъ просто показывали какъ рѣдкихъ звѣрей. При ихъ приходѣ въ камеру переводчикъ по-русски кричалъ намъ „встать“, на что раздавались въ отвѣтъ на русскомъ же языкѣ недвухсмысленные протесты, и многіе, не смотря на грозные взгляды переводчика, не покидали своихъ грязныхъ циновокъ.

Пытались было, очевидно какъ рѣдкость, снять всѣхъ насъ въ общей группѣ, причемъ приглашали всѣхъ на дворъ тюрьмы. Наша камера по обыкновенію протестовала: на дворъ не пошли и предлагали снять группу здѣсь же въ комнатѣ, при всей непригляднои и грязной обстановкѣ, въ которой намъ приходилось жить. Этого не захотѣли японцы.

Вообще наша палата № 8, въ виду ли разнообразнаго состава своихъ обитателей, въ виду ли своей бо́льшей численности, или же по причинѣ дѣйствительно сознаваемыхъ всѣми лишеній, казалось какъ бы незаслуженныхъ, съ каждымъ днемъ становилась буйнѣе и несговорчивѣе. Послѣдніе дни переводчики избѣгали даже заходить къ намъ, вѣроятно изъ опасенія проявленія какихъ-либо признаковъ явнаго неповиновенія, а равно и въ виду вѣроятнаго отсутствія у нихъ опредѣленныхъ инструкцій, какъ поступить съ нами, съ мирными жителями, въ подобномъ случаѣ.

Даже тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые въ началѣ думали улучшить свое положеніе какъ бы приниженностью и заискиваніемъ передъ побѣдителемъ, даже и тѣ мало по малу переходили на сторону открытой опозиціи.

Правда, японцы принимали нѣкоторыя мѣры къ успокоенію умовъ. Одинъ изъ придуманныхъ ими способовъ отчасти, на непродолжительное впрочемъ время, возымѣлъ свое дѣйствіе. Основанъ онъ былъ на чисто психологическомъ предположеніи, что человѣкъ, какъ бы не было ему худо примиряется съ своимъ положеніемъ, разъ онъ узнаетъ, что его ближній въ еще худшихъ условіяхъ. Такъ одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что въ Голубиной бухтѣ, куда направились очень многіе изъ Артурцевъ, шаландъ нѣтъ; что приходится жить на берегу подъ открытымъ небомъ; что ощущается сильный недостатокъ въ пищѣ; что появились заболѣванія и даже были смертные случаи. Далѣе намъ было сообщено, что изъ ушедшихъ двадцати шаландъ, на которыхъ было до 800 пассажировъ, ни одна до Чифу не дошла, что всѣ они погибли въ морѣ, частью разбитыя бурей, частью же разграбленныя морскими хунхузами.

Хотя свѣдѣнія эти и сообщались съ выраженіемъ чувствъ сожалѣнія къ участи погибшихъ, но при этомъ, главнымъ образомъ, подчеркивалось, что намъ въ виду этого особенно роптать на судьбу не приходится.

Среди обитателей нашей палаты нашлось не мало скептиковъ, поселившихъ и въ остальныхъ недовѣріе къ подобнымъ сообщеніямъ и духъ оппозиціи, какъ я уже сказалъ, возросталъ съ каждымъ днемъ.

Обыкновенно только вечеромъ у насъ водворялся относительный порядокъ и спокойствіе. Шумъ стихалъ. Одинъ изъ моихъ сосѣдей по ночлежкѣ имѣлъ красивый, довольно большой, хотя не обработанный голосъ. Онъ бралъ не умѣньемъ, а задушевностью тембра. Когда большинство обитателей, утомленные однообразіемъ дневного бездѣлья, располагались уже на своихъ циновкахъ, онъ начиналъ пѣть. Все смолкало.

То полный грусти, знакомый родной напѣвъ

народной пѣсни, то красивая мелодичная арія изъ оперы, то наконецъ цыганскій безъудержный, порывистый или полный истомы романсъ—все въ его исполненіи ласкало слухъ; высокая комната наполнялась бархатными звуками его голоса и даже pianissimo слышалось отчетливо при общемъ молчаніи и тишинѣ, царившей кругомъ.

Девятнадцатаго чуть ли не съ четырехъ часовъ утра ночлежка зашевелилась; раньше обыкновеннаго комната наполнилась звуками утренняго кашля. Кое-гдѣ зажглись свѣчи; начали вставать, умываться, чай пили на скорую руку, завязывали вещи, торопились. Къ 7 часамъ всѣ уже были готовы; всѣ были довольны и веселы—наконецъ то мы покидаемъ Дальній!

Только въ 11 часовъ семейнымъ было сказано собираться на улицу у входа. Вещи надо было сложить въ опредѣленныя указанныя мѣста, тутъ же на улицѣ. Черезъ окно я видѣлъ какъ ихъ построили по четыре и какъ ихъ погнали подъ конвоемъ очевидно на пристань. Черезъ часъ пришелъ и намъ чередъ. Та же команда „по тетыре“, тотъ же счетъ, тѣ же часовые съ ружьями спереди, сзади и съ боковъ и наконецъ мы пошли.

Громадные склады японцевъ, устроенные ими въ Дальнемъ встрѣчались по всему пути. Вся дорога къ пристани была обставлена какъ бы египетскими пирамидами; тутъ были и пирамиды прессованнаго сѣна и галетныхъ ящиковъ и пирамиды какихъ то туго стянутыхъ въ соломѣ тюковъ.

А вотъ и нескончаемые ряды нашихъ знакомыхъ одиннадцатидюймовыхъ снарядовъ; лежатъ они рядкомъ, каждый отдѣльно, въ трехъ, четырехъ продольныхъ доскахъ, окованныхъ желѣзными скобами и стянутыхъ толстой проволокой. Какъ ихъ много. Все это предназначалось намъ—Артуру, а теперь..... сердце невольно щемило, теперь они будутъ отправлены на сѣверъ,

куда, какъ ходили слухи, уже отправлены осадныя орудія, бомбардировавшіе Артуръ.

Черезъ полчаса пути насъ останавливаютъ. Насъ перестраиваютъ въ двѣ шеренги и начинаютъ считать. Манія счета очевидно преслѣдуетъ японцевъ. Считаютъ разъ пять и очевидно каждый разъ конечный итогъ подсчета не сходится. А не вдалекѣ виднѣется пристань, пароходы, мачты судовъ....

Идемъ дальше. Вотъ кажется мы уже у цѣли; вотъ потянулись длинные складочные сараи, вотъ помостъ мола, вотъ наконецъ на кормѣ одного изъ пароходовъ и надпись „Seytokou-maru".

И опять строй, и опять счетъ!

На этотъ разъ этимъ дѣломъ занялись два переводчика и офицеръ. Оказывается, что одного не достаетъ. Да, къ нашему несчастью, одного не хватало до того числа, какое вышло изъ города.

Несмотря на всѣ наши протесты, насъ буквально угоняютъ съ пристани; протестующихъ чуть не силой поворачиваютъ и толкаютъ въ спину. Къ неописанному нашему ужасу насъ ведутъ обратно той же дорогой неужели же опять въ городъ, опять въ тюрьму?

Но вотъ, мы доходимъ до развѣтвленія дорогъ, до того мѣста, гдѣ намъ былъ уже произведенъ предварительный подсчетъ; насъ останавливаютъ, опять выстраиваютъ въ двѣ шеренги и опять считаютъ.

Сердце каждаго изъ насъ замирало отъ томительнаго ожиданія—неужели опять не сойдется!

И всѣ мы невольно смотримъ вслѣдъ проходящему мимо нашего импровизированнаго строя японскому офицеру, тыкающему пальцемъ каждаго изъ стоящихъ въ передней шеренгѣ.

Вѣроятно не достаетъ!

Вѣроятно никогда не кончится эта мука!

Да, вѣроятно опять не сошлось, потому что вотъ онъ второй разъ возвращается къ правому флангу нашего строя и начинаетъ снова свой счетъ.

Просчитали второй разъ.

Раздается команда „по четыре“.

Куда же поведутъ насъ?

Къ счастью недостающій очевидно оказался на лицо; насъ ведутъ обратно къ пароходамъ. Мы боимся однако радоваться.

Вотъ опять помостъ мола, вотъ она желанная пристань, вотъ и мостикъ перекинутый на бортъ „Сейтоку-мару“.

По одному насъ пропускаютъ на палубу; у каждаго смотрятъ билетикъ выданный наканунѣ. На палубѣ у лѣстницы, ведущей въ трюмъ, стоитъ японскій солдатъ и указываетъ дорогу внизъ.

Нижняя палуба вся изъ сплошныхъ наръ, засланныхъ японскими циновками; на этихъ нарахъ намъ и предстоитъ размѣститься.

Ниже второй палубы трюмъ, тамъ устроены лошадиныя стойла, весь полъ густо заваленъ лошадинымъ навозомъ; въ одномъ углу тюковъ пятнадцать прессованнаго сѣна.

Уже было темно, когда доставили наши вещи. При погрузкѣ нѣкоторые заявили, что ихъ вещей нѣтъ. Съ парохода въ городъ нельзя, всѣ вещи привезены; можетъ быть, впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ по ошибкѣ погружены на „Синькоу-мару“; это возможно и конечно въ Чифу вещи найдутся. Приходилось мириться, тѣмъ болѣе, что ничего не оставалось дѣлать другого. Побѣдители были непреклонны въ разъ принятомъ рѣшеніи и оставалось только одно—идти и лечь на холодныя циновки.

Сегодня мы не пойдемъ, а пойдемъ завтра на разсвѣтѣ.

Въ этотъ день пищи никакой не давали и ѣли только тѣ, кто оказался предусмотрительнымъ и взялъ что нибудь съ собой.

Не смотря на задернутый брезентомъ люкъ, черезъ который шла лѣстница съ верхней палубы къ намъ, морозная ночь давала себя чувствовать, было холодно. Ночь была ужасна.

Часовъ въ шесть, когда я еще лежалъ на ледяной циновкѣ, не зная какъ отогрѣться, я услышалъ скрежетъ якорной цѣпи. Пароходъ, стоя на мѣстѣ вздрагивалъ всѣмъ своимъ корпусомъ отъ глубокихъ, какъ бы тяжелыхъ вздоховъ машины; на верхней палубѣ надъ нашими головами слышалась бѣготня и къ намъ доносились отдѣльные возгласы судовой команды.

Но вотъ, точно смолкло все; замеръ лязгъ цѣпи, не слышно возгласовъ матросовъ, машина даже точно затаила свое дыханіе; пароходъ уже не вздрагиваетъ своими судорожными, какъ бы болѣзненно порывистыми толчками; онъ тронулся; вода какъ бы ласкаясь шуршитъ по его бортамъ; мы пошли.

Часа черезъ три мы проходимъ мимо Артура. Въ лиловатой утренней туманной дали виднѣлись контуры Золотой горы, Тигроваго хвоста и высокаго хребта Ляотешана.

И эти дорогія очертанія такъ тревожили сердце, такъ волновали грудь!

Важенъ ли Россіи Артуръ?

Какъ группа скалистыхъ, голыхъ, лишенныхъ растительности скалъ, какъ мелководная, тѣсная, съ однимъ узкимъ входомъ бухта, какъ грязный съ кривыми узенькими улицами китайскій городъ, только что начавшій принимать болѣе приличный видъ, Артуръ

конечно Россіи не нуженъ; Россія можетъ быть могущественна и сильна безъ него.

Но съ тѣхъ поръ, какъ мы вырвали Артуръ изъ рукъ японцевъ, съ тѣхъ поръ какъ на Золотой горѣ взвился нашъ флагъ, съ тѣхъ поръ какъ мы соединили его желѣзнодорожнымъ путемъ съ сердцемъ Россіи—съ Москвой, съ тѣхъ поръ какъ онъ воплотилъ въ себя идею могущества Россіи на Дальнемъ Востокѣ—Артуръ сталъ символомъ, Артуръ одухотворился, Артуръ изъ неудобнаго порта, изъ грязнаго китайскаго городишки сталъ воплощеніемъ силы и могущества Россіи; Артуръ сталъ ей необходимъ.

Осажденный, борющійся Артуръ являлся стимуломъ для настойчиваго продолженія войны.

Артуръ взятый съ боя, Артуръ изнуренный, искалѣченный, Артуръ безъ снарядовъ, безъ одной пачки патроновъ, Артуръ павшій въ рукопашномъ бою сталъ бы святыней; онъ сталъ бы такъ дорогъ сердцу каждаго русскаго, что вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, требовала бы возмездія, отмщенія.

Артуръ сданный—позоръ.

Сдача Артура смертельный, почти неизгладимый ударъ обаянію Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Востокъ поколебленъ въ своей вѣрѣ въ необходимость Россіи.

Японцы отлично сознавали значеніе Артура. Казалось даже, что и генералъ Стессель какъ бы сознавалъ это.

Какъ горды мы были всѣ—Артурцы отвѣтомъ, даннымъ имъ японскимъ парламентерамъ 3-го августа—„русскія крѣпости не сдаются“.

За этотъ отвѣтъ мы многое ему прощали.

И что же?

Конецъ извѣстенъ.

Трусливый, боявшійся за свою жизнь, не бывавшій въ бою генералъ; необразованный, самоуправный, осыпанный царскими милостями не по заслугамъ, а какъ бы на вѣру въ счетъ будущихъ подвиговъ—онъ при первой же реальной опасности для себя лично, когда, съ очищеніемъ Орлинаго гнѣзда и укрѣпленія л. Б. его скрытое дотолѣ отъ обстрѣла мѣстожительство въ расположеніи 10-го полка могло подвергнуться бомбардировкѣ, поспѣшилъ сдаться.

Могъ ли такой человѣкъ понять значеніе Артура для Россіи?

Стессель по натурѣ не могъ быть героемъ, но безсмертіе своему имени заслужилъ: Россія никогда не забудетъ своего Базэна.

Пароходъ шелъ быстро.

Берега уже не было видно; Артуръ скрылся изъ глазъ; кругомъ во всю ширь плескали волны. Вдали виднѣлся дымокъ слѣдовавшаго за нами „Синькоу-мару“, а надъ мачтами нашего парохода кружилась стая бѣлыхъ чаекъ.